ISSN 1812-2566

UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.2 (XXXIII), 2006

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2006

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). –
Revistă ştiinţifică trimestrială. - Chişinău: USM, nr.2 (XXXIII), 2006. – 183 p.

În acest număr al revistei sînt examinate diferite probleme ale vieţii social-politice din Republica Moldova: rolul remitenţelor migranţilor de muncă în stabilizarea social-economicăa ţării, alegerile parlamentare şi alegerile-2 a primarului general al municipiului Chişinău din noiembrie-decembrie 2005, cultura politică în perioada de tranziţie, grupurile de presiune în contextul procesului decizional contemporan, interacţiunea sistemului politic, sistemului de partide şi sistemului electoral, procesul de negocieri şi modelele de soluţionare a conflictului transnistrean, perspectivele soluţionării conflictului israelo-palestinian, terorismul contemporan, integrarea Ucrainei în structurile euroatlantice, etc.

Materialele sunt adresate studenţilor, profesorilor, celor, ce se interesează de ştiinţa politică contemporană.

Ideile şi opiniile expuse în materialele prezentate aparţin autorilor şi nu reflectă neapărat punctul de vedere al colegiului de redacţie

Articolele sunt recenzate

versiunea electronică: http://www.usm.md/cercetare/moldoscop.asp

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ ŞI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ В МОЛДОВЕ[1]

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений, политических и административных наук
Кафедра политических и административных наук, доктор-хабилитат политических наук, профессор, заведующий кафедрой

Валентина ТЕОСА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра международных отношений, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой

After achieving independence in 1991, Moldova quickly became a typical labor emigration country: at present, working abroad are more than 500 thousand, or about 10 percent of its citizens. It is also the only CIS member with a comprehensive migration policy and quality data on migration and remittances.

Migrants' remittances to Moldova amount to about 25-30 percent of the GDP, one of the highest levels in the world. The proposed paper considers the main patterns of migration, the structural characteristics of the new migration wave, and the migrants' major destination countries. Special attention is given to the relative costs of movement to various countries and the scale and the major channels of movement of migrants' remittances as well

[1] *Рецензент – доктор философских наук, доцент Юлия ГОРИНЧОЙ*

as to their impact on the individual migrant households and Moldova's economy in general.

1.Трудовая миграция молдавского населения: современные объемы и тенденции

Экономический кризис и спад производства, инфляция, растущая структурная безработица, сокращение расходов на социальную сферу, систематические невыплаты зарплаты оказали определяющее воздействие на развитие миграционной ситуации в Молдове, привели к росту экономической миграции молдавского населения. Со второй половины '90-х годов начинает набирать силу трудовая миграция молдавского населения.

Хотя проблема трудовой миграции актуализирована достаточно продолжительное время в общественном мнении населения Республики Молдова, однако, до сих пор отсутствует адекватная и полная информация о количестве молдавских трудовых мигрантов, работающих за границей. В средствах массовой информации фигурируют цифры от 340 тысяч до 1 миллиона человек. Опираясь на результаты социологических исследований, проведенных по национально-репрезентативной выборке в последние годы[2], можно утверждать, что в трудовую миграцию вовлечен практически каждый третий трудоспособный житель Республики

---

[2] *Социологическое исследование, проведенное Альянсом по микрофинансированию Молдовы (январь – сентябрь 2003 года) в 4.500 домохозяйствах и было опрошено 750 трудовых мигрантов, свидетельствует о том, что в Молдове имеется 340 тысяч трудовых мигрантов, т.е. 22% активного трудоспособного населения. В то время как социологическое исследование, проведенное фирмой CBS AXA (апрель – октябрь 2004 года) в 3714 домохозяйствах и было опрошено 1006 трудовых мигрантов, оперирует цифрой в 571 тысячу молдавских граждан, вовлеченных в процессы международной трудовой миграции, то есть 39% от трудоспособного населения. Число тех, кто предполагают уехать на работу в ближайшем будущем, составляет 690 тысяч человек или 48% экономически активного населения (См.: Ghencea B., Gudumac I. Migraţia de muncă şi remitenţele în Republica Moldova". / Organizaţia Internaţională a Muncii, Alianţa de Microfinanţare din Moldova. - Chişinău: AMF-SOROS, 2004; Transferuri de bani de la cetăţenii Republicii Moldova, aflaţi peste hotare la muncă. / Organizaţia Internaţională pentru Migraţie. – Chişinău: CBS AXA. A TNS CSOP Branch in Moldova, 2004).*

Здесь и далее социологическое исследование, проведенное Альянсом по микрофинансированию Молдовы, будет фиксироваться как «АМФ-2003», а социологическое исследование, проведенное CBS AXA. A TNS CSOP Branch in Moldova, будет кодироваться в тексте как «МОМ-2004».

Молдова. По результатам переписи населения Молдовы (ноябрь 2004 года) в трудовой миграции участвует около 600 тысяч человек[3]. По нашему мнению, пик массовости участия в трудовой миграции еще не достигнут.

Если ранее ведущей была тенденция трудовой миграции молдавского населения в государства СНГ, в первую очередь, в Россию, то ныне помимо традиционной трудовой миграции на восток появляются западный и юго-западный вектора трудовой миграции. При этом отметим, что постепенно происходит переориентация трудовых мигрантов на «старое» зарубежье. Среди наиболее привлекательных для молдавских мигрантов стран выделяются Италия, Португалия, Испания, Турция, Греция, характеризующиеся высокой долей неформального сектора в экономике.

Выдвижению на передний план западного вектора трудовой миграции благоприятствовала практически равноудаленность Молдовы как от средиземноморских стран, так и от Москвы, России, близость романской языковой группы для молдаван, тюркской языковой группы для гагаузов, славянской языковой группы для русскоязычных граждан Молдовы, сложившаяся сеть знакомых через еврейско-молдавскую диаспору в Германии, Израиле, других странах. Подчеркнем, что сегодня русскоязычная среда во многих европейских странах является ощутимым явлением. Следует также учесть и то, что оплата труда на Западе выше, чем в России. И еще одно важное обстоятельство: - криминогенность, предпринимательский, полицейский и чиновничий беспредел в странах Европейского Союза не идут ни в какое сравнение с ситуацией в Российской Федерации как основного потребителя молдавских трудовых мигрантов на постсоветском пространстве. Благодаря миграционным амнистиям, другим механизмам регулирования миграции в странах Европейского Союза вполне возможна и реальна трансформация нелегального статуса в легальный. В то время как в России это сделать значительно сложнее[4].

Происходит расширение географии трудовой миграции. В миграционном движении населения Молдовы отчетливо просматривается тенденция к освоению новых пространств. Подобно «масляному пятну» молдавские трудовые мигранты осваивают как близлежащие, соседние страны, так и государства, которые находятся на значительном расстоя-

---

[3] *См.: «Комсомольская правда в Молдове», 2004, 30 октября.*

[4] *См.: Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу! И не только... – Кишинев, Молд.ГУ, 2005, с.25. Отметим, что в России происходят определенные подвижки: она планирует провести с 2006 года миграционную амнистию.*

нии от нашей страны и в которых отсутствует как молдавская диаспора, так и общность производственных, кровнородственных, языковых, и иных связей с Республикой Молдовы. Согласно нашим исследованиям городских домохозяйств молдавские граждане работают практически по всей Европе[5]. И не только в Европе. Все чаще можно встретить молдавских трудовых мигрантов в экзотических, неевропейских странах: Южная Корея, ЮАР, Колумбия, Малайзия и др.

Естественно, что эта многотысячная армия молдавских трудовых мигрантов не одномоментно находится и работает в зарубежье. Это своего рода «броуновское движение», характеризующееся постоянными разнонаправленными людскими потоками. Несомненно, что имеются определенные временные «пики» (месяцы), когда в общей массе мигрантов преобладают те, кто едет на заработки или когда большая часть возвращается в Молдову на праздники, отдых, лечение и т.д.

Социологические исследования показывают, что в процессы современной трудовой миграции затрагивают и пронизывают все молдавское общество. На начальном этапе более активными в трудовой миграции были представители национальных меньшинств. Сегодня же в нее включены прндставители всех этнических групп, в том числе и титульной нации. Хотя большинство трудовых мигрантов является мужчинами, доля женщин достаточно велика, составляет от четверти до трети всех молдавских трудовых мигрантов. В международных трудовых миграциях принимают участие различные половозрастные и профессионально-образовательные группы страны. Наиболее активна молодежь и люди средних возрастов (более 70% в возрасте до 40 лет и почти 40% в возрасте до 30 лет)[6]. Средний возраст трудового мигранта составляет 35-36 лет.

---

[5] *См.: Мошняга В. «Чемодан, вокзал … и далее везде»: трудовая и коммерческая миграция городского населения Молдовы по результатам социологического исследования. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. – Кишинэу, CAPTES, 2000; Ghencea B., Gudumac I. Migrația de muncă şi remitențele în Republica Moldova". / Organizația Internațională a Muncii, Alianța de Microfinanțare din Moldova. - Chişinău: AMF-SOROS, 2004; Transferuri de bani de la cetățenii Republicii Moldova, aflați peste hotare la muncă. / Organizația Internațională pentru Migrație. – Chişinău: CBS AXA. A TNS CSOP Branch in Moldova, 2004; Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу! И не только... – Кишинев, Молд.ГУ, 2005 и др.)*

[6] *Republica Moldova: Politici de creştere economică, creare a locurilor de muncă şi reducere a sărăciei. – Chişinău, 2005, p.116.*

В трудовой миграции широко представлена как высококвалифицированная, так и неквалифицированная рабочая сила, представители бюджетной сферы (учителя, инженеры, врачи), индустрии, транспорта, строительства, сельского хозяйства.

Миграция затрагивает все населенные пункты страны. Однако, в отличие от предшествующего периода среди трудовых мигрантов, работающих в России, реже встречаются жители столицы Молдовы – Кишинева. Столичные трудовые мигранты в основном ориентируются на миграцию в страны европейского Союза. Среди работающих в России главным образом представлены жители малых городов или сельские жители[7], представляющие в отличие от столичных жителей менее динамичную часть рабочей силы[8].

Трудовые мигранты-мужчины заняты в основном в строительстве, на транспорте, в индустрии, сельском хозяйстве. По данным «МОМ-2004» подавляющее большинство молдаван работают в строительстве – 51%. Женщины-мигранты работают в сфере обслуживания, торговле, по уходу за престарелыми, больными, детьми, в качестве домашней прислуги, в сфере секс-услуг. Основная масса трудовых мигрантов не работает по специальности. Однако, в отличие от западноевропейских стран, где подавляющая часть трудовых мигрантов работает не по специальности (исключение, строители), в России возможности трудоустройства по специальности все же больше (строительство, сельское хозяйство, транспорт, строительство, промышленность, сфера обслуживания, торговля).

Наиболее массово выражено присутствие молдавских трудовых мигрантов в России и в странах Европейского Союза. Россия является основным потребителем молдавских трудовых мигрантов в контексте глобальных миграций – 58,2%. Среди других стран отметим: Италия (19%), Португалия (5%), Испания, Турция, Греция, Чехия, Израиль, Франция, Германия, Ирландия, Кипр, Румыния, Украина.

---

[7] *Российский исследователь Г.Витковская, основываясь на результатах проведенного опроса, утверждает, что 34% всех трудовых мигрантов являются выходцами из сельской местности (см. Витковская Г. Основные результаты исследования незаконной миграции в России в 2001-2002 гг. // Доклад на международном семинаре «Политика в области трудовой миграции и управление данными». - Республика Молдова, Кишинев, 27-28 сентября 2004 года).*

[8] *См.: Мошняга В., Руснак Г., Цуркан В. Молдавские трудовые мигранты в России. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XX. – Chişinău, USM, 2002, с.74-99.*

Таблица 1. Основные страны назначения трудовых мигрантов.

страна	*«АМФ-2003»*	*«МОМ-2004»*
Испания	...	1,5
Италия	18,0	18,9
Россия	54,7	58,2
Турция	3,9	1,3
Румыния	...	1,9
Португалия	4,3	5,0
Кипр	...	0,5
Германия	...	1,0
Греция	4,4	2.7
Чехия	...	0,8
Бельгия	...	0,5
Израиль	2.1	1,4
Украина	2,8	2,2
Франция	...	0,9
Другие страны	9,8	3,0
Всего	100,0	100,0
Европейский Союз		31,8
СНГ		60,4

Если в Россию, Украину и Румынию молдавские трудовые мигранты добираются беспроблемно, используя безвизовый режим, в страны Европейского Союза необходимо наличие визы, неофициальная стоимость которой варьируется от 2.500 до 4.500 евро. Нередко используется и нелегальный переход границы государств Европейского Союза.

Трудовая миграция в Россию и в страны Европейского Союза отличаются по продолжительности. Молдавские гастарбайтеры планируют работать в России в среднем 5,5 месяцев, фактически средняя продолжительность пребывания в России составляет чуть более 7 месяцев. Мигранты из Молдовы представляют поток временной трудовой, даже преимущественно сезонной, миграции в Россию[9]. В странах «старого зарубежья», государствах Европейского Союза средняя продолжительность пребывания составляет в среднем более года (14-16 месяцев).

По данным социологических исследований «МОМ-2004» 75% мигрантов получают зарплату от 100 до 1000 долларов и только 20% более 1000 долларов. По данным исследования «АМФ-2003»: в среднем рабо-

[9] *См.: Долгих Е. Трудовые мигранты из Молдовы в России (по данным социологических опросов в поездах Кишинев-Москва-Кишинев). // Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистических стран. – Кишинев, Молд.ГУ, 2002, с.49.*

тающий за границей мигрант получает 543 дол. США, при этом в странах СНГ в среднем - 368 дол. США, в западных странах значительно выше в среднем 600-1000 дол. США и только в Германии – 1300 дол. США. Молдавские трудовы мигранты-строители в России в среднем получают от 450 до 750 долларов США, в странах Европейского Союза – от 900 до 1500 долларов[10]. Согласно исследованиям миграции и денежных переводов «АМФ-2003» молдаване ежемесячно, в зависимости от многих факторов, получают от 250 до 1300 долларов США. В целом, ежемесячный заработок не отличается у мужчин и женщин. Констатируется рост ежемесячной зарплаты в зависимости от продолжительности пребывания мигранта в стране назначения.

2. Объемы денежных переводов от молдавских трудовых мигрантов

Следует отметить, что денежные переводы молдавских трудовых мигрантов в страну происхождения осуществляются различными путями, как по официальным, так и по и неофициальным каналам.

Объемы денежных средств, полученных по официальным каналам, статистика подсчитывает достпточно точно, отмечает, что их объемы из года в год возрастают. В приведенной ниже таблице показана динамика роста денежных средств за период 1998-2005 годы, их доля в ВВП страны. Денежные средства, переведенные молдавскими трудовыми мигрантами в 2005 году, составляют около 1 млрд. долларов США, что значительно превышает доходную часть бюджета страны. В 2005 году доходная часть бюджета Республики Молдова составила 900 млн. долларов США[11].

По доле денежных переводов в ВВП Республика Молдова занимала на начало 2005 года второе место в мире, уступая лишь островному (в

---

[10] Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу и не только... – Кишинев, Молд.ГУ, 2005, с.30-31. В апреле – декабре 2004 года было проведено социлогическое исследование среди молдавских трудовых мигрантов-строителей. Всего было проинтервьюировано более 100 строителей, работающих в странах СНГ и Европейского Союза. Во многом аналогичные результаты были получены нами и при исследовании проблем нерегулируемой миграции молдавских трудовых мигрантов-мужчин, проведенном в декабре 2005 года – январе 2006 года.

[11] См.: Лорченков В. Молдова живет на деньги нелегалов. // «Комсомольская правда в Молдове», 2006, 13 января. Всемирный Банк в докладе за 2005 год «Глобальные экономические перспективы» отмечает, что в Республике Молдова в трудовую миграцию вовлечено 600 тысяч человек, то есть каждый третий трудоспособный житель. В 2005 году молдавские трудовые мигранты прислали из-за рубежа денежных переводов на 1 млрд. долларов.

бассейне Тихого океана) государству Тонга. На третьем месте «отметилось» африканское государство Лесото.

Таблица 2. Динамика денежных переводов в Республику Молдова 1999-2005[12]

	1998	*1999*	*2000*	*2001*	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*
US$ млн.	121,0	109,8	159,0	223,0	268,0	461	701	1.000
% ВВП	7,1	9,3	12,3	15,1	16,5	23,5	27	41

Согласно данным МВФ, 59% денежных переводов, пришедших в Молдову по официальным каналам, поступают из стран Европейского Союза, 26% - из стран СНГ, 15% - из других стран[13].

Значительно труднее подсчитать количество денежных средств, поступивших в Молдову по неофициальным каналам[14]. Проведенные исследования показывают, что мигранты чаще обращаются к неофициальным каналам: более 45,0% из общего количества денег были переводы через банковские системы, соответственно 55,0% - были переведены через друзей, коллег или лично ввезены в страну по возвращению («АМФ-2003»).

Таблица 3. Основные каналы отправки денег в Молдову.

	МОМ-2004	
	использовали один раз (%)	***использовали чаще (%)***
Банковские переводы	25,7	13,0
Быстрые переводы	28,8	19,5
Почтовые переводы	4,4	1,9
Проводники поездов	12,7	7,1
Водители автобусов и микроавтобусов	11,4	6,8

[12] *См.: ежегодные отчеты Национального Банка Молдовы.*

[13] *International Monetary Fund: Republic of Moldova: selected issues. Report. January 2005. - Washington, DC, 2005, p.10*

[14] *Причины этого: которые, в общем, используются для предотвращения контроля со стороны соответствующих органов. Поэтому мигранты часто переводят свои деньги в страну при помощи доверенных лиц, не учитывая вытекающих отсюда последствий. Эти системы перевода денег, гарантируют скорость, упрощенный доступ, уменьшение затрат и анонимность, подвержены различного рода рискам – грабеж, подлог, и не очень надежны. Все же, мигранты – выходцы из сельской местности – предпочитают их официальным каналам, из-за практической нехватки в селе банковских инфраструктур и услуг.*

Привозили лично	38,9	17,3
Через родственников, друзей знакомых	29,1	11,7
В посылках и других передаваемых вещах	8,7	1,3
Другое	9,4	0,9
нет ответа		20,6

Выбор канала переправки денег зависит от многих факторов, таких как страна пребывания (и отправления денег), длительность миграции, география происхождение мигранта (сельский или городской населенный пункт). Кроме того, определенное влияние оказывает легальный статус пребывания и трудовой деятельности мигранта, его возраст, образование и доверие к существующей банковской системе[15], наличие и близость удобной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей связь с родиной (железнодорожное, автобусное сообщение), стоимость[16] и безопасность пересылки и др. Опросы («МОМ-2004») показывают, что предпочтение при выборе метода пересылки денег мигранты объясняют: скоростью (23,9%), легко отправлять (10,2%), легко получать (3,7%), безопасностью (16,3%), стоимостью пересылки (8,8), привычкой (0,1%), удобством (5,3%), Другими причинами (15,1%), отказались отвечать (16,6%).

Согласно социологическим исследованиям «АМФ-2003», соотношение формальных и неформальных денежных переводов измеряется пропорцией 44:56. Данный показатель кореллируется с общемировой тенденцией. Мировая практика свидетельствует (данные ООН), что денежные средства, поступающие от трудовых мигрантов по официаль-

[15] *Российский исследователь Е.Тюрюканова обращает внимание и на такую специфическую черту постсоветского времени как недоверие населения к официальным институтам: «недоверие к официальным институтам, боязнь потерять деньги. Резонно, учитывая недавние банковские кризисы в России и нестабильную ситуацию в большинстве стран получателей. К этому добавляются и советская привычка не доверять деньги банкам, и предпочтение неформальным отношениям, которые зачастую оказываются эффективнее формальных. Немаловажный фактор – нелегальность нахождения в стране-реципиенте». (см.: Тюрюканова Е. Денежные переводы мигрантов в российском контексте. // Pro et contra, 2005, июль-август, с.94)*

[16] *Специалисты считают, что стоимость переводов через банковские системы чрезмерна высока для небольших сумм, а соответствующие операции излишне формализованы и представляются очень сложными для «непродвинутого» пользователя» (см.: Глущенко Г.И., Пономарев В.А. Официальные системы денежных переводов. (http:bankdelo.ru/06Pono1.htm)*

ным и неофициальным каналам, распределяются в соотношении 40:60 в пользу неофициальных каналов[17].

Официальные каналы пересылки денег предпочитают мигранты из Португалии, Испании (65,3% ремитансов), из Франции, Германии, Бельгии и Великобритании – 47,7%; из Италии – 42,9%, из Греции, Турции, Кипра – 33,3%, из СНГ (России, Украины) – только 19,9%. В это же время 80,1% мигрантов из Молдовы, работающих в СНГ выбирают неформальные каналы; аналогично поступают 66,7% мигрантов из Греции, Турции, Кипра, 57,1% из Италии, 52,6% из Франции, Германии, Бельгии и Великобритании; 34,7% из Португалии-Испании («АМФ-2003»).

Опрос строителей-мигрантов показывает, что по России только каждый шестой респондент использует банковские и почтовые способы. Для сравнения молдавские строители, работающие в странах Европейского Союза, других государствах «старого зарубежья», отдают предпочтение банковским трансфертам. Это характерно для каждого второго опрошенного человека в странах Запада. Работающие в России предпочитают привозить деньги сами. Это, на наш взгляд, объясняется помимо всего прочего и тем, что продолжительность трудовых командировок в Россию значительно короче, люди могут чаще беспроблемно выехать из страны и вновь вернуться на заработки, и поехать на праздники, в отпуск на недельку и т.д. Такая возможность в странах Европейского Союза, государствах «старого зарубежья» менее реальна[18].

Определенная зависимость сумм денежных переводов и канала отправки просматривается от длительности пребывания мигранта. По результатам социологических исследований («АМФ-2003») из находящихся на заработках до 9 месяцев мигрантов отправляют 33,3% средств официальным путем, а 66,7% - неофициальным. При более длительной миграции картина меняется в сторону увеличения доли официальных каналов: работающие от 9 до 24 месяцев (до 47,6%), работающие более 24 месяцев (45,4% средств).

Согласно отчету Национального Банка Молдовы, самый большой объем иностранной валюты был переведен физическими лицами, через «экспресс-агентства перевода денег» (АТР), что объясняется оперативностью и быстротой совершения операций. Несомненно, что на возрастание роли этого канала оказывает влияние и снижение процентной ста-

---

[17] *См.: Тюрюканова Е. Денежные переводы мигрантов в российском контексте. // Pro et contra, 2005, июль-август, с.93*

[18] *См.: Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу! И не только... – Кишинев, Молд.ГУ, 2005, с.31*

вки за перевод небольших денежных сумм, осуществленное Western Union, другими экспресс-агентствами. В тоже время, расширяется сеть ATP из-за вступления новых операторов на рынок денежных переводов, предоставляя более конкурентоспособные услуги. В частности, Migom, Anelik и другие агентства, которые предоставляют свои услуги по быстрому переводу денег за небольшой процент (1-1,5%).

Рост денежных переводов через банковские системы объясняется тем, что некоторые банки-резиденты заключили договора о сотрудничестве с известными банками, к примеру с банками из Италии, Португалии и др. Благодаря этим льготам (скидкам), мигрантам, работающим за границей, предоставляются более выгодные тарифы для денежных переводов. Наметилось изменение и в возможностях перечислений из России – новые более выгодные и фиксированные тарифы. Однако, отсутствие легальной базы пребывания молдавских мигрантов в СНГ тормозит легализацию денежных переводов.

Представляется, что для определения объемов неофициальных денежных переводов в Молдову необходимо учесть действие и еще ряда факторов. Большинство трудовых мигрантов работает в России, продолжительность трудовых командировок которых составляет в среднем чуть более полугода. Среди них велика доля людей, которые фактически заняты сезонной миграцией, по продолжительности не превышающей трех месяцев. Переводы как по официальным, так и неофициальным каналам в таких ситуациях не столь велики. Кроме того, следует учесть, что только за 2003-2004 годы из страны выехало зарубеж и не вернулось, согласно данным Департамента пограничных войск Республики Молдова, более 218 тысяч человек[19].

При оценке объемов денежных переводов, осуществленных по неофициальным каналам, следует учесть, что Мировой Банк учитывает глобальные денежные переводы мигрантов как сумму трех потоков: 1). Переводы мигрантов, находящихся за рубежом более 1 года; 2). переводы мигрантов, работающих за рубежом менее одного года; 3). другие потоки товаров и денег, связанные с миграцией (оплата мигрантами товаров

---

[19] *См.: Anuarul statistic al Moldovei. 2005. – Chişinău, DSS, 2005, p.70. Речь идет о разнице в пересечениях государственной границы Республики Молдова (въезд и выезд из страны молдавских граждан в течение календарного года). При этом отметим, что в данном случае указаны пересечения государственной границы без приднестровского участка, который контролируется сепаратистскими структурами Тирасполя и не предоставляет информацию соответствующим институтам Республики Молдова.*

и их доставка в свою страну, возврат долгов, пенсии и т.п.). Эти потоки соотносятся между собой как 4:1:2.[20]

Однако, полагаем, что эти цифры также не следует абсолютизировать, ибо, как показывает практика, в том числе и Республики Молдова, удлинение сроков пребывания и трудовой деятельности в стране приема, легализация трудового мигранта ведут к уменьшению денежных переводов в страну происхождения, потому что появляются другие цели расходования средств в стране приема мигранта (приобретение жилья, обучение детей, страхование жизни и к пенсии, накопление в банках и др.). Эксперты Мирового Банка на основании данных Национального Банка Молдовы полагают, что денежные переводы от молдавских трудовых мигрантов, работающих за рубежом до одного года, составляют 70% всех поступлений в страну, остальные средства поступают от длительной миграции и они значительно скромнее[21], т.е. наблюдается перспективная консолидация доходов мигрантов, которые начинают работать на страну приема, но не на страну выезда[22].

В свете вышесказанного, полагаем, что общая сумма денежных переводов, пришедших в страну в 2005 году по официальным и неофициальным каналам, составляет от 1,5 до 1,75 млрд. долларов США.

3. Применение денежных переводов в Молдове и их эффекты.

Денежные переводы из-за рубежа делаются как правило в твердой валюте (доллар или евро). Увеличение поступлений иностранной валюты на внутренний рынок помогает защитить национальную валюту. Для бедных стран, в том числе, и для Молдовы денженые переводы становятся одним из крупнейших и стабильных источников финансовых поступлений, иностранной валюты. Посредством официальных и неофициальных денежных переводов молдавских граждан страна получает большую финансовую помощь, чем от иностранных инвестиций в ее экономику. Так, только в 2005 году страна получила больше финансовых средств от молдавских граждан, работающих за рубежом, чем от

---

[20] *Цит.: Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция. – Москва, Теис, 2005, с.218.*

[21] *International Monetary Fund: Republic of Moldova: selected issues. Report. January 2005. - Washington, DC, 2005, p.10*

[22] *См. Теоса В. Механизм социального партнерства в политике оптимизации ремитансов: реальность и возможности. // Moşneaga V., Corbu-Drumea L. (Coord.) Populaţia Republicii Moldova în contextul migraţiilor internaţionale. / UNESCO, USM, "Dialog Intercultural", "CAPTES". Vol. II. – Iaşi, Pan-Europe, 2006, p.228-248*

иностранных правительств и частных инвесторов за период октябрь 1994 года – октябрь 2005 года (1 млрд. 151 млн. долларов США). Конечно, денежные переводы напрямую не увеличивают бюджетные доходы правительства, но вносят вклад в национальные сбережения и валютные резервы. Это содействует укреплению ее национальной безопасности[23].

Растущие объемы денежных переводов благотворно сказываются на развитии банковской системы страны, ее консолидации. Они играют важную роль в осуществлении денег, заработанных трудовыми мигрантами в Республику Молдова. В представленной ниже таблице приводятся данные о переводах денег из-за рубежа через коммерческие банки[24].

Таблица 4. Денежные переводы из-за рубежа, осуществленные физическими лицами посредством коммерческих банков, годовая динамика (млн. долларов США).

год	*1-й квартал*		*2-й квартал*		*3-й триместр*		*4-й триместр*		*за год*	
	1	*2*	*1*	*2*	*1*	*2*	*1*	*2*	*1*	*2*
'99	12.41	5.70	20.23	11.31	26.08	16.08	30.90	19.12	89.62	52.21
'00	29.35	19.49	36.02	23.92	42.37	28.49	45.20	29.87	152.94	101.77

[23] *«В отличие от иностранной помощи поток денежных трансферов не зависит от прихоти правительств стрна-доноров и не обременен жесткими условиями, оговариваемыми международными кредитными учреждениями. В противоположность иностранным инвестициям или займам на денежные переводы никак не может повлиять стадный инстинкт частных инвесторов и финансовых воротил. В период экономических кризисов, когда особенно велика потребность в деньгах, развивающиеся страны теперь испытывают зависимость не от хитросплетений финансовых рынков, а от миллионов – во всех отношениях отнюдь не влиятельных мигрантов, работающих за рубежом. Если говорить о финансовых условиях, то нельзя не признать, что денежные переводы – для государства – сущий подарок. В то время как привлечение других источников капитала предполагает, что страна-получатель несет определенные издержки (выплата процентов по займа, вывоз инвесторами прибыли), денежные переводы мигрантов, напротив, не трубуют никакого обслуживания. В результате крупнейшими донорами иностранной помощи оказываются не правительства, а мигранты. К тому же пересылка денег не требует дорогостоящей бюрократии, и коррумпированным чиновникам не удается поживиться за счет денежных переводов». (См.: Капур Д., Макхейл Д. Прибыльная миграция. // Pro et contra, 2005, июль-август, с.82)*

[24] *Teosa V., Moşneaga V., Ţurcan V., Iurcu S., Slobodeniuc G. Remitenţele lucrătorilor migranţi: oportunităţi de optimizare a investiţiilor sociale. Raport. // Remitenţele lucrătorilor migranţi: oportunităţi de optimizare (atelier de lucru). / Organizaţia Internaţională a Muncii, Ministerul Economiei şi Comerţului al Republicii Moldova, Uniunea Europeană, Chişinău, 15 noiembrie 2005.*

'01	42.64	28.69	45.29	30.98	59.87	38.52	64.19	41.89	211.99	140.08
'02	50.77	32.74	60.21	39.34	73.05	46.20	70.09	43.07	254.12	161.35
'03	61.59	35.58	76.12	42.54	90.94	50.22	89.11	47.71	317.76	176.05
'04	76.80	37.56	91.07	45.71	111.76	60.37	133.07	82.54	412.70	226.18
'05	119.56	80.73								

Примечания: 1 – всего денежных поступлений; 2 – посредством систем быстрого перевода денег

Исход трудовых ресурсов, неиспользованных в стране, на самом деле, избавляет Молдову, по мнению исследователей, от проблемы внутренней безработицы. Денежные доходы позволяют поддерживать социальную стабильность в стране, снижают напряженность социального конфликта. В Республике Молдова с начала '90-х годов XX века фактически не было проявлений социального конфликта вследствие материальных проблем молдавского населения. Хотя падение экономического потенциала, жизненного уровня населения было очень значительным: в 2000 году экономический потенциал страны составлял 34%, а уровень жизни населения составлял лишь 19% от уровня 1990 года. Немалую роль в отсутствии / смягчении социальных конфликтов в стране сыграла, в немалой степени, трудовая миграция населения, денежные переводы мигрантов.

Трудовая миграция, денежные средства, поступающие из-за рубежа, позитивно влияют на социальную структуру Молдовы, увеличивая численность среднего класса и, соответственно, уменьшая категорию бедных и очень бедных[25]. Материальное положение домохозяйств, члены которых вовлечены в трудовую миграцию, находятся в более благоприятной ситуации, у них больше возможностей избежать риски переходного периода, общественных трансформаций. Сравнительный анализ материального благосостояния домохозяйств свидетельствует об этом достаточно убедительно.

Таблица 5. Материальное положение домохозяйств в свете трудовой миграции («МОМ-2004»)

		1	***2***	***3***	***4***	***5***
Питание	***до миграции***	1,6	57,1	34,3	5,6	1,4
	после миграции	7,4	71,6	18,5	1,0	1,5
Жилье	***до миграции***	1,6	52,1	38,2	6,3	1,9
	после миграции	4,7	70,4	21,5	1,6	1,8

[25] *См.: Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. – Кишинэу, CAPTES, 2000; Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. / Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. - Москва, 2003*

Одежда	***до миграции***	1,1	46,9	45,0	5,3	1,7
	после миграции	4,5	68,1	24,3	1,4	1,7
Здоровье	***до миграции***	1,6	50,7	38,3	7,6	1,8
	после миграции	2,8	57,6	33,2	4,7	1,7
Образование	***до миграции***	1,9	47,4	35,5	4,6	10,6
	после миграции	3,3	60,1	20,8	1,8	14,0
Развлечения	***до миграции***	1,0	31,8	46,7	12,9	7,5
	после миграции	2,3	47,3	35,6	7,1	7,7

Примечание: 1 – очень хорошее, 2 – хорошее, 3 – тяжелое, 4 – очень тяжелое, 5 – нет ответа.

Исследования показали, что в 2/3 всех домохозяйств, в которых имеются трудовые мигранты, материальное благосостояние формируется в основном денежными переводами мигрантов. Вклад трудового мигранта, его денежные переводы составляют большую часть бюджета домохозяйств (65% и более). При этом в трети домохозяйств вклад трудового мигранта составляет более 85 процентов в материальное благосостояние его семьи, домохозяйства.

Таблица 6. Вклад трудового мигранта мигранта в материальное благосостояние семьи («АМФ-2003»)

мигрантская доля в материальном благостоянии семьи	***% домохозяйств***
до 15%	6,4
от 15 до 35%	7,7
от 35 до 65%	17,5
от 65 до 85%	33,6
свыше 85%	34,8

Анализ структуры использования домохозяйством получаемых из-за рубежа денежных средств свидетельствует, что большая часть денег, поступающая от трудовых мигрантов в бедные домохозяйства, проедается. Некоторая часть идет на удовлетворение «потребностей развития»: получение образования, услуги здравохранения, туризм, приобретение современных товаров, повышающих информированность, знания и потенциальные возможности людей (компьютер, информационно-коммуникационные услуги), открытие или развитие собственного бизнеса. Бизнес заключается не только в том, чтобы открыть свое кафе, магазин или определенное производство. Одалживание денег на миграцию (под определенный процент) также является бизнесом, инвестициями. При этом отметим, что достаточно востребованным и не связанным с формализацией отношений с государством, государственным чиновником.

Как свидетельствует опыт других стран, Республика Молдова в этом плане не открывает Америку, двигается в русле общемировых тенденций. Проедание денежных переводов, «работа на унитаз» является типичным явлением в бедных странах, к которой относится и Молдова. Обеспечение достойных условий для существования, сохранения на «плаву» домохозяйства является нормальным ответом, реакцией на ненормальные условия жизни людей. Анализ данных в таблицах 7-9 подтверждает этот вывод. Благодаря трудовой миграции, денежным средствам, заработанным вне страны происхождения, люди, их домохозяйства способны решать не только проблемы выживания.

Таблица 7. Использование денежных переводов («МОМ-2004»)

	%
Питание, одежда	43,1
Коммунальные услуги	18,2
Товары для дома (без радиотоваров)	17,2
Ремонт дома / квартиры	15,3
Образование (плата)	12,8
лечение	12,5
Оплата долгов	11,7
Оплата долгов на поездку	10,4
Для сельхозяйственных работ	10,5
На «черный день» (чулок)	8,5
Банковские счета	1,6

Таблица 8. Планируемое использование заработанных за рубежом денег в «последующие 12 месяцев»

	«АМФ-2003»	*«МОМ-2004»*	
		первый приоритет %	***второй приоритет %***
Возвращение долгов	8,3	11,8	5,1
Текущие расходы (продукты, одежда, оплата коммунальных услуг, др.)	21,7	45,4	21,7
Специальные расходы (образование, здоровье, приобретение современных дорогостоящих товаров, одалживание денег, др.)	20,0 (деньги в долг – 4,2)	10,6	24,6
Домашние инвестиции (приобретение автомобиля, недвижимости, ремонт квартиры / дома, свадьба, похороны, банковские депозитивы)	22,0	15,5	22,8
Инвестиции в производство (покупка земли, грузовых автомобилей и сельскохозяй-	6,5	1,5	4,8

ственной техники, живого инвентаря, скота и птицы			
другое		0,7	0,2
сбережения (банковские депозитивы)	20,7 (11,4)	-	-
Не ответили		9,8	2,4

Таблица 9. Уровни социально-экономического развития семей («АМФ-2003»):

№	*уровни*	*реализация*	*%*	*затраты US$*
V	долгосрочные инвестиции	строительство дома, открытие дела, покупка квартиры, участка земли	25,1	4.452,2
IV	благосостояние, социальный комфорт, предпринимательство	свадьба для детей, автомобиль, открытие малого бизнеса	28,2	3.152,1
III	уровень потребления	контракт на учебу, оплата лечения, ремонт дома, квартиры	17,0	2.233,3
II	минимальный уровень жизни	возврат долгов, качественное питание, покупка одежды	22,1	1.774,9
I	обязанности	долги не вернул	5,6	719,8

Согласно социологическим исследованиям («МОМ-2004»), только 16,8% респондентов намерены аккумулировать поступающие от мигрантов средства и начать собственный бизнес. Для тех, кто видит перспективу инвестиций в бизнес, наиболее привлекательными являются следующие сферы (в порядке приоритетности): сельское хозяйство, предпринимательство, транспорт, бар (киоск), покупка оборудования, сфера развлечений, покупка недвижимости.

Мигранты содержат свои семьи, сокращая давление на бюджетные расходы. Денежные вложения стимулируют потребление и повышают импорт товаров. Таможенные начисления от импорта являются значительной частью бюджета государства.

Влияние денежных переводов на экономическое развитие не ограничивается лишь прямыми денежными инвестициями в предпринимательскую деятельность. Хотя, в семьях мигрантов не заметен рост проявления инициатив, но из-за увеличения спроса на определенные товары и услуги, к примеру, в строительстве растет число предприятий, предоставляющих соответствующие услуги. Эти ресурсы, в основном, используемые для потребления, в определеннойо мере служат инвестиции капитала, что неизбежно ведет к развитию экономики.

Некоторая сумма денежных средств, заработанных трудовыми мигрантами, идет на развитие местного сообщества, в котором родились, живут и откуда выехали на заработки за рубеж трудовые мигранты. Как

показывают социологические исследования («МОМ-2004»), каждый девятый трудовой мигрант (11,7%) оказывает определенную помощь, материальную поддержку церкви, спортивным клубам, осуществлению коммунитарных проектов. И в этом также просматривается мировая тенденция[26]. Однако, экспертный опрос представителей местной публичной администрации Республики Молдова показал, что данные процессы имеют место не везде, во многих населенных пунктах, общинах роль трудовых мигрантов в функционировании и развитии местных сообществ еще незначительна.[27]

Отрицательные последствия. Одним из главных негативных экономических последствий денежных переводов является неаргументированное увеличение цен на товары и услуги, которые востребованы, в особенности состоятельными семьями мигрантов. К примеру, за последние несколько лет, цены на квартиры, недвижимость выросли прямо пропорционально потокам денежных поступлений от трудовых мигрантов из-за рубежа, в 3-4 раза по сравнению с 1999 годом. Тем самым, шансы семей, которые не получают денежных средств из-за рубежа, приобрести или построить жилье снизились. Аналогичные изменения произошли и с ценами на другие товары, как следствие, денежная покупательская способность снизилась. Тем самым бедность семей, не имеющих международных трудовых мигрантов, стала более выраженной, а мотивы к миграции только усиливаются, выступают дополнительным стимулом для трудовой эмиграции населения, не обладающего зарубежной финансовой помощью[28].

Низкие заработки в стране и более высокие за рубежом по-прежнему являются стимулом отъезда высококвалифицированных трудовых

---

[26] *Sigvardsdotter E. Migraţia şi dezvoltarea Republicii Moldova – apariţia reţelelor sociale ale migranţilor (în baza cercetărilor sociologice). // Moşneaga V., Corbu-Drumea L. (Coord.) Populaţia Republicii Moldova în contextul migraţiilor internaţionale. Materialele conferinţei ştiinţifice internaţionale, Chişinău, 9-10 noiembrie 2005. / UNESCO, USM, "Dialog Intercultural", "CAPTES". Vol. II. – Iaşi, 2006, p.153-164.*

[27] *Ţurcan V. Administraţia Publică Locală din Republica Moldova referitor la procesele migraţionale ale populaţiei ţării (în baza cercetărilor sociologice calitative). // Moşneaga V., Corbu-Drumea L. (Coord.) Populaţia Republicii Moldova în contextul migraţiilor internaţionale. Materialele conferinţei ştiinţifice internaţionale, Chişinău, 9-10 noiembrie 2005. / UNESCO, USM, "Dialog Intercultural", "CAPTES". Vol. II. – Iaşi, 2006, p.248-269*

[28] *См.: Moşneaga V., Rusnac Gh., Ţurcan V. Migraţiunea forţei de muncă în Republica Moldova: cauze, tendinţe, efecte. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – Chişinău: USM, №1 (XXV), 2004, p.70.*

кадров, которые предрасположены к долгосрочной или постоянной работе. В Молдове это явление носит разрушительный характер для трудовых ресурсов, приводя к общей дисквалификации кадров[29], что совсем не способствует продолжительному экономическому развитию, выносит проблему подготовки кадров на первый план, что, в свою очередь, ложится на бюджет страны.

Немаловажным являются и социальные потери. Трудовая миграция способствует укреплению семьи с материальной точки зрения, но разрушают семью морально. Дисбаланс наблюдается и в социально-демографической структуре молдавского общества, потому что уезжает самая активная часть населения – молодежь. По итогам разных исследований 85%-90% нынешних студентов думают о миграции как возможности трудоустройства с высоким заработком.

Важное место в понимании ситуации и перспектив миграции и денежных переводов играют планы трудовых мигрантов на будущее. Стоит обратить внимание на то, что каждый пятый респондент, работающий в странах Европейского Союза, не намерен вернуться на родину, строит, реализует или уже реализовал свое стремление остаться на постоянное местожительство в стране приема. По трудовым мигрантам, работающим в Российской Федерации, этот показатель вдвое ниже. Это объясняется, как было показано выше действием многих факторов, уменьшающих, в конечном счете, возможности и желания людей интегрироваться в российское общество[30]. Ясно, что ориентиры на длительную эмиграцию – это возможное снижение объема денежных переводов в будущем.

Уровень предпринимательской инициативы у граждан, вернувшихся из-за границы, по-прежнему, остается низким. Более того, миграция не только не стимулирует личную инициативу, как ожидалось, а наоборот демотивирует граждан по отношению к предпринимательству (количество граждан напрямую вовлеченных в предпринимательскую деятельность не увеличивается) и порождает новые волны миграции**.** Причина – неблагоприятные условия для бизнеса внутри страны, отсутствие рабочих мест с достойными заработками, соответствующим постоянно

---

[29] *И в этом видны общемировые тенденции. См.: За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия, 2004 год. - Женева, Международное бюро труда, 2004.*

[30] *См.: Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу. И не только... - Кишинев, Молд.ГУ, 2005, с.40*

растущей стоимости жизни в стране, которая по многим показателям уже выходит на европейский уровень.

4. Миграционная политика / политика в области денежных переводов в контексте практических социальных политик

Немецкий исследователь М.Люке (Институт Мировой Экономики, г.Киль, Германия) сделал среднесрочный прогноз (до 2010 года) эволюции населения, ВВП и денежных переводов в Молдову в контексте трудовой миграции населения страны. Согласно его прогнозу, в Республике Молдова при любой эволюции социально-экономической ситуации будет происходить рост трудовой миграции. Оптимистический и пессимистический прогнозы отличаются лишь численностью вовлеченного в этот процесс трудоспособного населения: оптимистический сценарий оперирует цифрами от 36,42% до 43,77% трудоспособного населения; пессимистический сценарий – от 43,70% до 52,59%[31]. Подобное развитие событий грозит депопуляцией, исходом молодых людей, квалифицированной рабочей силы, трансформацией Молдовы в «спальный вагон», создает реальную опасность национальной безопасности страны.

Развитие процессов трудовой миграции молдавского населения позволяет сделать вывод, что реальные процессы по многим параметрам развиваются с опережением пессимистического сценария. Так, рубеж в 1 млрд. долларов денежных переводов был «взят» Молдовой за 2005 год. По пессимистическому сценарию это должно было случиться в конце 2006 года, по оптимистическому сценарию – в конце 2007 года. Национальное бюро статистики и социологии Молдовы показало, что в 3-м квартале 2005 года уехали за рубеж в поисках работы 420 тысяч трудовых мигрантов[32]. Опять же – опережение на год пессимистического сценария и на 2 года – сценария оптимистического.

Подобное развитие процессов трудовой миграции актуализирует проблему выработки и реализации эффективной и адекватной миграционной политики, способной минимизировать прогнозируемые опасности и риски. Понимание ситуации с контексте расширяющейся трудовой миграции в стране есть. Однако, нет единства в понимании приоритетов, которые должны лечь в основу проводимой миграционной политики. Фактически выкристаллизовались три основных подхода.

---

[31] *Lucke M. Remittances and Social Protection in Moldova. // Remitenţele lucrătorilor migranţi: oportunităţi de optimizare (atelier de lucru). / Organizaţia Internaţională a Muncii, Ministerul Economiei şi Comerţului al Republicii Moldova, Uniunea Europeană, Chişinău, 15 noiembrie 2005, p.12-13.*

[32] *«Бизнес Молдовы», 2005, 29 ноября*

Первый подход заключается в том, чтобы бороться с бедностью, создавать рабочие места и, тем самым, воздействовать на миграционные настроения, планы и стратегии молдавского населения, минимизировать их. Анализ предвыборных программ электоральных конкурентов на парламентских выборах-2005 свидетельствует, что и коммунисты, партия власти, и партии, представляющие различные сегменты оппозиции, в целом поддерживают данные подходы[33]. Разница лишь в количестве рабочих мест, которые они обещают создать.

При этом упускается из виду, что проблема не в наличии / отсутствии рабочих мест в Молдове. Молдавская рабочая сила уезжает зарубеж не только и не столько потому, что нет рабочих мест, сколько потому, что люди узнали (могут сравнивать и сравнивают не только виртуально, но и реально, посредством собственного эмпирического опыта), что за один и тот же труд они получат значительно больше в России, в странах Европейского Союза или еще где-то. Рабочая сила начинает осознавать свою реальную стоимость на международном рынке труда и в силу этого становится более «капризной» внутри страны.

Отсюда, решение видится не в том, чтобы отучить ее от сравнений, закрыв границы «новым железным занавесом», сколь в том, чтобы сделать привлекательным и сравнимо выгодным ее работу дома. Трудовой мигрант должен довериться власти, государству, поверить их обещаниям и делам, что, работая дома, он выиграет. Как отмечает Жорже Тапинос, когда «человек решает эмигрировать – это его личное решение, когда же он решает остаться, то в этом проявляется его доверие правительству и рынку».

Второй подход менее явный, но достаточно популярный. Правда уже не в государственных структурах страны[34]. Суть его заключается в пропаганде филиппинского опыта экспорта рабочей силы. Однако, при этом упускается из виду, что опыт Турции, социалистической Югославии, Филиппин, других стран, занимающихся международным экспортом национальной рабочей силы, мало применим в условиях современ-

---

[33] *См.: Предвыборные программы конкурентов. Парламентские выборы 6 марта 2005. – Кишинев, Adept, 2005; Fruntaşu Iu. Programele electorale ale partidelor din Republica Moldova: context şi substanţa. // Alegeri 2005. / Coord. S.Buşcaneanu. – Chişinău, Gunivas, 2005, p.137-140.*

[34] *Отметим, что в конце ‘90-х годов XX века среди молдавского государственного истеблишмента, в том числе и его верхушки, эти взгляды имели хождение, проговаривалась идея о контроле за международной миграцией молдавской рабочей силы, получении государством определенных финансовых дивидендов от выезжающих трудовых мигрантов.*

ной Молдовы. Суть в том, что эти страны характеризовались чаще всего авторитарными политическими режимами, которые осуществляли строгий контроль за выездом своих граждан за рубеж. Выезд из Филиппин осложнялся также и тем, что это островное государство. Море выступало естественной преградой на пути массовой нелегальной иммиграции. Это позволило государству быть не просто активной, но *доминирующе* активной силой в процессе управления трудовыми миграциями населения страны, диктовать свои «правила игры».

В нашем случае ситуация была иной. Посткоммунистические трансформации в государствах Центральной и Восточной Европы, в том числе и в Молдове, в конце ’80-х – начале ’90-х годов XX века коренным образом изменили характер политического режима в этих странах, привели к либерализации процедуры выезда / въезда в страну. В условиях экономического кризиса трудовая миграция стала явлением массовым, не подвластным контролю и регулированию со стороны государства. То есть, основная масса трудовых мигрантов из стран рассматриваемого региона выезжала самостоятельно, не ожидая поддержки и помощи со стороны государственных структур. При этом государство оказалось фактически «вне игры» или играющим в «свои игры». Пусть и по цивилизованным, апробированным в ряде стран международным правилам регулирования трудовой миграции.

Это привело к тому, что во второй половине ’90-х годов XX века в Молдове, когда страна столкнулась с массовой трудовой миграцией населения, миграция молдавского населения и интеграция государственных структур в единое миграционное пространство выступали как два самостоятельных, практически не взаимодействующих процесса. В этих условиях возвращение государства на поле регулирования миграционными процессами, реального воздействия на него в условиях демократического политического режима возможно только посредством завоевания доверия населения, завоевания реальными действиями, которые позитивно оцениваются людьми[35].

Третий подход, который сегодня начинает доминировать в государственных специализированных структурах. Но он недостаточно широко обеспечен информационной поддержкой. Поэтому не случайно, социологические исследования показывают, что представители государ-

---

[35] *См.: Мошняга В., Цуркан В., Руснак Г. Специфика трудовой миграции и особенности ее регулирования в европейских государствах СНГ (из опыта Республики Молдова). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). - Chişinău: USM, №2 (XXV), 2004, p.108-109.*

ственных структур, профсоюзов и бизнеса считают, что в Республике Молдова отсутствует адекватная миграционная политика[36].

Этот подход начинает пробивать себе дорогу с начала 2004 года, является развитием и углублением существовавшего ранее подхода в сфере регулирования миграционных процессов. Государство стремилось помочь молдавским трудовым мигрантам, налаживая котакты со специализированными миграционными структурами других государств, выискивая способы и механизмы защиты легальных и нелегальных молдавских граждан, трудовых мигрантов. Департаменту миграции Республики Молдова удалось добиться некоторых позитивных результатов в этой области[37].

Суть нового подхода состоит в более широком взгляде на проблему регулирования процессов трудовой миграции, рассмотрении миграционной политики в контексте практических социальных политик, подчиненности целей миграционной политики общенациональным приоритетам, их увязка с перспективами развития страны. Он исходит из того, что Республика Молдова является «малой страной с открытой экономикой». Отсюда, миграция рабочей силы за пределы страны является естественным и неизбежным явлением. Возрождение экономики страны является одним из важных направлений сокращения численности национальной рабочей силы, эмигрирующей в поисках заработной платы, соотносимой с международными, среднеевропейскими стандартами. При этом возрождение экономики должно базироваться на росте прямых инвестиций в производство (см.: программа «Возрождение экономики – возрождение страны»).

К сожалению, молдавская практика свидетельствует, что существенного роста прямых иностранных инвестиций в экономику Республики Молдова особо не наблюдается[38].

---

[36] *См. Теоса В. Механизм социального партнерства в политике оптимизации ремитансов: реальность и возможности. // Moşneaga V., Corbu-Drumea L. (Coord.) Populaţia Republicii Moldova în contextul migraţiilor internaţionale. / UNESCO, USM, "Dialog Intercultural", "CAPTES". Vol. II. – Iaşi, Pan-Europe, 2006, p.228-248*

[37] *См.: Мошняга В. Регулирование трудовой миграции в Республике Молдова: состояние и основные этапы. // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эфффекты. / Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. - Москва, 2003, с.159-168; Politici migrationale. Raport din 30 octombrie 2004. // www.ipp.org*

[38] *Горелова Е. Дефицит инвестиций и трудовая миграция из Молдовы. // Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистиче-*

Таблица 10. Прямые иностранные инвестиции в экономику Молдовы

	2000	*2001*	*2002*	*2003*	*2004*	*2005*
Приток прямых иностранных инвестиций: млн. $.	129,1	155,9	110,8	43,0	143,9	158,8
На одного жителя, $.	35.0	43.0	31.0	12.0	42.4	46.8

Источник: Национальный банк Молдовы

В экономике Молдовы происходит рост. Однако, этот рост не является долгосрочным, так как в основе его лежит рост потребительского спроса, происходящего благодаря денежным переводам молдавских трудовых мигрантов, рост отчислений в бюджет со стороны таможенных структур страны (более 75%). То есть экономический рост обусловлен денежными переводами трудовых мигрантов и существующей системой налогообложения импорта.

Надежды на рост прямых иностранных инвестиций в молдавскую экономику достаточно призрачны. Причин этому несколько. В первую очередь это связано с недостаточно благоприятным инвестиционным климатом страны. Законодательство в области инвестиций отвечает среднеевропейским стандартам. Однако, «правила игры», соблюдение государством своих обязательств подвержены ситуативным изменением, повышенным социальным рискам. Кроме того, трудовая миграция «вымывает» из страны квалифицированную рабочую силу. В силу чего инвестиции со стороны иностранных инвесторов становятся не выгодными предпринимателю, производственные заказы некому качественно выполнять. Нуждается в долгосрочном рефомировании фискальная система страны, которая во многом ограничивает возможности частной инициативы, бизнеса.

В силу этого, в качестве основного источника прямых инвестиций в экономику страны должны выступить денежные переводы молдавских граждан, работающих зарубежом. Реально может быть привлечено для этого, по самым скромным подсчетам, 20-30% процентов от всех денежных средств, поступающих от молдавских трудовых мигрантов (6% денег, которые уже вкладываются в развитие бизнеса, 15-20% - отложенный спрос (деньги на банковских счетах) и 4-10% - деньги, одалживаемые в долг (инвестиции в миграцию). Оживление этого процесса требует тех же подвижек со стороны государства, о которых мы говорили выше.

ских стран. – Кишинэу, 2003, с.39-44

Подчеркнем, что инвестиции трудовых мигрантов в сферу обслуживания, «третий сектор» (кафе, бары, магазины и т.д.) являются естественным и нормальным явлением. Ибо это дает быстрый оборот и рост капитала. Однако, неизбежен и может быть количественно просчитан процесс насыщения страны барами и магазинами, когда инвестиции в эту отрасль становятся мало- или даже нерентабельными. В этом контексте, государство должно определить иные приоритетные сферы вложения капитала. При этом важно отметить, что государственная приоритетность, заинтересованность не всегда совпадает с частной. Поэтому нахождение компромисса между общими и частными интересами предполагает финансовое / фискальное стимулирование частной инициативы в необходимых сферах экономики. Денежные переводы молдавских трудовых мигрантов должны быть стимулированы для инвестиции в местные проекты, развитие местных населенных пунктов и общин, откуда происходят, родились и живут трудовые мигранты. Государство видит этот путь в реализации программы «Молдавское село».

Несомненно, что необходимо сокращение уровня бедности в стране, улучшение макроэкономической ситуации в стране, стабильное государственное финансирование, в том числе и новых рабочих мест[39]. Однако, при этом следует помнить, что в условиях открытой рыночной экономики рабочая сила становится более капризной, начинает осознавать свою не только национальную, но и реальную, с учетом международных факторов, стоимость. В этих условиях задача государства состоит в том, чтобы помочь молдавской рабочей силе стать конкурентноспособной на международном рынке труда, помочь посредством развития и реформирования системы образования и здравохранения. Конечно, часть подготовленной Молдовой квалифицированной рабочей силы эмигрирует и не вернется в страну. Однако, государство получит кредит доверия у населения, трудовых мигрантов, что в перспективе принесет позитивные эффекты.

Правительство ищет реальные возможности для легальной временной трудовой миграции молдавского населения в страны Европейского Союза и России, правовой и социальной поддержки своих граждан, трудовых мигрантов, при помощи международных и двухсторонних механизмов защиты[40]. Отметим, заключение многосторонних и двухсторон-

---

[39] *См.: Republica Moldova: politici de creştere economică, creare a locurilor de muncă şi reducere a sărăciei. – Chişinău, UNDP, 2005.*

[40] *См.: Мошняга В. Регулирование трудовой миграции в Республике Молдова: состояние и основные этапы. // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. / Центр изучения проблем вынужденной миграции в*

них соглашений в рамках СНГ, заключение договоров о реадмиссии с 10 европейскими странами, подписание межправительственного соглашения с Италией, ратификация международных конвенций в области защиты прав трудящихся мигрантов, сотрудничество с Международной Организацией по Миграции, Международной Организацией Труда и др.[41] Недавно парламент страны ратифицировал Европейскую Конвенцию о правовом статусе рабочих-мигрантов и т.д.

Подводя итоги рассмотрения проблемы трудовой миграции и роли денежных переводов в социально-экономической стабилизации Республики Молдова отметим, что трудовая миграция, денежные средства, присылаемые молдавскими трудовыми мигрантами из-за рубежа, действительно служат социально-экономической стабилизации страны, снижению социальной конфликтности в обществе, консолидации банковской системы, улучшению материального благосостояния населения, сокращению бедности, формированию среднего класса и т.д. Однако, возможности, создаваемые трудовой миграцией, денежными переводами, государством, молдавским обществом, используются далеко не полностью. Более того, чем глубже развиваются процессы международной трудовой миграции молдавского населения, тем отчетливее видны негативные эффекты, к преодолению и минимизации которых Республика Молдова, государственные структуры, гражданское общество сегодня еще не готово.

Библиография

Челидзе Н. Денежные переводы трудовых эмигрантов в Грузию. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – Chişinău: USM, №1 (XXV), 2004, с.36-41.

Ивахнюк И. Международная трудовая миграция. – Москва, Теис, 2005.

International Monetary Fund: Balance of Payments. Statistic Yearbook. – Washington, DC, 2004

International Monetary Fund: Republic of Moldova: selected issues. Report. January 2005. - Washington, DC, 2005

IOM. Moldova Remittance Study. – Chisinau, IOM, 2005

Глущенко Г.И., Пономарев В.А. Официальные системы денежных переводов (http://www.bankdelo.ru/06Pono1.htm)

СНГ. - Москва, 2003, с.159-168; Politici migrationale. Raport din 30 octombrie 2004. // www.ipp.org

[41] *Acorduri bilaterale ale Repulicii Moldova în domeniul migraţiei. // www.migratie.md*

Henri L., Mohan G. Making Homes: the Ghanian Diaspora, Institutions and Development. // Journal of International Development, 2003, vol.15, pp.611-622

Kapur D. Remittances, the New Development Mantra? // Mambio S.M., Ratha D. (Eds.) Remittances: Development Impact and Future Prospects. - Washington DC, World Bank, 2005

Капур Д., Макхейл Д. Прибыльная миграция. // Pro et Contra, 2005, июль-август, с.81-90.

Leon-Ledesma M., Piracha M. International Migration and the Role of Remittances in Eastern Europe. // International Migration, vol.42 (4), 2004, pp.65-83.

Lucke M. Remittances and Social Protection in Moldova. Report. // Remitențele lucrătorilor migranți: oportunități de optimizare (atelier de lucru). / Organizația Internațională a Muncii, Ministerul Economiei şi Comerțului al Republicii Moldova, Uniunea Europeană, Chişinău, 15 noiembrie 2005.

MMA. Labour Migration and Remittances in the Republic of Moldova. – Chişinău, MMA, 2004.

Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу и не только... – Кишинев, Молд.ГУ, 2005.

Moşneaga V., Țurcan V., Rusnac Gh. Migrațiunea forței de muncă în Republica Moldova: cauze, tendințe, efecte. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). №1 (XXV). – Chişinău, USM, 2004, c. 63-78.

Orozco M. Hometown Associations and their Present and Future Partnerships: New Development Opportunities? - Washington DC, Interamerican Dialogue, 2003

Populația Republicii Moldova în contextul migrațiilor internaționale. Vol.I-II. – Iaşi, Pan-Europe, 2006

Republica Moldova: politici de creştere economică, creare a locurilor de muncă şi reducere a sărăciei. – Chişinău, UNDP, 2005.

Teosa V., Moşneaga V., Țurcan V., Iurcu S., Slobodeniuc G. Remitențele lucrătorilor migranți: oportunități de optimizare a investițiilor sociale. Raport. // Remitențele lucrătorilor migranți: oportunități de optimizare (atelier de lucru). / Organizația Internațională a Muncii, Ministerul Economiei şi Comerțului al Republicii Moldova, Uniunea Europeană, Chişinău, 15 noiembrie 2005.

Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистических стран. – Кишинэу, 2003

Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. – Москва, 2003.

Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. – Алматы, Европейская комиссия, МОМ, 2005.

Тюрюканова Е. Денежные переводы мигрантов в российском контексте. // Pro et Contra, 2005, июль-август, с.91-96.

За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI. Международная конференция труда, 92-я сессия, 2004 год. - Женева, Международное бюро труда, 2004.

Представлена в редакцию
25 января 2006 года

GRUPURI DE PRESIUNE ÎN CONTEXUL PROCESULUI DECIZIONAL CONTEMPORAN: MODELE ŞI PERSPECTIVE DE ANALIZĂ[42]

Serghei SPRINCEAN
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat de Medicină şi Farmacie "Nicolae Testemiţanu"
Catedra de Filosofie şi Bioetică
Lector

This article speaks about contemporary conditions of political decision-making process, about specificity of analysis and research strategies on some political pressure organizations, actively present in political pressures field, in strong relationship with decisionmaking factors. Concerns of pressure groups, its role in functioning of democratic mechanism are researched in the article.

Several analytic approaches on influencing efforts of political decisions by pressure factors here are presented. In the article are analyzed different study patters of political pressure phenomenon in contemporary society as 1) direct pressure model, 2) perspective of polygon of political forces and 3) model of value incline of society. Comparative analysis of study perspectives of group and social interests competition offers clarity of correct evaluation and perception of many aspects of contemporary political system. This research is characterized by balanced and evolutionary attitude to several as-

[42] *Recenzenţi – doctor-habilitat în ştiinţe filosofice, profesor Teodor N. ŢÎRDEA, doctor în în ştiinţe filosofice, conferenţiar Pantelimon VARZARI*

pects related to most appropriate methodology of investigation of political pressure and influence, of different aspects of increasing political potential of influencing factors and also to classification of influence institutions in the context of contemporary pressure groups activity.

The article analyzes the dilemmatic aspects of political influence system, which includes various networks of inter human and organizational relations. The subject of present article constitutes in study of social and political impact and of specific pressure actions to get access and to control decisionmaking process in contemporary social conditions in permanent changing.

Radical transforming of political pressures phenomenon in conditions of development of society represents the specific element of contemporary political life. Success of pressure group activity become dependent on quality of information in its possession as well as on personal communication, persuasion and value appreciation skills of lobbyists related to individuals and to entire social system.

Procesul de elaborare a deciziei politice presupune o evaluare, o comparare a costurilor sociale, o alegere a variantelor optimale. În cadrul procesului decizional, pe lîngă afirmarea voinței politice, cei implicați suferă anumite constrîngeri, unele politice, constituționale, iar altele obiective, social-economice. Datorită interacțiunii ca şi interdependenței acestor constrîngeri, decizia politică reprezintă adesea un compromis şi nicidecum o soluție optimă, ca şi în cazul deciziilor tehnice. Rezultatul final va fi o soluție care îmbină raționalitatea de ordin tehnic cu realizabilitatea şi fezabilitatea politică ca criteriu decisiv[43].

Problematica democratizării decizionale revine în prim planul analizelor şi cercetărilor contemporane ale fenomenelor de presiune şi influență politică, astfel încît punctul de vedere al mai multor cercetători printre care şi J.Meynaud, potrivit căruia decizia politică poate avea un caracter deschis sau închis, din punct de vedere al numărului participanților la procesul de elaborare al acesteia şi al originii şi provenienței lor, din afara sau din interiorul instituției decizionale[44], se regăseşte şi în teoria tehnocratică susținută de K.Deutsch

---

[43] *Vezi: Tămaş S. Dicționar politic: Instituțiile democrației şi cultura civică. – Bucureşti, Ed. Academiei Române, 1993, p.69; Sprincean S., Țîrdea T.N. Factori de influență în procesul elaborării deciziei politice. // Revista de Filosofie şi Drept. Institutul de Filosofie, Sociologie şi Drept al A.Ş.M. – Chişinău, nr.1, 2001, p.3-8.*

[44] *Vezi: Meynaud J., Sidjanski D. Les groupes de pression dans la Communauté Europeenne 1958-1968: Structures et actions des organisations professionnelle. - Bruxelles, 1971, p.623.*

şi H.D.Lasswell, conform căreia democratizarea decizională este o chestiune ce ține de perfecționarea comunicării politice şi optimizarea tehnică a spațiului decizional.

Nevoia de realizare a influențării unei decizii politice vine din necesitatea realizării interesului, care este o activitate-cheie a naturii politice a oricărui actor de pe scena politică şi constă, în esența ei, din interacțiuni dintre diferite grupuri care au nevoie de a se auto-identifica în cadrul socio-politic. Ideea privind realizarea interesul politic şi în consecință, cu privire la influența politică ca motivare fundamentală şi esență a politicului porneşte de la începutul secolului XX, odată cu apariția, în anul 1908 a lucrări a lui A.F.Bentley: "The Process of Government: A Study of Social Pressures"[45].

În procesul de analiză a fenomenelor din sfera politică ca şi a diferitor tipuri de politici de grup se evidențiază prin finalitate lor praxiologică, cîteva perspective de abordare a problematicii date care pot fi concepute într-o anumită ordine evolutiv–istorică, în paralel cu traiectul de dezvoltare a aparatului şi suportului metodologic al ştiințelor politice[46]. Procesul de influențare a deciziei politice de către grupurile de presiune poate fi analizat din cel puțin trei perspective distincte de abordare care au evoluat şi s-au dezvoltat consecutiv, reieşind din dezavantajele modelului precedent. Necesitatea creşterii calității cercetărilor evenimentelor politice impune o permanentă dezvoltare şi aprofundare a bazei metodologice, a specializării analiştilor şi teoreticienilor proceselor şi fenomenelor politice. Identificarea şi elaborarea unor modele de relații şi raporturi politico-sociale de influență şi presiune menite să clarifice şi să faciliteze munca de analiză şi studiu, precum şi cea de conceptualizare şi percepere mai adecvată a adevăratelor tendințe din domeniul vizat, reprezintă fără îndoială o etapă nouă şi necesară în cadrul ştiințelor politice.

1) Astfel, tendința clasică de analiză a raporturilor dintre grupurile de presiune şi autorități, ca factori de decizii asupra cărora se concentrează şi se focalizează acțiunile şi eforturile de influență este perspectiva de abordare a fenomenelor de presiune politică numită simbolic "lineară". Această schemă de analiză a procesului de influențare a elaborării, adoptării şi implimentării deciziei politice reprezintă prima treaptă de analiză sau modelul cel mai tradițional posibil, din punct de vedere istoric, constînd din paradigma ideatică potrivit căreia grupurile de presiune depun eforturi considerabile de a accede pe

---

[45] *Vezi: Bentley A.F. The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Bloomington, Principia Press, 1965.*

[46] *Vezi: Trăsnea O. Curente şi tendințe în politologia contemporană. – Bucureşti, Ed. Politică, 1972; Sprincean S. Abordări funcțional-sistemice ale problematicii influențării deciziilor politice de către grupurile teroriste. // Analele USMF. – Chişinău, USMF, vol.II, 2001, p.611-614.*

diferite căi posibile, la procesul decizional, pentru ca ulterior să întreprindă tentative energice de a recurge la aplicarea şi exercitarea influenţei politice asupra factorilor de decizii care la rîndul lor rămîn pasivi în decursul manifestării acestei influenţe şi dezinteresaţi de aceste instituţii politice, considerate a fi mai inferioare ca rang şi importanţă pentru sistemul politic şi sistemul general social. Această "schemă lineară" atribuie în procesul de influenţare a deciziei politice rolul exclusiv sau dominant grupurilor de presiune din considerentul că acestea sunt sursa şi promotorul unic de influenţe în sistemul politic şi nici o altă instituţie fie politică, fie care este arondată politicului ca activitate, interese, obiective sau consecinţe de comportament nu exercită presiuni sau influenţe în baza funcţiilor şi a atribuţiunilor pe care le pot întruni. Astfel că autorităţile ca factori de decizie sînt concepute şi înţelese în calitate de factori sau structuri investite şi dotate cu diverse resurse de forţă şi putere politică ca şi cu numeroase posibilităţi şi opţiuni de acţiune şi manifestare şi care nu au altă soluţie decît aceea de a ceda sau de a rezista acţiunilor de presiune şi revendicare ale grupurilor active de presiune[47].

"Schema lineară" de abordare şi analiză a raporturilor şi relaţiilor dintre grupurile de presiune şi de influenţă cu factorii de decizii ca şi cu alte instituţii politice de care ar putea fi interesate grupurile politico-sociale susnumite, reduce însă interpretarea procesului de presiune şi influenţă la exercitarea de intervenţii unilaterale ale grupurilor asupra factorilor de decizii, la o activitate şi acţiune politică "rectilinie" a diferitor factori politici de influenţă aplicată guvernanţilor, care poate presupune doar existenţa relaţiilor de presiune politică numai dintre grupuri şi autorităţi decizionale ca factori de decizii.

Desigur interpretarea liniară este un model simplist de abordare care neglijează un şir întreg de aspecte importante ale vieţii politice contemporane fără de care este foarte problematică crearea unei imagini adecvate asupra realităţii sociale. Nu se regăsesc în contextul modelului linear de analiză astfel de teorii cu privire la funcţionarea sistemului politic de presiuni, precum ipoteza caracterului dublu şi reciproc al influenţelor politice sau admiterea posibilităţii unei multiple manifestări şi a unui comportament complex şi polipotent specific şi instituţiilor socio-politice din suprastructura organizaţională de stat, nu doar pentru organizaţiile politice specializate propriu zis în a exercita presiuni politice sau care nu se manifestă, nu au altă funcţie şi rol în cadrul sistemului politic decît acela de a influenţa alte instituţii din acelaşi sistem.

---

[47] *Sprincean S. Problema presiunii socio-politice exercitate asupra puterii de stat. // Progresul tehnico-ştiinţific, bioetica şi medicina: probleme de existenţă umană. – Chişinău, USMF, 2001, p.118-123.*

2) Modelul de analiză şi abordare a relaţiilor şi raporturilor de influenţă politică numit simbolic schema “poligonului de forţe” reprezintă următoarea perspectivă de analiză, deseori utilizată în special de către analiştii pluralişti. Această perspectiva de abordare a proceselor politice de influenţă şi presiune include în formulele posibile de interacţiune orice tip de instituţii prezente în viaţa politică a unei anumite ţări care apar pe “piaţa politică” cu şanse relativ egale în cursa pentru “cucerirea”, obţinerea sau cîştigarea dreptului la “cuvîntul” decisiv în cadrul procesului decizional, în timpul elaborări politicilor, adoptări deciziilor ca şi în vederea implimentării şi executării acestora.

Perspectiva “poligonului de forţe” atribuie o mare importanţă interacţiunii şi interdependenţei dintre grupuri de presiune şi autorităţi ca factori de decizii şi se axează în principal pe specificul şi caracterul de reciprocitate şi inversie a proceselor şi fluxurilor de presiune politică fără a ierarhiza sau a departaja (pe baza vre-unui criteriu) actorii politici participanţi în cadrul acestor activităţi politice interactive[48]. Sintagma de poligon de forţe poate indica asupra specificului inedit al paradigmei analitice fundamentale a modelului dat constînd în perceperea evenimentelor din cadrul sistemului politic ca fiindu-le puternic impregnat caracterul concurenţial şi competitiv. Viaţa politică în genere, dar mai ales spectrul de activităţi şi relaţii politice de presiune reprezintă un sistem deschis oricăror schimbări a raportului de forţe, oricăror asocieri şi conflicte ca şi oricăror inversări de poziţie şi rol în sistem, indiferent de bagajul de oportunităţi şi relaţii clientelare speciale, de arsenalul de resurse şi potenţial ca şi de multe alte caracteristici, avantaje şi carenţe specifice ale instituţiilor sociale şi politice.

Potrivit perspectivei poligonului de forţe, obiectivul urmărit de către actorii implicaţi în jocul de forţe politice depinde totuşi de poziţia, de situarea lor favorabilă sau nu în raport cu resursele politice ca şi de potenţialul puterii de presiune atît pentru cei “apolitici” şi nonguvernamentali ca grupuri şi asociaţii civice sau latente, cît şi pentru cei publici, precum partidele politice sau instituţiile statului. Perspectiva poligonului de forţe în cadrul arealului politic este unul specific şi cel mai adecvat unei organizări pluraliste a sociumului.

Competiţia politică, fondată pe baze pluraliste determină, în perspectiva amplificării procesului de democratizare neîntreruptă, participarea mai sigură şi mai fermă a unui număr cît mai mare de actori politici şi prin aceasta poate contribui la o emancipare continuă şi pînă la urmă la o perpetuare durabilă a sistemului politic democratic, ceea ce reprezintă poate cel mai mare avantaj şi

[48] *Vezi: Sprincean S. Sistemul de influenţe politice din Republica Moldova în context geo-strategic regional. // Unificarea Europeană: Filosofia Viitorului. – Chişinău, ISPRI, 2005, p.76-82; Dahl R.A. Poliarhiile. Participare şi opoziţie. – Iaşi, Polirom, 2000.*

aspectul cel mai benefic al aplicării schemei de analiză din perspectiva poligonului de forțe[49].

Această abordare a fenomenelor de presiune şi influență politică nu poate avea doar avantaje, fiind şi ea imperfectă totuşi, însă mult mai evoluată în comparație cu schema lineară de cercetare, din punct de vedere al corespunderii abordării teoretice evoluției ostilităților reale de pe arena politică contemporană, care în orice caz nu diferă cardinal de la un sistem social la altul, atît timp cît rămînem în arealul politic democratic pluripartidist şi pluralist. În aşa fel un dezavantaj şi, în anumită măsură, o eroare semnificativă pare a fi specificul egalitar de evaluare a concurenților politici potrivit căruia se neagă totuşi cu o prea mare uşurință calibrul şi diferența inițială de miză ca şi rolul, importanța general–socială dintre instituțiile de stat, puternicele partide parlamentare şi asociațiile fie chiar ca organizații de interese apărute în urma unor inițiative private, cetățeneşti sau individuale. Alt punct mai puțin puternic al schemei de analiză a poligonului de forță pare a fi faptul că scena politică este privită doar ca localizare neutră a desfăşurării luptei politice similar luptei pentru supraviețuire[50].

Ba chiar se creează impresia că se face abstracție în genere de conceptul de scenă, arenă sau sistem politic, lupta politică avînd posibilitatea să fie localizată oriunde şi oricum. Acest sistem interacționalist are limite foarte general precizate, ne avînd nici caracteristici sau specific distinct. Şi acest fapt poate induce nedumerirea naturală cu privire la obiectivitatea şi valoarea unei astfel de analize fondate pe modelul poligonului de forțe. Perspectivă dată de abordare a problematicii presiunii politice reprezintă totuşi o etapă intermediară de dezvoltare a gîndirii socio-politice în direcția aprofundării şi specializării cercetării.

3) A treia perspectivă de analiză a raporturilor dintre grupurile de presiune şi stat sau factori de decizie vizați de eforturile de influență ale primelor este aceia care se exprimă prin schema pantei valorico-normative existente în mediul sistemului politic distinct. Această perspectivă de analiză acceptă ideile şi abordările analitice de interacțiune şi luptă politică caracteristice schemei poligonului de forțe, dar accentuează inegalitatea multiplă: calitativă şi de organizare, structurală şi de rol a actorilor participanți la confruntarea politică. Aşadar modelul analitic al "pantei sistemului", în problema evaluării şi

---

[49] *Vezi: Gitelson A.R., Dudley R.L., Dubnick M.J. American Government: Democracy in action. 3rd ed. – Boston, Toronto, Houghton Mifflint Co., 1993.*

[50] *Vezi: Dahl R.A. Democracy and its Critics. – New Haven, Yale Univ. Press, 1989, Dahl R.A. Dilemas of Pluralist Democracy: Autonomy vs. Control. – New Haven, London, Yale University Press, 1982; Kelso W.A. American democratic theory: Pluralism and its critics. – Westport, London, Greenwood Press, 1978.*

prognozării succesului şi impactului social al instituțiilor, grupurilor, organizațiilor, de pe scena politică, interesate de impunerea obiectivelor proprii, de influența deciziilor politice, încearcă să corecteze lacunele perspectivei precedente de analiză, punînd accentul pe importanța valorilor general acceptate de către societate, pentru succesul factorului de presiune, a racordării la acestea a valorilor şi obiectivelor promovate de grup.

O valoare sau inițiativă propagată sau promovată de vre–un factor de influențe sau grup de presiune care are o semnificativă popularitate socială, în virtutea apropierii axiologice a obiectivelor şi scopurilor acestuia de prioritățile sociumului, va necesita din partea grupului mult mai puține eforturi, decît promovarea unui deziderat de către un grup socialmente nepopular cu prestigiul afectat sau alterat sau de o importanță intrasistemică neînsemnată. Şi totodată o valoare, un obiectiv general salutat şi bine primit de societate care este propus de a fi instituit poate ridica prestigiul oricărui grup sau factor de influențe indiferent de poziția şi importanța sa în cadrul sistemului politic. Un astfel de deziderat socialmente popular, bine explicat, care nu dă temei pentru alte reinterpretări, cere eforturi minime, necătînd poate chiar şi la statutul social-politic mai puțin apreciat al grupului care-şi propune obiectivul în cauză. În acelaşi timp, un grup important de presiune va depune mult efort, va cheltui mult timp şi resurse pentru promovarea unui scop opus valorilor sociale sau care nu corespunde acestora, considerat a fi imoral sau ne prestigios, neimportant pentru pături sociale largi sau dăunător societății, concomitent, menținerea unei astfel de poziții, susținerea unui astfel de deziderat, creează suficiente motive pentru a presupune că, pînă la urmă, grupului, imaginii sale, îi vor fi aduse prejudicii serioase care şifonează puternic prestigiul acestuia.

În baza celor expuse mai sus reiese că este necesar, înainte de a trece la etapa articulării şi promovării obiectivelor, ca conducerea grupului de presiune, factorul politic de presiune în genere, în mod expres, trebuie să recurgă mai întîi la identificarea cît mai exactă a pantei valorice (a ierarhizării valorilor după importanța lor) din cadrul sistemului vizat, iar mai apoi la compatibilizarea scopurilor sale cu valorile supreme, cu sistemul axiologic al societății sau al acelei instituții care este supusă presiunilor. Exprimarea efortului de influență depus de către factorul de presiune este în strînsă corelație cu unghiurile de suprapunere a obiectivelor promovate peste panta valorică a sistemului (fie cel social-general sau grupal-instituțional) supus influențelor. Astfel corespunderea exactă dintre obiectivul promovat şi cele mai importante valori intrasistemice, se exprimă printr-un unghi de suprapunere de 0 grade, iar opunerea perfectă, teoretic vorbind, a scopurilor grupului față de valorile supreme ale sistemului supus presiunilor poate fi exprimat printr-un unghi de sup-

rapunere de 180 grade, bineînțeles pot exista (practic – cel mai des) şi valori intermediare ale unghiului de suprapunere.

În perspectiva stabilirii frecvenței şi măsurii parametrilor, a evoluției sistemului axiologic, a ierarhiei valorice, apare problema şi necesitatea, în vederea activității eficiente de presiune politică, de a identifica şi prognoza corect valorile sistemice social–generale pe o perioadă anumită, în care grupul, factorul sau instituția interesată să preseze, preconizează să adere sau să interiorizeze aceste valori, iar perioadele de impopularitate şi dizgrație în care poate să cadă grupul sau factorul de influențe mai tîrziu, se pot datora evoluției axiologice sociale, absolut normale de altfel, şi transformării unor valori, în trecut vast împărtăşite, în impopulare sau repulsive.

Noțiunea de "pantă a sistemului", presupune că cele mai puternice grupuri de presiune din cadrul unui sistem politic, constituie organizațiile ce sunt în măsură de a influența deciziile politice ale autorităților, fără a exercita o presiune propriu-zisă asupra lor, doar în virtutea poziției şi obiectivelor grupurilor care corespund normelor şi valorilor sistemului[51]. Potrivit acestei perspective, sistemul politic nu asigură pentru diferite grupuri sau factori de presiune posibilități egale de acțiune şi condiții similare pentru exercitarea influenței asupra proceselor decizionale. Gradul, amploarea forței şi potențialului de influențare specific grupurilor, factorilor de presiune depinde, în primul rînd, de atitudinea în perioada exercitării presiunii şi influenței politice, față panta de valori ale sistemului, adică de modurile efective de presiune şi influență, de obiectivele alese şi de corespunderea acestor factori normelor şi valorilor fundamentale ale sistemului social-politic în care activează. Aşadar grupurile de presiune nu se află în condiții egale la startul competiției politice pentru puterea politică, pentru obținerea succesului şi a atingerii obiectivelor alese, aşa cum se întîmplă potrivit condițiilor schemei de analiză a poligonului de forțe.

Oricare dintre cele trei scheme de analiză a fenomenelor de presiune şi influență politică are totuşi o şansă de a exista şi înainte de toate, ca tehnică metodologică originală şi independentă. Indiferent de aparențele care foarte des pot duce către o eroare, nu rare ori foarte gravă, fiecare dintre cele trei scheme prezentate pot fi aplicate chiar în paralel şi în cadrul unei şi aceiaşi

---

[51] *Vezi: Meynaud J., Sidjanski D. Les groupes de pression dans la Communauté Europeenne 1958-1968: Structures et actions des organisations professionnelle. – Bruxelles, 1971, p.684, Meynaud J. Les groupes de pression. – Paris, PUF, 1965; Sprincean S. Aspecte ale informatizării sferei presiunilor socio-politice. // Analele USMF. – Chişinău, USMF, vol.II, 2005. p.390-394; Sprincean S. Informația ca element de bază în activitatea contemporană de presiune politică. // Analele USMF. – Chişinău, USMF, vol.II, 2002, p.633-637.*

cercetări. Aceasta se poate realiza mai curînd şi cu mai multă eficienţă practică dacă schemele de analiză prezentate mai sus vor fi concepute ca fiind aplicabile mai ales în cazurile şi la etapele concrete ale cercetării, corespunzînd fiecăreia dintre scheme. Astfel prima dintre acestea, modelul linear de abordare a procesului de presiune politică este aplicabil mai degrabă la etapa cea mai puţin generală, în cazurile cele mai concrete şi evidente. Schema de analiză a poligonului de forţe de pe scena politică, fiind un model intermediar, poate fi aplicat şi utilizat mai ales la etapele şi în cazul exemplelor de exercitare a presiunii politice care ar putea întruni mai multe cazuri concrete analizate cu precădere din perspectivă lineară, însă în mai puţină măsură şi cu mai puţin succes poate fi aplicată această a doua schemă la analiza generală şi complexă a macrosistemului politic.

Cea de a treia schemă de analiză, în virtutea faptului că întruneşte elemente din modelele precedente este aplicabilă şi utilă cu precădere în cercetarea şi studiul fenomenelor de presiune în cadrul sistemului politic la cel mai abstract nivel posibil, oferind posibilitatea unei viziuni destul de clare a celor mai sensibile aspecte. Cu toate acestea recurgerea în cadrul unei analize sau a unei situaţii concrete de presiune politică la cea de a treia schemă de cercetare este ne adecvată tocmai prin faptul că nu se acordă prin aceasta suficientă importanţă laturilor concrete, metodelor, procedeelor şi tehnicilor, transpuse în acţiuni cît se poate de clar delimitate. În acest sens este plauzibilă afirmaţia că schema de analiză a poligonului de forţe este compusă din mai multe modele lineare de influenţă, haotic direcţionate şi localizate în cadrul sistemului politic, iar modelul pantei valorice a sistemului include şi amplifică efectele deduse în baza aplicării schemei de analiză a poligonului de forţe.

Modelele, formele şi schemele teoretice de abordare şi de analiză a proceselor de exercitare a presiunilor politice expuse mai sus, nu numai că pot fi utilizate separat sau în comun, pot fi combinate în cadrul unei analize politologice complexe, ci cu toate acestea pare a fi necesară menţiunea că este imposibilă existenţa şi aplicarea unei scheme “pure” de analiză, fără de a recurge la elemente din alte modele, mai ales că fiecare dintre ele posedă avantajele şi lacunele ei.

Concluzionînd putem afirma că paleta metodelor, tehnicilor şi practicilor de presiune este una extrem de largă, iar aparatul metodologic de cercetare a procesului de influenţă, exercitată de către grupurile de presiune, de către factorii de influenţă depinde foarte mult de contextul de activitate al acestora, de domeniul specific de interes, tot atît de mult ca şi de precizia şi amploarea scopurilor propuse, de mijloacele şi resursele care le stau la dispoziţie şi la care pot avea acces.

Bibliografie:

Bentley A.F. The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Bloomington, The Principia Press, 1965.

Dahl R.A. Democracy and its Critics. – New Haven, Yale Univ. Press, 1989.

Dahl R.A. Dilemas of Pluralist Democracy: Autonomy vs. Control. – New Haven, London, Yale University Press, 1982.

Dahl R.A. Poliarhiile. Participare şi opoziție. – Iaşi, Polirom, 2000.

Gitelson A.R., Dudley R.L., Dubnick M.J. American Government: Democracy in action. 3rd ed. – Boston, Toronto, Houghton Mifflint Co., 1993.

Kelso W.A. American democratic theory: Pluralism and its critics. – Westport, London, Greenwood Press, 1978.

Meynaud J. Les groupes de pression. – Paris, PUF, 1965.

Meynaud J., Sidjanski D. Les groupes de pression dans la Communauté Europeenne 1958-1968: Structures et actions des organisations professionnelle. – Bruxelles, 1971.

Sprincean S. Abordări funcțional-sistemice ale problematicii influențării deciziilor politice de către grupurile teroriste. // Analele USMF. – Chişinău, USMF, vol.II, 2001, p.611-614.

Sprincean S., Țîrdea T.N. Factori de influență în procesul elaborării deciziei politice. // Revista de Filosofie şi Drept. Institutul de Filosofie, Sociologie şi Drept al Academiei de Ştiințe a Moldovei. – Chişinău, nr.1, 2001, p.3-8.

Sprincean S. Aspecte ale informatizării sferei presiunilor socio-politice. // Analele USMF. – Chişinău, USMF, vol.II, 2005. p.390-394.

Sprincean S. Informația ca element de bază în activitatea contemporană de presiune politică. // Analele USMF. – Chişinău, USMF, vol.II, 2002, p.633-637.

Prezentat la redacție
la 3 februarie 2006

COMPARTIMENTUL
SOCIOLOGIA POLITICĂ

MODELAREA CULTURII POLITICE – CONDIȚIE INDISPENSABILĂ A MODERNIZĂRII POLITICE[52]

Tamara MOROI
Republica Moldova, Chişinău
Academia de Ştiințe din Moldova,
Institutul de Filosofie, Sociologie şi Drept,
Secția Filosofie Socială şi Politologie
competitor

Political culture represents a system of knowledge, altitudes, orientations both individual and collective based on traditions, symbols. The development of the political culture goes by means of two processes: the technico-scientific revolution, the growth of interactions as well as interdependence among nations. Political culture modeling is manifested by: political and moral education. The reduced level of the political education leads to a reduced perception on the part of the individual. Therefore it is necessary that the citizens participate every day in the political life. The subject matters that influence the formation and development of the political culture are: the state – the principal determinative (force) in the hindrance and acceleration of the political culture modeling; the political parties and the socio-political organizations; the church; the armed forces; mass-media; the geopolitical emplacement. The political modernization is a process of democratization expressed by the transition from the totalitarian system to a democratic one. Political modeling and modernization represents an important role in the process of political culture, directly or indirectly influencing the political system as a whole. Therefore the political culture in the Republic of Moldova needs a radical modernization and transformation of the individual's outlook level.

Cultura politică face parte din componența culturii general-umane şi reprezintă un element principal în sistemul politic dintr-o societate, având ca bază cunoştințe, atitudini, orientări atât individuale cât şi colective, bazate pe

[52] *Recenzent – doctor în ştiințe filosofice, conferențiar universitar, conferențiar cercetător Pantelimon VARZARI.*

tradiții, simboluri, valori politice, conştiință națională, legi, comportament politic etc.

Dezvoltarea culturii politice precum şi modelarea ei evoluează în concordantă cu scopurile şi sarcinile puse în fața de către om, totodată, influența forțelor ştiințifice sociale şi politice conduc la aceea că, ansamblu de orientări şi convingeri politice, care apare la fiecare etapă concretă a dezvoltării sociale, deviază de la idealul de care se conduc în activitatea sa „agenții" culturali.

De remarcat că, mişcarea în sfera conştiinței şi culturii, astăzi, are loc în contextul a doua procese interdependente care exercită o influență asupra vieții fiecărei națiuni în parte şi a omenirii în ansamblu. În primul rând, este vorba de revoluția tehnico-ştiințifică care a determinat reformarea radicală a sistemului de comunicare în masă şi în al doilea rând, creşterea interacțiunilor şi interdependenței între națiuni şi respectiv, a culturilor lor, cu alte cuvinte, tendința de globalizare a lumii.

Vorbind despre procesul de modelare a culturii politice este necesar de precizat două momente: educația politica, şi educația morală[53].

Semnificația acestor două momente contradictorii ar fi bine de abordat din perspectiva modelului cultural ales şi anume, cel al supusului, conformist, coparticipant şi complice la menținerea indiferent cărui regim politic şi social sau cel al individului creator în raport cu societatea.

Referindu-ne la educația politică, trebuie de reținut două condiții: educația politică să nu însemne politizarea educației, adică interpretarea problemelor sociale exclusiv dintr-o perspectivă şi respingerea oricărei alteia; educația politică să nu presupună nici interpretarea fenomenelor sociale exclusiv din punct de vedere politic[54]. În orice caz, în afara unei educații politice, vulnerabilitatea oamenilor este deosebit de mare, ceea ce înseamnă înstrăinare politică şi, în acelaşi timp, manipulare; raționalitatea actelor umane se reduce atunci mai mult la adaptare, decât la transformare; caracteristica de obiect ajunge să şteargă pe cea de subiect al societății.

Un nivel redus de educație politică are influente majore: indivizii vor avea o percepere redusă, confuză şi adesea deformată a amplorii, semnificației şi impactului direct al fenomenelor din sfera politică asupra vieții lor personale, nefiind capabili să formeze asociației voluntare pentru promovarea diverselor lor interese în limitele constituționale.

Condiția modelării culturii politice a oamenilor o constituie includerea lor în cadrul procesului politic - interacțiunea cu realitatea politica. Acest proces presupune corelația sistemului politic cu diverse sfere ale vieții sociale,

---

[53] *Banciu A., Marinescu T., Traistaru M. Politologie. – Bucureşti, 1996, p.285.*
[54] *Ibidem, p.286.*

care participă la modelarea culturii politice şi determină direcţiile de bază ale acestui proces. Astfel, la baza modelării culturii politice există factori interni, care influenţează asupra formării şi dezvoltării culturii politice, precum şi factori externi: statul, puterea legislativă, executivă şi judecătorească, partidele politice, organizaţiile şi mişcările obşteşti, biserica, mass-media, influenta business-ului, ţintei, instituţiile de învăţământ, familia, colectivul de muncă, grupuri de interes etc.

După N.V.Skok relaţia cultura politică şi sistem politic poate fi estimată prin următoarele teze:[55]

- în perioade istorice îndelungate cultura politică modifică sistemul politic;
- sistemul politic ce funcţionează într-o societate, reflectă istoria culturii sale politice, cu toate ca nu toate elementele ultimei se evidenţiază direct şi concomitent;
- cultura politica în funcţionarea ei este relativ independentă, în pofida faptului că reprezintă un subsistem al sistemului politic. Cultura politica determină parametrii scopurilor şi sarcinilor, în cadrul cărora acţionează sistemul politic.

Sistemul politic şi cultura politica formează o corelaţie cu influenţe reciproce. În cadrul culturii politice, un loc aparte îl ocupă acele elemente care contribuie la formarea şi conducerea sistemului politic existent, unde legitimitatea regimului politic al sistemului politic reprezintă prin sine unul din factorii esenţiali de constituire, confirmare şi viabilitate a culturii politice.

Statul cu ale sale instituţii, reprezintă unul din principalii determinanţi ai culturii politice. Fiind rezultatul dezvoltării istorice a naţiunii, statul, la rândul său, poate frâna sau accelera tendinţele modelării culturii politice. Statul activând chiar în cadru limitat, elaborează şi adoptă acte legislative care stabilesc parametri esenţiali ai culturii politice; formează şi consolidează simbolurile politice naţionale, modele de conduită politica etc.[56].

Totodată, de menţionat că în procesul modelării culturii politice participă, de asemenea, partidele politice, precum şi organizaţiile social-politice. Partidele politice implementează forme de gândire şi comportament politic, care formează la cetăţeni o imagine propriu-zisă. Baza partidelor politice constituie realizarea programelor unde sunt formulate aspiraţiile lor politice, precum şi activitatea lor practică, ceea ce observăm, în deosebi, în perioada campaniilor electorale. De aici, un rol important îl are modelarea culturii politice, ce

---

[55] *Скок Н.В. Политическая культура общества в рамках системного подхода. // Вестник, сер. 3, 1998, с.41.*

[56] *Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – Москва: Наука, 1990, с.63.*

include o propagandă privind educația politică care implică diversitatea de informații, de opinii etc.

La modelarea culturii politice, mulți cercetători consideră că, contribuie religia şi biserica, reprezentând factori importanți în influența atât asupra culturii politice cât şi a asupra diferitor domenii sociale, economice, politice etc.

Nu în ultimul rând, un element aparte de modelare a culturii politice este armata, care joacă un rol important în diferite etape ale istoriei la constituirea societății. Există culturi politice, în care armata îşi atribuie prerogative şi mai largi în viața politică, ca de exemplu, în multe țări din America Latină[57].

La etapa actuală, în procesul modelării culturii politice un rol considerabil îl are mass-media, ce asigură populația cu informații despre evenimentele atât în interiorul statului, cât şi peste hotarele lui. Mass-media fiind considerată „a patra putere", are capacitatea de a implementa diferite stereotipuri, ceea ce influențează foarte mult asupra comportamentului politic. În consecință, utilizarea mass-mediei în formarea şi dezvoltarea culturii politice se rezumă posibilitatea de a influența un număr isc de oameni într-o perioadă anume. În principiu, audio-vizualul din Moldova are o tendință de dezinformare propriu-zisă, o manipulare discretă a societății.

Factorii care au o semnificație, în formarea şi dezvoltarea culturii politice a statului sunt specificul dezvoltării istorice, precum şi amplasarea geopolitică şi factorii economici a lui, care contribuie la valorile social-politice, politico-culturale etc.

Referindu-ne la rolul condițiilor geopolitice în formarea culturii politice, analistul american Zb.Brzezinski[58] susține: în Europa au fost dezvoltate tradiții militariste, anume țările europene au pus începutul celor două războaie mondiale. Europa Centrală şi de Est din punct de vedere geopolitic au atins un moment de vârf în perioada socialismului, pentru că lumea în ansamblul ei era bipolară, iar zona era asociată univoc de unul din aceşti poli.

De-a lungul istoriei, Europa Centrală şi de Est nu numai a fost percepută, dar a reprezentat în realitate un spațiu al disputei, al confruntării între puteri vecine, imperii, un punct strategic de lansare a ofensei împotriva adversarului. Ea a avut, îndeosebi, o valoare geopolitica de împrumut, cea derivată din raportul de forțe dintre puterile continentale care erau prezente sau aveau interese în zonă. În anii '90 epicentrul evenimentelor şi proceselor largi a devenit Europa de Est. În urma fărâmițării blocului comunist s-a distrus axa ideologică, politica lumii bipolare. Europa Centrală şi de Est s-a prezentat în fata

---

[57] *Тимофеев К. Становление и развитие культуры мира. // Полис, 1998, №5, с.97.*

[58] *Brzezinski Zb. Europa Centrală şi de Est în ciclonul tranziției. – Bucureşti: Diogene, 1995, p.90.*

lumii în mod fragmentar, punând pe prim plan diferența reală dintre state şi interesele lor.

Din cele expuse mai sus, factorul geopolitic, istoric şi economic a fost şi continue să fie o strategie importantă asupra culturii politice, precum şi asupra întregului sistem politic a unui stat.

În sfera politică, cât şi în sferele sociale, culturale, economice este atribuită noțiunea de modernizare, deseori utilizat ca „dezvoltare a raționalității", „dezvoltare economică", „industrializare", „urbanizare" etc.

La etapa contemporană, modernizarea politică este, procesul de democratizare a societății exprimată prin tranziția de la un regim politic totalitar la un regim politic democratic. De aceea, acest fenomen necesită o atenție focalizată asupra fenomenului culturii politice, în mod cert asupra mecanismelor de producere, reproducere şi de dezvoltare a acestuia.

Alegerea culturii politice în calitate de factor determinant al procesului de modernizare şi democratizare a societăților în tranziție (cazul Republicii Moldova) este departe de a fi un fapt accidental. Cultura politica reprezintă factorul-cheie care condiționează viabilitatea unei democrații, modelând instituțiile şi normele sale precum şi comportamentele, mentalitățile, obiceiurile indivizilor.

Societatea moldovenească contemporană, după cum menționează P.Fruntaşu şi Gh.Rusnac, conform opiniilor majorității analiştilor străini şi autohtoni, se caracterizează printr-o cultură politica fragmentară şi conflictuală, atât în aspectul deosebirilor dintre purtătorii ei, cât şi în ceea ce priveşte modalitățile de exprimare şi funcționare a ei. În cadrul culturii politice, şi nu numai, se observă o izolare socială, lipsa încrederii între diferite grupuri şi categorii sociale, între elite şi mase, care reflectă diverse stări de conflict şi de tensiuni sociale care generează instabilitate politica în societate[59].

Conform viziunii politologilor sus numiți, în cadrul culturii politice (cazul Republicii Moldova) se pot distinge următoarele categorii de subculturi, şi anume:

a) etnolingvistice (subcultura politică rusă, ucraineană, găgăuză etc.);

b) socio-economice (grupuri sociale: muncitori, țărani, businessmani);

c) regionale (zonele: centru, nord, sud).

În concepția cercetătorilor autohtoni, în Moldova regimul politic comunist era orientat spre o cultură a unor oameni dependenți de acest regim şi nu asupra culturii cetățenilor. Cultura politica a maselor, în sensul unui complex de idei împărtăşite de păturile largi ale populației nu conținea careva repreze-

---

[59] *Fruntaşu P., Rusnac Gh. Republica Moldova pe calea democratizării (aspecte ale procesului de constituire a unui nou sistem politic). – Chişinău: USM, 1999, p.76.*

ntări ale veritabilelor ,,reguli de joc" politice. Astfel, s-au delimitat trei tipuri de culturi politice: două antagoniste - cea a înstrăinării şi identificării, baza socială a cărora o constituia cea mai instruită şi informată parte a societății; şi al treilea tip de cultură politică era cea a majorității populației, de la care regimul cerea supunere şi loialitate.

Situația dezastruoasă a culturii politice din Republica Moldova care ar trebui să ne pună în gardă, se datorează faptului absentei complete a vieții politice reale în ultima jumătate de secol.

Analistului politic român S.Brucan a remarcat că ,,deşi dictatura şi fascismul oferă cetățeanului o anumită experiență politică, adevărata cultură politică se formează în democrație", cultura politică a ruşilor este foarte redusă, deoarece nu a avut ocazia istorică de a se dezvolta"[60]. După căderea regimului totalitar, țările ex comuniste au deja posibilitatea esențială pentru dezvoltarea unei culturi politice noi şi instaurarea unui regim democratic, ceea ce îi revine fiecărui stat aparte, precum şi formarea unui stat de drept.

Problema care se pune astăzi în dezbatere în Republica Moldova, este trecerea de la o cultură politica dominantă de tip etatist şi tradiționalist, la una liberală sau de tip participativ, care să accelereze procesul de modernizare a societății noastre.

Culturii politice, la etapa actuală, trebuie să i se creeze condiții necesare orientate către modernizare. Procesul implică un anumit gen de transformări radicale la nivelul mentalității individului, precum şu înfruntarea stereotipurilor ideologice depăşite, familiarizarea membrilor societății cu noi valori politico-culturale, înlăturându-le pe cele vechi, însuşirea cunoştințelor politice necesare pentru folosirea rationala a libertăților democratice, dezrădăcinarea multor elemente ale psihologiei politice cultivate pe parcursul deceniilor de regimul totalitar. Ceea ce însemnă că guvernul şi parlamentul nu trebuie să reprezinte doar nişte instanțe care emit legi în funcție de o anumită configurație a intereselor, ele trebuie sa țină cont de necesitatea creării de condiții pentru modelarea şi dezvoltarea culturii politice.

O experiență vastă în constituirea culturii politice democratice a demonstrat-o SUA fiind o cale istorică lungă şi că e imposibil de a crea o națiune, mai întâi de toate bogată economic şi apoi instruită politic şi cultural.

Astfel, reforma economico-socială din Republica Moldova trebuie sa se desfăşoare simultan cu o transformare în interiorul culturii politice care ar putea privilegia valorile democrației.

Teza politologului american S.Huntington stipulează ,,pentru a face față cu succes modernizării, un sistem politic trebuie sa fie în stare mai întâi, să

[60] *Brucan S. Îndreptar – dicționar de politologie. – Bucureşti: NEMIRA, 1993, p.142.*

înnoiască strategia politică, adică să promoveze reforme sociale şi economice prin acțiunea statutului. În acest context, reforma înseamnă de obicei schimbarea valorilor tradiționale şi modelelor de comportament, extinderea comunicațiilor şi a educației etc."[61].

O altă condiție necesară unui sistem politic pentru a face față modernizării politice, evidențiată de către S.Huntington şi alți analişti, şi anume ,,capacitatea sistemului politic de a asimila cu succes, în cadrul acestuia, forțele sociale produse de modernizarea şi realizarea unei noi conştiințe sociale ca rezultat al modernizării"[62].

Considerăm că este incontestabilă afirmația potrivit căreia tranziția anevoioasă la relațiile de piață ava1anşa de probleme care au apărut în derularea procesului de modernizare, criza economică, socială şi cea a puterii, au demonstrat că fără o idee națională, fără orientarea poporului la un model de dezvoltare a societății noastre - mişcarea progresivă este imposibilă. Analiştii politici şi cercetătorii în domeniul ştiințelor socio-umane utilizează mai mulți termeni care definesc un singur fenomen - lipsa unei formule politice, a unei concepții de acțiune politică, având în vedere un ansamblu de idei şi valori, pe care elita sau clasa conducătoare s-ar baza în guvernare, iar societatea ar avea posibilitatea de a se orienta mai bine.

Formula menționate este denumită în literatura de specialitate ca: doctrină economico-politică, concept nou de dezvoltare, idee națională, ideologie națională sau de stat etc. Cea mai potrivita noțiune în Republica Moldova este ,,ideea națională", ce reprezintă un sistem de idei, principii şi orientări recunoscute atât de stat, cât şi de cetățeni. În această ordine de idei, ideea națională poate servi întreaga societate sau individul în parte, precum şi, nu în ultimul rând, statul, ce determină soluționarea problemelor la dezvoltarea societății, interesele persoanelor şi comunităților, pentru a percepe procesele social-economice şi politice actuale şi a celor de viitor.

Un lucru este cert, Republica Moldova are nevoie de cetățeni încrezători, activi la viața politică, având interese comune în ieşirea din criza actuală, crearea unui trai decent, în renaşterea şi înflorirea societății.

Bibliografie

Banciu A., Marinescu T., Traistaru M. Politologie. – Bucureşti, 1996.

Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – Москва: Наука, 1990.

Brucan S. Îndreptar – dicționar de politologie. – Bucureşti: Nemira, 1993.

---

[61] *Huntington S. Ordinea politică a societăților în schimbare. – Iaşi: Polirom, 1999, p.127.*

[62] *Idem.*

Brzezinski Zb. Europa Centrală şi de Est în ciclonul tranziţiei. – Bucureşti: Diogene, 1995.
Fruntaşu P., Rusnac Gh. Republica Moldova pe calea democratizării (aspecte ale procesului de constituire a unui nou sistem politic). – Chişinău: USM, 1999.
Huntington S. Ordinea politică a societăţilor în schimbare. – Iaşi: Polirom, 1999.
Скок Н.В. Политическая культура общества в рамках системного подхода. // Вестник, сер.3, 1998, с.41-46.
Тимофеев К. Становление и развитие культуры мира. // Полис, 1998, №5, с.96-101.

Prezentat la redacţie
la 14 noiembrie 2005

INTERACŢIUNEA DINTRE SISTEMUL ELECTORAL ŞI SISTEMUL DE PARTIDE[63]

Victoria PERCIUN
Republica Moldova, Chişinău,
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relaţii Internaţionale,
Ştiinţe Politice şi Administrative
Catedra Ştiinţe Politice şi Administrative
Doctorandă

.In this article the author analizes the influence of electoral system upon the number of parties, and its effects upon the political stability of a country. The author shows how different type of electoral system influences the establishment of party system. The same electoral system can have dissimilar effects in different countries; or even in the same country at different periods of its history. What is clear is that plurality and majority systems will work less successfully in ideologically or ethnically divided societies where each side fears the consequences of giving supreme power to its opponents. The changes in the electoral order have always come about the result of a change in the balance of forces or in the structure of party systems. Electoral systems are devised by political parties in responce to political circumstances. The

[63] *Recenzent – doctor-habilitat în ştiinţe politice, profesor Victor MORARU,; doctor-habilitat în ştiinţe politice, professor Constantin SOLOMON*

author assesses that the influence of electoral system is likely to be greatest when a party system is in the process of formation. Electoral systems are consequences, therefore, even more than causes.

.The author aserts that the relationships between electoral systems, party systems and the process of social change are, therefore, reciprocal and highly complex. When society is fundamentally stable an electoral system which reflects what is happening in society will not lead to much change in the political system. When society is changing a proportional representation system will reflect that change. One crucial consequence of electoral systems is the extent to which they are likely to reflect or refract the process of social change.

În literatura de specialitate, întotdeauna au fost duse discuții cu privire la interacțiunea dintre sistemele electorale şi sistemele de partid. Un loc aparte ocupă dezbaterile cu privire la influența sistemelor electorale asupra vieții politice. Acest subiect i-a interesat pe aşa autori notorii ca: V.Bogdanor, M.Duverger, A.Lijphart, G.Sartori şi alții.

D.W.Rae constată că toate sistemele electorale, inclusiv reprezentarea proporțională, dau o primă de locuri parlamentare celor mai puternice partide politice. Realizînd o analiză complexă a campaniilor electorale pentru o perioadă de 21 de ani, J.Blondel observă că statele occidentale pot fi împărțite în 4 grupe distincte. Astfel el distinge: bipartidismul, sistemul de „două partide şi jumătate", multipartidismul cu partid dominant şi multipartidismul pur[64].

Legile electorale au efecte politice profunde. De exemplu, reprezentarea proporțională produce mai multe partide şi are o mai mică disproporționalitate la transformarea voturilor în mandate în comparație cu sistemele majoritare şi reprezentarea proporțională. Toate sistemele electorale favorizează partidele mari, iar sistemele electorale majoritare discriminează partidele mici mai mult decît sistemele electorale ale reprezentării proporționale. Cauza acestora sunt barierele sau pragurile electorale, care sunt mici în cazul reprezentării proporționale, încurajînd astfel partidele extremiste, partidele de protest. Regulile sistemului majoritar încurajează mai mult alegerile decisive care tind spre un guvern durabil, un partid dominant şi guverne majoritare. Cu cît este mai largă magnitudinea circumscripției, cu atît este mai mare numărul de partide şi scade disproporționalitatea în reprezentare. În cazul cînd magnitudinea circumscripției creşte, reprezentarea este definită mai puțin de geografia circumscripției, dar mai mult de interesele ideologice şi sectoriale[65]. Pragul ele-

---

[64] *Ghidul tînărului lider politic. - Chişinău: ADEPT, 2002, p.49.*

[65] *Rae D. The Political Consequences of Electoral Laws. - New Haven: Yale University Press, 1971, pp.32-38.*

ctoral mare de reprezentare descurajează partidele mici, deşi structura listei de votare nu afectează marimea numărului de partide.

La începutul anilor '50, M.Duverger a prezentat acest subiect, arătînd capacitatea sistemelor electorale de a influența asupra sistemului de partide în felul următor:

1. sistemele electorale proporționale favorizează sisteme de partide multiple, rigide, independente şi stabile,

2. scrutinul majoritar uninominal cu două tururi tinde către un sistem de partide multiple, suple, independente şi relativ stabile,

3. scrutinul majoritar cu un singur tur tinde către un sistem dualist, cu alternanța de mari partide independente[66].

În opoziție cu cele prezentate de M.Duverger, este teza lui G.Lavau, care scrie: "sistemele de partide sunt în primul rînd rezultatul sociologiei şi al istoriei, şi față de aceşti doi factori explicativi, modul de scrutin reprezintă un lucru destul de mărunt"[67].

M.Duverger a ripostat la cele menționate de G.Lavau prin afirmația: "acțiunea sistemelor electorale poate fi comparată cu o frînă sau cu un accelerator, un anumit regim electoral facilitează creşterea numărului de partide determinată de acțiunea altor factori, în timp ce alt regim electoral acționează ca un obstacol. Modurile de scrutin nu au rol propriu-zis de motoare, acestea sunt realitățile naționale, ideologiile şi structurile socio-economice care au, în general, acțiunea decisivă în această privință".

Cercetătorul J.Grumm, în lucrarea sa din anul 1958, prezintă o critică în adresa concluziilor lui M.Duverger. J.Grumm menționa că sistemul de partid precede sistemul electoral. Pentru a fi mai convingător, J.Grumm face referire la Germania, unde sistemul electoral de reprezentare proporțională nu a produs multipartidism[68].

Există patru indicatori pentru măsurarea caracteristicilor sistemului de partid:

1. numărul efectiv al partidelor elective,

2. numărul efectiv al partidelor parlamentare,

3. tendința sistemului electoral la formarea majorității parlamentare,

4. tendința de a genera un partid parlamentar majoritar, fără a lua în considerare dacă majoritatea de mandate ale partidului au fost obținute.

---

[66] *Duverger M. Les parties politiques. - Paris: Armand Colin, 1976, pp.247, 269.*

[67] *Martin P. Sistemele electorale şi modurile de scrutin. - Bucureşti: Monitorul Oficial, 1999, p.116.*

[68] *Grumm J. Theories of Electoral Systems. // Mid West Journal of Political Science. - New York, 1958, No.2, p.357-76.*

Conform tezei lui M.Duverger, sistemul majoritar, în contextul colegiului uninominal cu un singur tur, produce bipartidismul. Ca atare, modul de scrutin nu creează această dinamică dualistă, dar poate să o favorizeze ducînd la un sistem politic bipartidist dacă terenul electoral este favorabil. Pentru a înțelege mai bine raportul dintre sistemul majoritar în cadrul colegiului uninominal cu un singur tur şi sistemul bipartidist, trebuie să privim mai întîi la geneza sistemului bipartidist. Ca exemplu, poate fi luat cazul Marii Britanii, unde colegiul uninominal a fost adoptat pe plan general în 1885, prin *Redistribution of Seats Act,* iar sistemul bipartidist în 1867, adică pe timpul cînd cel de-al doilea *Reform Act* înregistrează o extindere a sufragiului. Putem concluziona că, din punct de vedere al genezei, formatul bipartidist britanic este, într-o măsură foarte mare, independent de influența colegiului uninominal.

După cum menționează D.Fisichella, interacțiunea dintre sistemele partidice şi sistemele electorale implică mereu abordarea sistemelor partidice structurate. Dacă sistemul partidic național nu este structurat (inclusiv sub aspectul „naționalizării partidelor"), nu poate fi pusă problema unei mai mari sau mai mici influențe a sistemului electoral asupra sistemului de partide însuşi, şi în particular asupra numărului de partide, în sensul că influența eventuală rămîne limitată la nivel de circumscripție[69].

Sistemul uninominal cu un singur tur funcționează în favoarea statu-quo-ului bipartidic prin limitarea şi dezavantajarea sciziunilor. Astfel, dacă un partid se va scinda în două fracțiuni, el nu va ieşi învingător în alegeri. Totodată, colegiul uninominal este şi un instrument al menținerii bipartidismului, întrucît împiedică în mod simțitor apariția noilor partide. Trebuie de remarcat că ascensiunea unui al treilea partid a fost întotdeauna precedată de o profundă fază de declin al unuia din cele două partide tradiționale, iar noul partid nu se adaogă celor două preexistente, ci, într-o perioadă de timp relativ scurtă, îl substituie pe unul din ele.

Menționăm că există totuşi două condiții care influențează în perspectiva diminuării eficacității sistemului electoral. Aceasta se referă la un al treilea partid care există în societate şi care este expresia unor puternice minorități ireductibile – de obicei de tip etnic ori religios. Sau un al treilea partid care nu are în mod special un statut şi a fost dezvoltat în contexte politice de tip federal sau într-o tradiție cu caracter regional. Nici unul din aceste partide nu are şanse să reuşească la alegeri.

Există o diferență mare între sistemele bipartidiste şi pluripartidiste. În tipurile parlamentare de guvernămînt, sistemele bipartidiste formează cabine-

---

[69] *Fisichella D. Ştiința politică: probleme, concepte, teorii. - Chişinău: USM, 2000, pp.229-230.*

tele din majoritatea unui partid, ceea ce este mai puțin posibil în cazul celor pluripartidiste. În cazul formei prezidențiale de guvernămînt, sistemele bipartidiste pot avea două rezultate semnificativ egale: prezidentul se bucură de suportul marii majorități a legislativului sau va avea de înfruntat o majoritate ostilă.

Pentru a distinge între bipartidism şi pluripartidim, trebuie să ne referim la diferența între pluripartidismul moderat şi cel extrem cu consecințe evidente în formarea cabinetului în sistemele parlamentare şi susținerea legislativă în cazul sistemelor prezidențiale. Problema practică rezidă în aprecierea numărului de partide, în special al celor mici. De exemplu, sistemul de partide din Marea Britanie întotdeauna a fost considerat ca sistem bipartidist, cu toate că a existat şi cel de-al treilea partid în Camera Comunelor, dar el nu a fost luat în considerare[70]. Numărul efectiv de partide poate fi bazat sau pe voturile distribuite partidelor, sau pe mandatele lor.

Obținerea rezultatului proporțional în urma alegerilor este, am putea susține, unul din scopurile cele mai importante ale sistemelor electorale. Disproporționalitatea serveşte ca o legătură de ipoteză între variabilele sistemului electoral şi cele ale sistemului de partid, ipoteza este că disproporționalitatea sistemelor electorale prin mijloacele mecanice şi psihologice reduce numărul partidelor şi creşte şansele victoriilor partidului majoritar. Disproporționalitatea afectează gradul de pluripartidism, dar pluripartidismul afectează gradul de disproporționalitate, motiv pentru care, în sistemele electorale majoritare, o parte substanțială a disproporționalității rezultatului alegerilor este cauzat de partidele mici, care nu au învins la alegeri şi care nu sunt reprezentate în legislativ. În cazul sistemelor reprezentării proporționale unde partidele mici sunt favorizate, se creează un numar mare de partide, care nu reuşesc în alegeri şi astfel se formează disproporționalitatea. Deci, disproporționalitatea este o cauză al pluripartidismului, iar pluripartidismul scade disproporționalitatea. Atît guvernele prezidențiale, cît şi listele de votare categorice tind să crească multipartidismul. G.Sartori menționează că există sisteme electorale majoritare puternice şi slabe, cele puternice în capacitatea lor reduc numărul de partide, iar cele slabe cresc numărul de partide. Cu toate acestea, nu există sisteme electorale pure[71].

Sistemul electoral de tip proporțional coincide cu sistemul de partide fragmentar. În opinia lui F.Moraru, în multe țări unde se aplică sistemul repreze-

---

[70] *Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems A study of Twenty Seven Democracies 1945-1990. – Oxford: Oxford University Press, 1994, p.68.*

[71] *Sartori G. The Influence of Electoral Systems: Faulty Laws or Fawlty Methods? // Grofman B., Lijphart A. (eds.). Electoral Laws and Their Political Consequences. - New York: Agathon Press, 1986, p.54-55.*

ntării proporționale, se caută soluții susceptibile de a limita numărul partidelor care intră în Parlament, adoptînd anumite mecanisme de atribuire a mandatelor ce pot defavoriza partidele mici[72]. Există două explicații a acestui fenomen. Primul al fi faptul că, deoarece este mai dificil pentru partidele mici să obțină mandate în cazul sistemelor neproporționale, mecanismele acestor sisteme sunt legate de rezultatul cîtorva partide din parlament. În al doilea rind, alegătorii îşi dau seama că votul pentru partidele mici este un vot pierdut şi de aceea sunt predispuşi să voteze pentru partidele cele mari. Ca dovadă a acestui fapt sunt aşa țări ca Belgia, Danemarca, Germania, Norvegia, cu sistemele lor pluripartidiste, care au decis să opteze pentru sistemul electoral al reprezentării proporționale[73]. Sunt prezentate date convingătoare că relația între sistemul electoral şi sistemul de partide nu este bazată pe dihotomia ce există între sistemele electorale neproporționale şi proporționale, mai degrabă se fundamentează pe argumentul care se demonstrează astfel: cu cît numărul de partide devine mai mare, cu atît dispropoționalitatea sistemului se reduce. Noile democrații operează cu sistemele electorale proporționale şi astfel încurajează partidele mici în goana după mandate şi disproporționalitatea scade artificial, deoarece multe dintre partide nu au success la reprezentarea lor în legislativ. Problema poate apărea destul de acută în cazul democrațiilor recent stabilite, unde insuficiența practicii alegerilor anterioare îi duce în eroare pe liderii partidelor şi aceştia nu pot să-şi traseze o bază realistică a şanselor lor de cîştig. În cazul sistemelor electorale neproporționale, disproporționalitatea se reduce din cauza deciziei partidelor mici de a nu participa la alegeri.

În studiul de analiză a efectelor sistemelor electorale asupra sistemelor de partide, ne confruntăm cu dificultăți, deoarece ar trebui să începem cu structura listei de votare şi observăm că există buletine de vot categorice cînd trebuie de ales doar un candidat sau un partid, ca în Spania, şi cele ordinale – mai mulți candidați sau doar două opțiuni, ca în cazul Germaniei, unde se practică sistemul electoral mixt. De asemenea, pe buletinul de vot, alegătorii ar putea vota doar pentru candidați ori pentru partide. În dependență de aceasta, se schimbă şi comportamentul, şi activitatea politicienilor şi partidelor politice în cele trei componente: campania electorală, stilul de organizare a partidului şi formele reprezentării parlamentare. Sistemele elctorale au consecințe importante sistemice şi strategice asupra proporționalității numărului de partide în parlament, a gradului de reprezentare socială a parlamentului.

---

[72] *Moraru F. Reprezentarea politică: actori şi autori. - Bucureşti: Editura Paideia, 2001, p.207.*

[73] *Taagepera R., Shugart M. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. - New Haven: Conn. Yale University Press., 1989, p.142-155.*

Influenţa sistemului electoral asupra sistemului de partide şi efectele lui asupra stabilităţii politice a ţării au preocupat cercetătorii dintotdeauna. Aceştia din urmă nu au fost capabili să stabilească legătura clară cauză–efect între aceşti factori. Sistemul electoral poate influenţa sistemul de partide prin efectul său asupra coeziunii interne şi disciplinei partidelor[74]. Scopul considerabil al analizei comparative este de a demonstra efectele sistemului electoral asupra alegătorilor, care sunt puşi în situaţia de a alege între diferiţi candidaţi şi partide. Statele Irlanda, Italia şi Japonia sunt studii de caz excelente pentru a observa cum sistemele electorale pun la dispoziţie alegătorilor dreptul de a alege între candidaţi. În aceste ţări, sistemul electoral le permite politicienilor de clientelă să participe în competiţia partidelor. Irlanda şi Japonia, unde sistemul electoral tinde să se fortifice, se confruntă cu problema divizării şi fragmentării în interiorul societăţilor lor conservative, dominate în special de norme tradiţionale.

Sistemele electorale pot exercită o influenţă considerabilă şi asupra campaniilor importante, ele furnizează stimulente pentru operarea diferitor strategii. Sistemul electoral permite competiţia între partide şi între candidaţii din cadrul aceloraşi partide, iar rolul strategiei centrale a campaniei va fi diminuat. Sistemele rigide de liste din contra vor încuraja mai mult controlul centralizat.

Sistemele electorale de asemenea pot afecta profund relaţiile între membrii partidelor şi alegătorii lor. Aceste relaţii sunt însă slabe în cazul sistemelor listei de partid, unde nu există alegerea candidatului. M.Duverger a accentuat: "reprezentanţii parlamentari sunt aleşi printr-un circuit închis; partidul, în acest caz, este un circuit închis”[75]. În Suedia de exemplu, membrii Riksdagului nu se ocupă de problemele circumscripţiei (districtului), dar aceasta nu este rezultatul sistemului electoral, ci mai degrabă natura procesului de administrare a Suediei şi natura Ombudismului. Potrivit lui G.Sartori, elementul definitoriu la efectul sistemului electoral asupra alegătorului este absenţa sau prezenţa elementului de constrîngere[76]. În cazul în care impactul sistemului electoral asupra alegătorului nu este constrîngător, atunci sistemul electoral este un sistem electoral slab. Şi dimpotrivă, un sistem electoral care exersează o influenţă constrîngătoare este un sistem electoral puternic. Cazurile care se situează între aceşti doi poli sunt sistemele electorale puternic-slabe[77].

---

[74] *Katz R. A theory of Parties and Electoral Systems. - Baltimore & London, The John Hopkins University Press, 1989, p.9.*

[75] *Duverger M. Political Parties. - London: Second edition, 1959, pp.151-152.*

[76] *Sartori G. The influence of electoral systems:Faulty Laws or Faulty Method. - London, 1986, p.43.*

[77] *ibidem, p.51.*

Ar trebui să fie luat în considerare şi efectul sistemului electoral asupra recrutării politice. "Toate studiile care se ocupă nemijlocit de legătura între reprezentarea legislativă a femeilor şi natura sistemului electoral au ajuns la concluzia unanimă că sistemele de reprezentare proporțională favorizează la nivele înalte reprezentarea de către femei”[78]. În cazul sistemelor de reprezentare proporțională, proporția reprezentării femeilor în legislativ este mai înaltă decît în sistemele majoritare. În sistemele listei de partid şi a votului unic transferabil, există avantajul candidaturii femeii. Femeile alese nu reprezintă femeile din electorat, majoritare în corpul electoral, ci grupul de presiune al celor pentru care intrarea femeilor în adunări este o prioritate politică. Trebuie de specificat că partidele vor da locuri femeilor cu atît mai uşor, cu cît miza pusă în joc la alegeri este mai mică, drept exemplu putem lua Franța şi alte țări europene. În sistemele listei de partid, partidul joacă rolul dominant în luarea deciziei care candidat trebuie ales în legislativ, furnizînd o securitate înaltă a locului femeilor pe lista candidaților. Un singur vot transferabil este un sistem electoral mai transparent şi de aceea atitudinea electoratului este reflectată mai direct în politică. Din acest motiv, în cazul sistemelor de listă, procentajul reprezentării femeilor va fi o reflectare a culturii elitei politice, în timp ce în alte sisteme el este o reflectare a culturii politice de masă[79].

În baza acestei clasificări putem deduce că sistemele majoritare condiționează (constrîng) comportamentul alegătorilor şi sunt sisteme electorale puternice. Deci, sistemele pure de reprezentare proporțională sunt sisteme lipsite de efecte[80], dar trebuie luat în considerare faptul că majoritatea sistemelor de reprezentare proporțională sunt impure, deci prezintă caracteristici care afectează proporționalitatea, aşa cum ar fi: dimensiunile mici ale unei circumscripții, formula de a transforma voturile în mandate, pragul de trecut pentru a avea acces la reprezentare. P.Martin menționează faptul că modul de scrutin majoritar nu are de obicei o finalitate – finalitatea majoritară, fiindcă ea nu este întotdeauna garantată şi, în acest sens, unul din paradoxurile sistemelor majoritare este că anume ele sunt cele care au permis, cel mai adesea, unui partid învins în termeni de voturi să cîştige în termeni de mandate, din cauza problemelor de decupaj[81].

---

[78] *Castles F. Female Legislative Reprezentation and the Electoral System. // Politics. – New York. November, 1981, p.22.*

[79] *Ibidem, pp.25,26*

[80] *Sartori G. The influence of electoral systems:Faulty Laws or Faulty Method. – London, 1986, p.52.*

[81] *Martin P. Modes de scrutins: mythes et réalités. // Commentaire. – Paris, 1996, vol.19, nr.73, p.86.*

Sistemele electorale sunt influențate de tradițiile politice din țările în care ele sunt practicate. Unul şi acelaşi sistem electoral poate să aibă efecte variate în diferite țări sau chiar în aceeaşi țară, în perioade diferite ale istoriei. Sistemul electoral majoritar a produs în Marea Britanie un guvern moderat în perioada interbelică şi apoi a fost în forță încă pentru 20 de ani după 1945. De atunci, a fost privit de mulți ca un factor de destabilizare şi criticat pentru declinul economic al Marii Britanii. În Canada, sistemul electoral majoritar a făcut ca țara să pară geographic mai polarizată decît era de fapt şi astfel nu s-a reuşit reprezentarea minoritații conservatoare în Quebec şi a minorității liberale în regiunile de vest.

Sistemul de două liste, care, la prima vedere, pare să fie similar cu votul alternativ, a produs consecințe diferite în Franța[82] nu doar în cadrul comparativ al diferitor guvernări republicane, dar şi în cadrul intern al fiecărei republici în parte. La începutul secolului, sistemul de două liste a susținut guvernul moderat prin întărirea Partidului Radical, ca partid de esență al centrului, iar din 1974 sistemul electoral a permis polarizarea între blocurile de stînga şi dreapta, slăbind forțele extreme ale fiecărui bloc şi acordînd putere majoră Alegătorului de Centru, cu toate că nu există un partid de centru.

Este clar că sistemele electorale majoritare vor avea mai puțin succes în societățile divizate ideologic sau etnic, unde fiecare parte respectă prerogativele puterii supreme exercitate de oponenții lor. Efectele sistemelor majoritare vor fi diferite în societatea în care federalismul creează centre alternative ale puterii politice. De aceea, din perspectiva protecției minorităților, instituțiile federale sunt privite ca un produs al reprezentării proporționale. În Franța, prin contrast, sistemul electoral majoritar a demonstrat compatibilitatea cu absența măsurilor instituționale pentru protecția minoritaților, deoarece executivul era supus legislativului, care vedea rolul său nu în a susține partidul de guvernămînt, ci în a proteja interesele locale.

Este de domeniul evidenței că reprezentarea proproțională favorizează o mai mare fragmentare politică a parlamentelor decît sistemele electorale majoritare, prin simplul fapt că permite o mai justă reprezentare a partidelor mici şi mijlocii şi limitează suprareprezentarea celor mai puternice partide. P.Martin menționează că este o mare greşeală să se creadă că simplul fapt al trecerii la modul de scrutin proproțional are automat consecința măririi numărului de partide reprezentate în adunări, fapt care ar duce sistemul politic la anarhie[83]. Concluzia care a fost făcută referitor la instabilitatea legată de reprezentarea proporțională se bazează pe trei cazuri: Republica de la Weimar, a IV-a Re-

---

[82] *Maurice D. Political Parties. - London, 1954, p.32-36.*

[83] *Martin P. Sistemele electorale şi modurile de scrutin. – Bucureşti: Monitorul Oficial, 1999, p.130.*

publică Franceză şi Italia, fracţionarea forţelor politice în aceste ţări se datorează situaţiei sociale şi istorice şi nu tipului de sistem electoral.

Evident este faptul că nici una din teoriile care susţin că sistemul. Electoral este factorul cauzal fundamental al dezvoltării sistemului de partid nu poate fi demonstrată. Atunci cînd cercetătorii politici pentru prima dată au luat în consideraţie influenţa sistemului electoral, ei l-au privit ca pe o cheie variabila. F.Hermens susţinea că reprezentarea proporţională duce invariabil la formarea unui guvern instabil şi la dezvoltarea extremismului politic şi doar sistemul electoral majoritar poate să garanteze susţinerea valorilor democratice[84]. M.Duverger menţiona că sistemul majoritar va favoriza constituirea sistemului bipartidist şi a stabilităţii politice, iar reprezentarea proporţională va fragmenta partidele şi va produce instabilitatea guvernului[85]. Aceste teorii însă nu sînt argumentate suficient, deoarece cînd analizăm situaţia politică în aşa ţări ca Marea Britanie şi Noua Zeelandă, unde sistemul bipartidist este fragmentat din cauza condiţiilor socioeconomice şi politice, iar partidele concurează pentru putere într-o structură politică unitară, vedem că ea se deosebeşte radical de situaţia din SUA, unde partidele descentralizate *catch-all* concurează într-un sistem politic fragmentat de federalism şi de separarea puterilor. În realitate, şi F.Hermens, şi M.Duverger au generalizat teoriile lor luînd ca un punct de pornire ţările lor de baştină: F.Hermens, preocupat de perioada antinazistă, iar M.Duverger de instabilitatea sistemului politic francez.

Exista însă teorii care susţin că sistemul electoral nu este cauza ci consecinţa sistemului de partide. Ele rezultă din faptul considerării partidelor ca produs al factorilor sociali şi istorici. Teoriile în cauză şi-au găsit oglindirea în lucrările lui J.Grumm şi L.Lipson[86], iar mai tîrziu, şi în cele ale lui S.Rokkan şi S.Lipset[87]. Esenţa acestor noi teorii este că formarea sistemelor de partide nu depinde de sistemul electoral sau de factorul instituţional, ci de numărul şi tipul de clivaje în societate[88]. Dacă există clivage sociale numeroase, atunci ţara în cauză va avea un sistem pluripartidist, chiar şi dispunînd de un sistem electoral majoritar sau al reprezentării proporţionale, deoarece societatea susţine diversitatea intereselor. De aceea va exista sistemul pluripartidist în loc de a se susţine dualitatea intereselor. Este dovedit faptul că, în multe

---

[84] *Hermens F. Democracy or Anarchy? A Study of Proportional Reprezentation. – Notre Dame, 1941, p.12.*

[85] *Maurice D. Political Parties. - London, 1954, p.32-36.*

[86] *Lipson L. Party Systems in the United Kingdom and the Older Commonwealth: Causes, Resemblances and Variations. // Political Studies. - London, 1959, p.74.*

[87] *Lipset S., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross National Perspectives. - New York, 1967, p.82.*

[88] *idem.*

țări, sistemul electoral de reprezentare proporțională a fost practicat după ce sistemul pluripartidist şi-a întărit funcțiile. În Belgia, sistemul de trei partide era deja actual cînd a fost adoptată Legea cu privire la introducerea sistemului electoral al reprezentării proporționale. Şi în Danemarca, în 1920, cînd reprezentarea proporțională a fost introdusă, sistemul pluripartidist era dominat de patru partide mari. Astfel, corelația între reprezentarea proporțională şi sistemul pluripartidist nu poate fi explicată de către sistemul electoral, ci de factorii politici.

Deci, putem conchide că schimbările de ordin electoral în aceste țări au fost rezultatul schimbării în balanța forțelor sau a structurii sistemelor de partid. Sistemele electorale sunt divizate de partidele politice ca răspuns la circumstanțele politice. Sistemele electorale sunt mai mult consecințe decît cauze. Reprezentarea proporțională va constitui o recunoaştere a politicilor pluripartidiste şi va deveni o realitate şi nu o cauză. Sistemul de partid pare să fie o reflectare a clivajelor sociale şi aceste clivaje vor preveni fondarea unor noi partide, dacă acestea din urmă nu vor reflecta factorii sociali reali. Reprezentarea proporțională va avea un efect de destabilizare în sistemele pluripartidiste cum ar fi cele din Republica de la Weimar, A IV-a Republică Franceză şi Italia, pe care Sartori le atribuie la cele cu pluralism polarizat[89], caracterizate de existența unor puternice partide anti-sistem, de competiție centrifugă, de opoziție iresponsabilă, şi deoarece conflictul ideologic este adînc, scrutinul majoritar va fi inacceptabil, prin urmare – reprezentarea propoțională va juca un rol pozitiv în menținerea unui echilibru precar între opoziții.

Pe de altă parte, dacă aceste semne patologice vor fi absente şi partidele anti-sistem nu vor exista sau vor fi slabe, iar partidele politice vor avea rădăcini sociale pronunțate şi vor reflecta alinieri partizane dezvoltate, atunci (Germania, Olanda, Irlanda, Suedia, Danemarca, Norvegia şi Elveția) reprezentarea proporționala nu va încuraja instabilitatea.

Din toate punctele de vedere, abordarea sociologică nu poate fi acceptată ca o analiză finală a relației între sistemele de partide şi sistemele electorale, deoarece ar fi prea determinist ca să analizăm potențialul schimbării inerente chiar şi în cele mai stabile structuri politice, ignorînd existența diviziunilor politice, care nu sunt un produs al clivajelor sociale. Este dificil să oferim o explicație completă a partidelor de succes, atunci cînd un element de bază al acestui succes îl constituie un lider charismatic, ca Ch. de Gaulle, de Valera sau Hitler, fără a prezenta şi factori non-sociologici. Astfel, configurațiile unor partide nu pot fi explicate fără a lua în considerare cariera lui Chirac, în

---

[89] *Sartori G. European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism. - Princeton, 1966, chap.6, p.56.*

Franța, sau fără a evalua rolul lui Adenauer şi Brandt, în Germania, etc. Teoriile sociologice ale partidelor explică mai bine persistența decît schimbarea. Este dificil de explicat de ce schimbarea electorală a afectat sisteme politice diferite la diferite nivele. Pentru a supraviețui, partidele politice nu pot fi doar mecanisme pasive ce ar reflecta diferențele sociale demult stabilite. Ele trebuie să acționeze pozitiv şi să se adapteze condițiilor sociale pentru a nu fi distruse. Sistemele de partid deci nu sunt doar o reflecție a clivajelor sociale, deşi îşi au fundamentarea anume în ele[90].

M.Duverger şi F.Hermens au fost influențați în cercetările lor de circumsțanțele specifice țărilor lor de origine. Teoriile lui S.Rokkan îşi au baza în cercetarea condițiilor politice din țările scandinave, el menționa că liderii politici trebuiau să joace mai degrabă un rol pasiv în multe democrații din Vest şi că era mai uşor de înțeles liderismul politic ca o reflectare a forțelor sociale decît a influenței cauzale a dreptului lor[91]. Există perioade cînd importanța şi influența sistemului electoral asupra sistemului de partide este apreciată ca fiind foarte mare şi aceasta are loc atunci cînd sistemul de partid este în proces de formare. Aceasta poate afecta critic viteza cu care schimbările sociale sunt reflectate în sistemul de partid. Sistemul listei de partid "pur" practicat în Israel şi Olanda şi votul unic transferabil par să fie cele mai transparente sisteme şi par să reflecte mai mult decît alte sisteme procesul schimbării sociale. Acest lucru este posibil doar în cazul cînd schimbarea este privită ca benefică şi nu creează condiții de afirmare pentru extremişti şi partide antidemocratice. Sistemul majoritar este, probabil, cel mai puțin transparent şi, în consecință, reflectă cel mai puțin schimbarea socială.

Deci, M.Duverger, G.Sartori, F.Hermens sunt de părerea că sistemele electorale afectează sistemele de partide, în timp ce J.Grumm, S.Lipset, S.Rokkan, L.Lipson consideră că sistemele de partide influențează constituirea sistemelor electorale. Ambele poziții sunt corecte în cazul cînd nu neagă complet existența procesului invers[92].

Principala funcție a oricărui sistem electoral este să păstreze stabilitatea politică în detrimentul potențialelor dezbinări sau scindări care ar paraliza viața politică. Sistemele electorale de reprezentare proporțională au ca rezultat formarea coaliției guvernamentale, care poate fi atît stabilă, cît şi conflictuală, iar sistemelele electorale majoritare au ca efect stabilitatea guvernului într-un timp scurt şi instabilitatea sistemului pe o perioadă îndelungată.

---

[90] *Carty R. Party and Parish Pump: Electoral Politics in Ireland. – Ontario: Waterloo, 1981, p.151.*

[91] *Rokkan S. Citizens, Elections, Parties. – Oslo, 1970, p.99.*

[92] *Grofman B., Lijphart A. Electoral Laws and their political consequences. - New York: Agathon Press, 1986, p.66*

Sistemele de partide	***Sistemele electorale***	
	Puternice	***Slabe***
Puternice, structurate	**I** Efectul de reducere a sistemului electoral	**II** Efectul opus blocării sistemului de partide
Slabe, fără structură şi organizare	**III** Efectul reductiv de restrîngere a circumscripţiei	**IV** Nici o influenţă

Sursa: Grofman B., Lijphart A., Electoral Laws and their political consequences, Agathon Press, New York 1986, p.65, 113.

I – sistemul electoral puternic şi sistemul de partid puternic: în cazul acestei combinări se confirmă prezicerea efectului reductiv, instaurarea bipartidismului.

II – sistemul electoral slab şi sistemul de partid puternic – efect de blocare ce afectează alegătorii, produs de reprezentarea proporţională, iar sistemul de partid se prezintă ca o variabilă independentă (cazul Austriei şi Maltei, prezenţa votului singular transferabil).

III – sistemul electoral puternic şi sistemul de partid slab: sistemul electoral nu poate produce un efect de reducere pe plan naţional şi, ca rezultat, se constituie un pluripartidism extrem şi polarizat.

IV – sistemul electoral slab şi sistemul de partid slab: nu apar efecte deoarece reprezentarea proporţională pură nu influenţează asupra sistemelor de partide şi nici sistemele de partide nu intervin cu implicaţii asupra sistemelor electorale.

Cînd societatea este fundamental stabilă, un sistem electoral care reflectă voinţa societăţii nu va provoca schimbări mari în sistemul politic. Iar atunci cînd societatea este în schimbare, sistemul proporţional de reprezentare va reflecta această schimbare. O consecinţă primordială a sistemelor electorale este extinderea la care ele pot reflecta sau refracta procesul schimbării sociale. Relaţiile între sistemele electorale, sistemele de partid şi procesul schimbării sociale sunt complexe, reciproce şi destul de puternice. Sistemele electorale nu pot fi înţelese fără a lua în considerare baza dezvoltării istorice a societăţii, care este profund afectată de alegerile politice. Interacţiunile acestor factori pot fi mai bine înţelese prin folosirea metodelor istorice. Studiul comparat al

sistemelor electorale şi al sistemelor de partid trebuie să examineze ce este unic şi particular la ele şi nu trăsăturile lor generale[93].

Adeseori, influenţa sistemului electoral asupra sistemului de partide este supraestimată. Sistemele electorale, prin inegalităţile mai mici sau mai mari de reprezentare în favoarea marilor partide, pe care acestea singure le provoacă, condiţionează puternic reprezentarea parlamentară a forţelor politice şi sistemul lor de alianţe. Deci, influenţa sistemelor electorale asupra sistemelor de partide şi asupra repartizării voturilor alegătorilor între partide este neînsemnată. Astfel că sistemele electorale pot fabrica majorităţi parlamentare, dar nu şi sisteme de partid. Ar fi mai logic să abordăm problema corespondenţei dintre sistemele electorale şi sistemele de partid. Din acest unghi de vedere, se poate observa că sistemul electoral majoritar cu un singur tur de scrutin corespunde sistemului de două partide sau bipartidist, iar sistemele electorale de reprezentare proporţională corespund adesea sistemelor de alianţă electorală.

Influenţa sistemului electoral asupra sistemului de partide şi asupra stabilităţii sistemelor politice nu este foarte evidentă. De fapt, stabilitatea depinde mai mult de structura ideologică a sistemului de partide şi de anumite reguli de funcţionare ale sistemului parlamentar[94]. Important este faptul că sistemele electorale majoritare corespund unor sisteme politice care se bazează pe concurenţă, confruntare, în timp ce sistemele de reprezentare proporţională corespund mai bine sistemelor politice

Bibliografia

Bogdanor V. Democracy and Elections, Electoral Systems and Their Political Consequences. - London, New York: Cambridge University Press, 1983.

Castles F. Female Legislative Reprezentation and the Electoral System. // Politics. - November, 1981.

Carty R. Party and Parish Pump: Electoral Politics in Ireland. – Ontario: Waterloo, 1981.

Duverger M. Les parties politiques. – Paris: Armand Colin, 1976.

Fisichella D. Ştiinţa politică: probleme, concepte, teorii. – Chişinău: USM, 2000.

Grofman B., Lijphart A. Electoral Laws and their political consequences. - New York: Agathon Press, 1986

Grumm J. Theories of Electoral Systems. // Mid West Journal of Political Science. – New York, 1958, No.2, p.357-376.

---

[93] *Bogdanor V. Democracy and Election. Electoral Systems and Their Political Consequence. - London, NY: Cambridge University Press, 1983, p.261.*

[94] *Martin P. Sistemele electorale şi modurile de scrutin. – Bucureşti: Monitorul Oficial, 1999, p.141.*

Hermens F. Democracy or Anarchy? A Study of Proportional Reprezentation. – Paris: Notre Dame, 1941.
Katz R. A theory of Parties and Electoral Systems. - Baltimore & London: The John Hopkins University Press, 1989.
Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems A study of Twenty Seven Democracies 1945-1990. - Oxford: Oxford University Press, 1994.
Lipset S., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross National Perspectives. - New York, 1967.
Lipson L. Party Systems in the United Kingdom and the Older Commonwealth: Causes, Resemblances and Variations. // Political Studies. – London, 1959.
Martin P. Sistemele electorale şi modurile de scrutin. – Bucureşti: Monitorul Oficial, 1999.
Martin P. Modes de scrutins: mythes et réalités. – Paris: Commentaire, 1996, vol.19, nr.73.
Mitran I. Politologia în fața secolului XXI. - Bucureşti: "România de mîine", 1997.
Moraru F. Reprezentarea politică: actori şi autori. - Bucureşti: Editura Paideia, 2001.
Negulescu P. Partidele politice. – Bucureşti: Cultura Națională, 1926.
Rokkan S. Citizens, Elections, Parties. – Oslo, 1970.
Sartori G. Political Development and Political Engineering. // Public Policy. - Cambridge: Cambridge University Press, 1968, vol.17.
Sartori G. The influence of Electoral systems: Faulty Laws or Fawlty Methods? // Grofman B., Lijphart A. (eds.) Electoral Laws and Their Political Consequences. – New York: Agathon Press, 1986, p.54-55.
Sartori G. European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism. – Princeton, 1966.
Seiler D. Les parties politiques. – Paris: Armand Colin, 1993.
Taagepera R., Shugart M. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. - New Haven, Conn.: Yale University Press, 1989, p.142-155.
Voicu G. Pluripartidismul - o teorie a democrației. - Bucureşti: ALL, 1998.

Prezentat la redacție
la 12 ianuarie 2006

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА – 2005: ВЫБОРЫ-2 ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРИМАРА СТОЛИЦЫ[95].

Валерий МОШНЯГА
Кишинэу, Республика Молдова
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений,
политических и административных наук
кафедра политических и административных наук
доктор-хабилитат политических наук,
профессор, заведующий кафедрой

Георгий РУСНАК
Кишинэу, Республика Молдова
Молдавский госуниверситет
доктор-хабилитат исторических наук,
профессор, ректор,
член-корреспондент Академии Наук Молдовы

Валентин ЦУРКАН
Кишинэу, Республика Молдова
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений,
политических и административных наук
лаборатория социологии политики
доктор философских наук,
доцент, заведующий лабораторией

This article analyzes the specificity, results and electoral strategies of the elections for the general mayor of the Republic of Moldova capital that took place in November – December 2005. The presented material shoes that elections-2 of the general mayor of Chisinau, as well as elections-1, did not record any result due to the law attendance of Chisinau electorate. This was not accidental. Authors describe the main reasons of the elections failure. This together with the frequency of elections influenced the tiredness of people from elections: during 2005, Moldovan electorate took part in one Parliamentary election and four elections for the general mayor of the capital.

[95] *Рецезент – доктор исторических наук, доцент Николай ЛАЮ*

This accompanied with the weak activity of political parties, which basically self-rejected the participation in the election campaign and elections; the old well-known "rules of the game" for the elections; the high attendance of the electorate (1/3) not responding to the changed stereotypes of elections; deficiency of elections when the general mayor is elected only for 1,5 years; sacred interdiction of amending the Electoral Code until the election results are achieved and others; similarity of election programs and insufficient popularity of election participants who strike to win using different election strategies, skills and experience; the passivity of election commission and lack of interest of TV-debates and conceptions of promoting elections, etc.

The article concludes with the idea that the consolidated action of all the above mentioned factors negatively influenced the electorate, its mobilization and participation in elections. The main problem of elections is whether the election serial - interrupted by the decision of authority recognising the impossibility under these circumstances to increase the attendance of people or general mayor elections shall continue until one candidate wins - in the end, benefited from the appropriate real and correct decision. The authority agreed not to insist with its conditions and wishes; it ended the expensive and boring election serial titled "Elections-2005 of the general mayor of the Republic of Moldova's capital".

I. СПЕЦИФИКА ВЫБОРОВ

1. В истории молдавских выборов были случаи[96], когда выборы были признаны несостоявшимися вследствие недостаточной явки избирателей. Однако, впервые выборы генерального примара Кишинева превратились в бесконечный сериал из рубрики «to be continued…» («продолжение следует...»). В ходе этого действа избирательная комиссия упорно и проигрышно повторяла электоральную процедуру, назначая и проводя выборы, а избиратели с неменьшей настойчивостью и успехом игнорировали выборы, демонстрируя низкую явку. Кто окажется более упорным? Сюжет прямо для сказки Г.Х.Андерсена про стойкого оловянного солдатика-2.

---

[96] *Несостоявшиеся выборы по причине высокого абсентеизма электората имели место во многих населенных пунктах страны, в том числе и в столице Молдовы – муниципии Кишинэу. В 1995 году из-за неявки избирателей выборы столичного градоначальника были признаны недействительными.*

Таблица 1. Явка избирателей муниципия Кишинэу на выборы генерального примара столицы (июль-декабрь 2005 года)[97].

Дата проведения выборов	***активность избирателей (%)***
10 июля 2005 года	26,97
24 июля 2005 года	19,80
27 ноября 2005 года	22,30
11 декабря 2005 года	22,07

Причин неудач с выборами генерального примара столицы несколько.

Во-первых. Известно, что местные выборы традиционно пользуются меньшей популярностью у населения, явка на них всегда ниже. Поэтому для обеспечения необходимой явки избирателей всегда необходимо приложить большие усилия как электоральным конкурентам, политическим формированиям, их поддерживающим, так и заинтересованным в успешном проведении выборов государственным структурам, в частности избирательным комиссиям различных уровней.

Во-вторых. Столичный электорат всегда и везде настроен более оппозиционно по отношению к власти, более самостоятелен, раскрепощен и независим в своем выборе, решениях. В том числе и в отношении участия / неучастия в выборах. Неудачный опыт[98] участия в выборах 10 июля 2005 года оказал негативное (абсентеистское) воздействие на последующие электоральные практики по выборам генерального примара столицы. К накопившейся усталости от выборов, прошедших на протяжении весны-лета 2005 года, добавлялась апатия от происходящих выборов генерального примара, консолидировалось протестное поведение столичных избирателей, их отчуждение от власти и существующего электорального процесса.

В-третьих. Начальный период независимого демократического развития и электорального процесса в Молдове характеризовался высокой электоральной активностью населения. Сохранялась еще советская традиция «долга», обязательного участия в выборах. Такая ситуация дополнялась новыми нюансами, обусловленными экстенсивным развитием

---

[97] www.elections2005.md

[98] *Ранее мы уже обращали внимание на общие и специфические причины провала выборов генерального примара столицы, имевших место в июле 2005 года (см.: Мошняга В., Руснак Г., Цуркан В. Выборы (2005) генерального примара столицы Республики Молдова: специфика, стратегии, результаты. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Nr.4 (XXXI), 2005. – Chişinău, USM, 2005, p.76-105)*

демократии: состязательность, ранее недоступная критика всего и вся, политическая смелость и нешуточное противостояние электоральных конкурентов. Все это создавало интригу, стимулировало интерес к выборам. И, соответственно, явку избирателей к избирательным урнам. Однако, постепенно мобилизующее воздействие обеих тенденций стало отчетливо снижаться. Это касается всех типов выборов.

В-четвертых. «Правила игры», устанавливающие электоральный ценз валидности на уровне участия в выборах 1/3 от общей численности избирателей, не учитывали новых явлений в социально-политическом фоне и в поведении электората. Они не отвечают изменившимся социально-политическим реалиям нынешнего периода функционирования демократии, ее взросления и интенсивного развития в Молдове[99].

---

[99] *Боцан И. Новые муниципальные выборы, 26 сентября 2005. (http://www.alegeri2005.md/ru/chisinau/comments/20050926/). Социолог А.Колацки, анализирует этот аспект проблемы с позиций теории организации. «Попытаемся рассмотреть прошедшую избирательную кампанию (июлб 2005 года – авторы статьи), трактуя ее как дорогостоящий социальный проект. ... Если опыт завершается отрицательным результатом, стало быть один из факторов являлся экспериментным риском и не соответствовал поставленной задаче. Итак: 1. либо методология не верна – а в нашем случае правила игры, регламентированные Избирательным кодексом; 2. либо приборы, фиксирующие результаты, не функциональны сами по себе – речь идет о работе избирательных комиссий; 3. либо гипотеза (программы конкурентов), которую необходимо было подтвердить ходом эксперимента, априори была ошибочной.*

Предлагаемая система отбора наводит нас на следующие выводы. Результаты обеих попыток избрать генерального примара столицы указывают на то, что Избирательный кодекс Республики Молдова не во всем соответствует реалиям наших дней. Методология, разработанная в другие времена и в других условиях, в чем-то устарела. И это – положительный факт. Страна развивается, и ей уже тесны некоторые правила из прошлой жизни. Многие аналитики утверждают, что, если бы эти выборы были не так насущны, их «нужно было бы выдумать», дабы проверить существующие регламенты и законы «на выживание». Проверка прошла в жестких условиях и показала, что перед законодателями стоит задача привести нормы Избирательного кодекса в соответствие с теми тенденциями, которые наметились в нашем изменяющемся обществе. Напоминаем, что этот законодательный акт был принят и вступил в силу в 1997 году, а за восемь лет молдавское общество претерпело необратимые преобразования. Меняющийся мир включил в движение и свой сегмент – Молдову. И она, как часть его, может развиваться по общеутвержденным законам с поправкой на собственную государственную индивидуальность.» (См. Колацки А. До осени Кишинев остается без из-

Кроме того, существовавшие «правила игры» были ужесточены. В контексте евроинтеграции они становились, как мы уже отмечали[100], «священной коровой», которую нельзя была трогать, изменять до успешного завершения выборов. Это касалось в том числе и такого аспекта как синхронизация всех местных выборов. Генеральный примар должен был избираться только на 1,5 года до следующих местных выборов по общенациональному формату. Отсюда, выборы генерального примара получали изначально имидж неполноценных. Подобное условие также не стимулировало интерес населения.

В-пятых. Избирательная комиссия по определению должна заниматься не только обеспечением законности осуществления выборов, но и *информированием* населения о предстоящих выборах, непартийно-политической мобилизацией электората. Деятельность избирательной комиссии, особенно на первом из четырех реализованных этапов избирательной кампании, характеризовалась (как мы уже отмечали) *полной пассивностью* в плане информационной мобилизации. На следующих этапах кишиневская избирательная комиссия активизировалась, но как показали выборы, это было поздно: поезд ушел. «Ложка дорога к обеду».

В-шестых. Местные выборы, в том числе и выборы генерального примара столицы требуют особой стратегии и тактики от кандидатов, умения не затеряться среди других, выделить свою особенность. Практика всех электоральных этапов показала, что этого не произошло. Избирательная кампания характеризовалась вялостью, слабой активностью кандидатов, схожестью их программ. Складывалась впечатление, что все они были клонированы, переписаны из одного источника. При этом, отметим, что все кандидаты (и те, кто считал себя «европейцем», и те, кто был «скован цепью советского коммунистического прошлого») выдвигали программы публичного управления в стиле «крепкого хозяйственника»[101].

бранного генерального примара. // ИА "Новости - Молдова", 2006, 25 июля. (http://newsmoldova.ru/news.html?nws_id=429191). Отметим, что подобные выводы уместны и по отношению к осенне-зимнему циклу.

[100] *Мошняга В., Руснак Г., Цуркан В. Выборы (2005) генерального примара столицы Республики Молдова: специфика, стратегии, результаты. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Nr.4 (XXXI), 2005. – Chişinău, USM, 2005, p.73-83*

[101] *См.: Дораш В. Время «крепкого хозяйственника» ушло или размышления о системе управления в контексте выборов-2005 генерального примара Кишинева. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – Chişinău: USM, nr.4 (XXX), 2005, p.7-21.*

Практически все кандидаты были на одно, «деперсонализированное» лицо. Люди не не видели и не понимали *кого* и *из кого* выбирать. Теледебаты на национальном телевидении М1, в той форме в которой они осуществлялись, отнюдь не способствовали лучшему узнаванию кандидатов, их личности и программ. Даже политизация выборов, обычно содействующая росту внимания, закручиванию интриги, не способствовала интересу людей к избирательной кампании. Это давало основание считать, что главными виновниками провала выборов являются кандидаты на должность кишиневского градоначальника[102].

В-седьмых. Политические партии, общественно-политические формирования Молдовы в выборах (2005) генерального примара Кишинева не показали себя «электоральными машинами», призванными участвовать в выборах и мобилизовывать поддержку населения. Фактически они отстранились от выполнения одной из своих основных функций. Это касается всех политических партий, в первую очередь «сильных» (парламентских) партий, обладающих серьезной электоральной поддержкой и возможностями электоральной мобилизации.

Данный вывод правомочен для всего электорального цикла, в том числе и первых двух этапов. На первых двух этапах коммунисты не содействовали этому тактически, стремясь выиграть выборы «малой кровью», мобилизацией только своего электората. Альянс «Moldova noastră», занятый внутренними разборками, не поддержал своего кандидата Д.Брагиша, оставив его «в одиночном плавании». ХДНП, решая проблемы собственной постэлекторальной политической самоидентификации как внутри руководства партии, так и по отношению к своему «кадровому» электорату, оказалась не способной мобилизовать свою социальную поддержку в столице. Другие политические формирования страны в кишиневском электоральном сегменте не представляют реальной значимой силы.

2. Выборы генерального примара (осенне-зимний цикл) внесли новый нюанс. Впервые в истории молдавского избирательного процесса

---

[102] *«Ответственность за неизбрание генерального примара Кишинева лежит на всех субъектах этого процесса, но в большей степени на кандидатах предвыборной гонки. (См. Колацки А. До осени Кишинев остается без избранного генерального примара. // ИА "Новости - Молдова", 2006, 25 июля. (http://newsmoldova.ru/news.html?nws_id=429191). Эта оценка дана на основе анализа двух первых (летних) этапов выборов. Но она справедлива и для последующих осенне-зимних этапов, в целом для всего цикла выборов (2005) генерального примара столицы. На наш взнляд, это не совсем так. И в разделе, посвященном электоральным технологиям мы постараемся это показать.*

наиболее сильные электоральные игроки – парламентские политические партии – сознательно игнорировали участие в выборах, не выставляли собственных кандидатов[103]. И причина не в том, что они боялись потерпеть поражение и проиграть в избирательной кампании[104]. По нашему мнению, основная причина была в том, что что они сами не верили в реальность, успешность проведения выборов генерального примара столицы. И потому не считали нужным участвовать в безнадежно проигрышном мероприятии.

Наглядным подтверждением данного тезиса является, по нашему мнению, эволюция в установках партии власти по отношению *к своему кандидату*. Если в июле коммунисты выдвинули «своего» кандидата – З.Гречаную, то в осенне-зимней избирательной кампании, они, осознав нереальность положительного исхода выборов, присутствовали на выборах косвенно посредством передачи имиджа, «подсветки» кандидатуры В.Урсу со стороны партии власти.

Другими, не менее, показательными свидетельствами политической отстраненности власти от выборов может служить «непраздничность» нарядов руководителей страны на выборах-2 генерального примара столицы. Все трое (президент страны, спикер парламента и премьер-министр правительства) пришли на голосование, одевшись как по команде в рубашки, свитера темных тонов, что подчеркивало их знаковую отстраненность[105]. Неверие в успехе выборов прочитывается и в реплике-во-

---

[103] *Исключение составил Альянс «Moldova noastră». Однако, его первоначально-парламентский, мандатный вес (34 депутата) не отвечал реальной, постэлекторальной поддержке, был серьезно «потрепан», уменьшен в результате внутриблоковых расколов, ухода С.Урекяна с должности генерального примара столицы, сокращения и расщепления административного ресурса, в том числе и в противостоянии трех кандидатов на кресло столичного градоначальника, вышедших из гнезда Альянса «Moldova noastră» - М.Русу, В.Урсу, О.Черней.*

[104] *Ţârdea B. În ciuda comuniştilor vom avea un primar nou. // „Socius”, 2005, 4 noiembrie.*

[105] *По советской (и не только советской) административной традиции, костюм, белая сорочка и галстук являются необходимым внешним атрибутом, «спецодеждой» официального присутствия и освящения происходящего действия. Если же внешний вид представителя власти не соответствует этим правилам, значит, мероприятие, на котором он присутствует не является* ***его*** *(«лидера-должности») официальным предприятием. Правда, президент страны и ранее позволял себе «вольности» несоответствия костюма официальному и дипломатическому этикету проводимой встречи (молдавская пресса отметила это). Однако, это свидетельствует не столько об отстране-*

просе Президента страны, брошенной членам участковой избирательной комиссии при голосовании во второй половине дня 27 ноября 2005 года, «Ну что есть ли у вас хоть 10 процентов проголосовавших избирателей?»

Отметим, что подобное неверие в успешность предприятия появилось после ноябрьского голосования и у Альянса «Moldova noastră», и у Социал-демократической партии Молдовы, которые сняли своих кандидатов с гонки и не участвовали в декабрьском туре избирательной кампании и выборов.

3. Как результат, сложилась ситуация, что фактически все субъекты избирательного процесса становились *заложниками* установленных правил. Не видя конструктивного выхода из ситуации, они самостоятельно, независимо от действий других акторов выбирали общее решение – игнорирование выборов. То есть, антисистемное, протестное поведение стало доминирующим. И в этом также была специфика выборов-2 генерального примара столицы (ноябрь-декабрь 2005 года).

4. Реально основная проблема выборов заключалась не в том, кто конкретно выиграет выборы. Специфика выборов-2, ее основная интрига была в том, будут или не будут изменены «правила игры» или будет бесконечная («сколько надо») «игра в выборы до победного конца», до успешного избрания генерального примара столицы[106], пойдет ли власть навстречу кишиневскому электорату, кандидатам, политическим партиям и *себе самой* и примет решение о назначении исполняющего обязанности генерального примара столицы до 2007 года, нового общенационального цикла местных выборов, снижении избирательного ценза и др.

5. Впервые в электоральной практике столичных выборов (специфика осенне-зимнего цикла) электоральные конкуренты не представляли реальной политической силы, которых знает и массово поддерживает кишиневский избиратель. Основная масса соискателей должности генерального примара столицы были малоизвестными, с невысоким общественным рейтингом (Д.Киртоакэ, Э.Мушук, В.Урсу, Г.Сима, В.Крылов),

---

нности президента от происходивших мероприятий, сколько об ощущении свободы, дозволенности, которую он себе может позволить, но которую не может позволить себе подчиненный, чиновник любого иного государственного уровня.

[106] *Чиновники из избирательной комиссии были готовы и уже проговаривали назначение новой даты выборов: «в случае неизбрания генерального примара столицы 11 декабря 2005 года избирательная комиссия в соответствии с требованиями Кодекса о выборах назначит новые выборы, которые должны состояться через 60 дней» (См. «Бизнес Молдовы», 2005, 29 ноября)*

хорошо забытыми (М.Русу, О.Черней) или даже неизвестными (О.Николенко) политическими деятелями и персоналиями[107]. И в силу этого, *равными*[108] электоральными конкурентами.

6. Выборы генерального примара столицы показали, что активизируется новое поколение в политике[109]. На смену политикам, которые начали свою карьеру еще в советский период, начинает приходить поколение политиков, которое сформировалось уже в постсоветский период. Избрание примаров в ходе местных выборов, осуществляемое по мажоритарной системе, проявляет эту тенденцию более отчетливо. Выборы кишиневского градоначальника подтвердили эту тенденцию достаточно полно. Если на выборах-1 (июль 2005 года) 2 из 10 кандидатов (20%) были представителями нового поколения политиков (Д.Киртоакэ и Э.Мушук), то на выборах-2 (ноябрь-декабрь 2005 года) их доля возросла до 50% (4 из 8 кандидатов: Д.Киртоакэ, Э.Мушук, О.Черней, О.Николенко).

7. Результаты выборов-2 генерального примара Кишинэу были во многом ожидаемыми. Как и прогнозировалось 27 ноября 2005 года первое место занял В.Урсу. На втором месте оказался Д.Киртоакэ. На третьем месте – М.Русу. Голосование 11 декабря 2005 года также не принесло неожиданностей в распределении мест. Неожиданностью явился количественный результат Д.Киртоакэ, который в условиях низкой, «невалидной» явки кишиневских избирателей, сумел составить реальную конкуренцию В.Урсу, набрав лишь на 1/3 меньше голосов избирателей.

---

[107] *Если сравнивать состав соискателей кресла градоначальника в контексте «выборы-1» и «выборы-2», то состав кандидатов на «выборах-1» был более представительным. Среди кандидатов были личности в стране и столице известные: Д.Брагиш, З.Гречаная. Остальные кандидаты хотя и фиксировались в массовом сознании населения столицы, но обладали очень небольшим рейтингом (Г.Сусаренко, Г.Сима, В.Клименко, В.Гуриценко, В.Гараба, Э.Мушук). Группа забытых и неизвестных политиков была представлена Ю.Гори-Костин и Д. Киртоакэ.*

[108] *См.: Ţârdea B. În ciuda comuniştilor vom avea un primar nou. // „Socius”, 2005, 4 noiembrie.*

[109] *см.: Боцан И. Избирательный полигон, 9 ноября 2005 (http://www.alegeri2005.md/ru/chisinau/comments/20051109/); Peru A. Unele particularităţi de imagine-poziţionare în Electorala „Chişinău-2005”. Chişinăul electoral: unul pentru toţi şi toţi pentru unu! // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Nr.2 (XXXIII), 2006. – Chişinău, USM, 2006, p.86-96; Sandu D. Schimbul de generaţii în politica de la Chişinău. // „Socius”, 2005, 4 noiembrie.*

Таблица 2. Результаты выборов-2 генерального примара муниципия Кишинэу (в процентах).

№	*кандидат*	*27 ноября 2005 года*	*11 декабря 2005 года*
1	Киртоакэ Дорин	25,14	35,62
2	Крылов Валентин	6,38	6,92
3	Мушук Эдуард	4,69	отказ
4	Николенко Ольга	1,78	отказ
5	Русу Мирча	10,26	отказ
6	Сима Георгий	1,19	1,04
7	Урсу Василий	46,60	52,91
8	Черней Олег	3,89	3,51

II. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Несмотря на то, что выборы-2 генерального примара столицы не состоялись по причине недостаточной явки избирателей, электоральные конкуренты использовали различные электоральные стратегии, рассмотрение которых представляет определенный практический и научно-познавательный интерес.

2.1. Василий УРСУ

В.Урсу в политике достаточно давно. У него есть еще советский опыт работы в структурах коммунистической партии, органах местной публичной администрации. Он был депутатом молдавского парламента начала ‘90-х годов XX века, занимал различные административные должности. Однако, он никогда не был на первых ролях. И потому нельзя сказать, что это известный и популярный молдавский политик. Единственной самостоятельной фиксацией в доэлекторальный период было его открытое несогласие с действиями С.Урекяна, лидера блока «Moldova democrată», по формированию избирательного списка накануне парламентских (2005) выборов.

В период избирательной кампании по выборам генерального примара столицы (летний цикл) он показал себя как неплохой тактик, трезво учитывающий свои возможности. В.Урсу предложил свои услуги партии власти в обмен на поддержку на должность столичного градоначальника. Однако, первоначально его попытки не увенчались успехом: коммунисты выступили на июльских выборах со своим собственным кандидатом – З.Гречаной. Однако, несостоявшиеся выборы внесли коррективы в поведение партии власти. Она перешла от прямой поддержки и продвижения своего кандидатуры к менее хлопотной и беспроигрышной тактике косвенной поддержки кандидата В.Урсу. В.Урсу получил

карт-бланш и обещание «передачи имиджа» со стороны руководства страны. Это была его победа в диалоге с партией власти.

Дело было за малым. Надо было победить на выборах и показать коммунистам, что он является серьезным партнером, способным самостоятельно (или почти самостоятельно – с помощью косвенной поддержки) решать поставленные перед ним задачи.

В.Урсу избрал электоральную стратегию независимого кандидата. Это давало ему возможность в избирательной кампании, с одной стороны, претендовать на защиту и продвижение интересов всех кишиневцев независимо от их политических симпатий, обыгрывать надпартийный имидж хозяйственника, строителя города. С другой стороны, под неурекяновский проект он получал неформальную поддержку со стороны парламентских партии власти и «конструктивной оппозиции» (ХДНП, ДПМ), которые отказались от своих кандидатов на выборах-2.

Избирательная стратегия исполняющего обязанности генерального примар столицы В.Урсу опиралась на административный ресурс, как с точки зрения задействования в избирательной кампагии органов власти различного уровня в муниципии, так и с точки зрения использования и продвижения имиджа «лидера-должности». Благодаря этому он находился в более выигрышной позиции по отношению к другим кандидатам. Значительные дивиденды были получены благодаря «перенесению» на него позитивного имиджа президента, спикера парламента, премьер-министра правительства. В этом электорат, в первую очередь, ориентированный на коммунистов, увидел сотрудничество центральной и столичной власти.

Естественно, что подобная стратегия повышала шансы В.Урсу на завоевание кресла столичного градоначальника. В то же время она вызвала массированную критику со стороны других кандидатов, стремление представить его, с одной стороны, в качестве соучастника коррупции, творившейся в примарии при старом руководстве города, а с другой стороны, перенести на него все грехи правящей партии, выставить его в качестве «шестерки»[110] власти. Отметим, что в отличие от З.Гречаной, также столкнувшейся с подобным поведением конкурентов, В.Урсу не был готов дать отпор подобной критике.

Было видно, что теледебаты и полемика его тяготили. И, тем не менее, это также служило продвигаемому им имиджу, что он наиболее деловой среди кандидатов. Ему больше по душе реальное дело, «мотание»

[110] *На подобную аналогию обращает внимание В.Чобану (см.: Ciobanu V. Cacealmaua. // „Socius”, 2005, 4 noiembrie)*

по строительным объектам, оперативность решений, в целом *энергия действия*. Когда другие кандидаты лишь обещали, он заявлял: «я уже делаю!» И это были не только политическая, электоральная реклама, но и суть его подхода, видения роли и значения генерального примара в жизни города. Его электоральная стратегия это стратегия работника, а не барина.

Отметим, что он сумел решить поставленную задачу и одержать вторую победу в диалоге с партией власти, подтвердив весомость своей заявки на должность. В.Урсу получил на выборах практически такой же как и у З.Гречаной результат. И это был успех. Ибо власть увидела, что он является *реальным* кандидатом на победу в 2007 году. Как следствие, она назначила его исполняющим обязанности генерального примара столицы. Практика же показывает, что действующий примар имеет преимущество перед конкурентами и его шансы выиграть выборы всегда более предпочтительны[111].

2.2. Дорин КИРТОАКЭ

На выборах-2 Дорин Киртоакэ как и на выборах-1 был партийным кандидатом, представляя интересы Либеральной партии, вице-председателем и председателем муниципальной организации которой он является.

Его избирательная стратегия опиралась на накопленный позитивный опыт продвижения своего имиджа в период избирательной кампании на выборах (июль 2005 года) генерального примара Кишинэу. Однако, если его избирательная программа на выборы-2 практически не претерпела изменений (внесено всего 3-4 изменения), то электоральная стратегия испытала существенную модификацию. Как и ранее Д.Киртоакэ позиционировал себя в качестве европейского примара, который сделает Кишинев европейской столицей. Серьезность его проевропейских ориентаций подкреплялась его европейским образованием и знанием языков. Однако, акцент на противопоставлении себя как некоммунистического и некоррумпированного представителя молодого поколения коммунистам и замаскированным коммунистам, как это было на выборах-1, был серьезно смазан.

Причина, полагаем, была, *во-первых,* в том, что рядом с ним среди соискателей кресла кишиневского градоначальника находилось много представителей нового, постсоветского поколения политиков. Поэтому будирование данной темы было для Д.Киртоакэ менее выигрышным,

---

[111] *См.: Боцан И. Факторы, которые могут повлиять на исход новых выборов, 6 июля 2005. (http://www.alegeri2005.md/ru/chisinau/comments/20050706/)*

чем в июле 2005 года. И, *во-вторых,* критический пафос обличения коммунистической номенклатуры не играл на мельницу Д.Киртоакэ: рядом был более опытный, умелый и эмоционально-красноречивый боец – О.Черней. и в-третьих, полагаем, что Киртоакэ и его команда понимали, что шокирующие заявления в стиле начала ‘90-х годов сыграли свою роль и их надо модифицировать более серьезным подчеркиванием своей специфики и преимуществ.

Киртоакэ выбрал более правильный и выигрышный для себя путь. Он стал демонстрировать широту взглядов, глубину образования, логику и рационализм подходов, что более соответствует его психологической структуре личности. Благодаря этому он выступил в роли интеллектуального лидера выборов. И эту роль Дорина Киртоакэ остальные кандидаты признали. Это была двойная победа. Ибо это же увидели и признали и кишиневские избиратели.

Однако, при этом, избиратели, особенно правой и правоцентристской ориентации, оставшиеся в значительной степени без лидера, политика, с которым можно идентифицироваться на выборах-2005 генерального примара столицы, не забыли и критического настроя и оппозиционного потенциала кандидата от либеральной партии на выборах-1. В Д.Киртоакэ они увидели новый символ интеллектуальной, непродажной, не / антикоммунистической проевропейской оппозиции. И в силу этого он стал стремительно набирать поддержку избирателей, консолидируя под своими знаменами политически активных избирателей, разочаровавшихся в нынешних лидерах правых. И рост его был впечатляющим.

Было бы наивным полагать, что кишиневские избиратели увидели в 28-летнем молодом политике, не обладающем ни командой, ни административным опытом управления территориальными образованиями, реального генерального примара, способного решать многочисленные проблемы столицы. Избиратели голосовали и поддержали растущего *нового молдавского политика-мессию*. Это была поддержка-аванс некоего нового некоммунистического проекта будущего, которое избиратели хотели бы видеть уже сегодня. Будущего не для Кишинэу, для Молдовы.

При правильной оценке ситуации, своих возможностей, сильных и слабых сторон, настойчивости и последовательности при продвижении своего имиджа и имиджа либеральной партии, формировании работающей команды Д.Киртоакэ может составить серьезную конкуренцию электоральным и политическим конкурентам как на парламентских (2009) выборах, так и на выборах (2007) генерального примара столицы.

2.3. Мирча РУСУ

Мирча Русу также как и В.Урсу был птенцом из гнезда Альянса «Moldova noastră». В их судьбах есть много общего. Оба имеют еще советский опыт партийной, хозяйственной и административной работы. Оба были депутатами молдавского парламента 1990-1993 годов. Но в отличие от независимого кандидата В.Урсу М.Русу на выборах-2 был кандидатом от Альянса «Moldova noastră».

М.Русу активнее отметился в молдавской политике. Был одним из лидеров Национально-либеральной партии, кандидатом на пост генерального примара столицы (и конкурентом С.Урекяна) на выборах 1999 года. Проиграв, он ушел «в тень», в публичной политике не фиксировался[112]. Де-факто он стал «забытым политиком». Это естественно, сказалось на его рейтинге, который и до этого был незначительным.

В избирательной кампании М.Русу надеялся на «перенос имиджа» бывшего генерального примара Кишинэу С.Урекяна, задействование проурекяновского муниципального административного ресурса. В определенном смысле эти надежды имели под собой основания. Однако, только в определенном смысле.

2005 год сказался очень негативно на имидже С.Урекяна. Это было связано с действием многих факторов. В первую очередь, антиурекяновская кампания, проводимая властью, коммунистами на выборах парламента, дала эффект. Имидж Урекяна в контексте разговоров о коррупции в примарии, арестов в его ближайшем окружении оказался сильно потрепанным. Политическое маневрирование в период выборов президента страны, необъяснимые шарахания, идеологическая неопределенность, разброд, шатания и расколы в возглавляемом им электоральном объединении не способствовали консолидации и росту его имиджа. Уход с поста генерального примара в парламент сопровождался размыванием имиджа «лидера-должности».

Кроме этого, уход С.Урекяна из примарии привел к сужению возможностей использования административного ресурса в интересах Урекяна и его политического формирования. Более того, муниципальный административный ресурс стал эксплуатировать в своих электоральных целях конкурент В.Урсу. Партийные же структуры Альянса «Moldova noastră»[113], были построены на основе административного ресурса. Поэ-

---

[112] *Национально-либеральная партия, одним из лидеров которой был М.Русу, участвовала в парламентских (2001) выборах. Результат был более, чем скромный – 2,81%.*

[113] *См., например, Ţârdea B. În ciuda comuniştilor vom avea un primar nou. // „Socius”, 2005, 4 noiembrie.*

тому, естественно, что их жизненность и эффективность были сильно преувеличены.

На выборах-2 М.Русу ничем особенным себя не проявил. Более того, складывалось впечатление, что в избирательной кампании, теледебатах он смотрелся несколько отстраненным, чтобы не сказать *отставшим*, от реальности, не успевающим за молодыми политиками, в первую очередь за Д.Киртоакэ и О.Черней, которые задавали тон. Его результат в основном был обеспечен сохраняющемся еще у определенной части кишиневских избирателей позитивным имиджем С.Урекяна. Итоги голосования на выборах-2 разочаровали и М.Русу, и руководство Альянса «Moldova noastră», которые сочли наиболее рациональным «выйти из гонки». Надежды на успех не оправдались.

2.4. Валентин КРЫЛОВ

В.Крылов был кандидатом от блока, в состав которого вошли Республиканское общественно-политическое движение «Равноправие» и блок «Patria-Родина», состоящий из Партии социалистов Республики Молдова и Социалистической партии Молдовы. Он является одним из руководителей Партии социалистов.

В.Крылов сменил на должности кандидата на пост генерального примара столицы В.Клименко, который баллотировался от этого блока в июле 2005 года, участвовал в избирательной кампании и выборах 10 июля и 24 июля 2005 года и набрал в каждом из туров, соответственно, 3,76% и 12,22%[114] голосов кишиневских избирателей. Результат, достигнутый на выборах 10 июля 2005 года, разочаровал как В.Клименко, так и его коллег по блоку. Это была полнейшая неожиданность. И не только для них.

Ориентация на русскоязычный и пророссийский электорат, результат, достигнутый на парламентских выборах-2005, вселял надежду на успех. Но надежды не сбылись. Более того, по результатам голосования 10 июля 2005 года В.Клименко в электоральной гонке занял только шестое место, уступив «забытому политику» и независимому кандидату Ю.Гори-Костин и лишь ненамного опередив другого независимого кандидата М.Северована.

Второй неожиданностью, кульбитом, в исполнении В.Клименко явилось его непоследовательное поведение: как и другие 9 кандидатов он, сделав резкое заявление, отказывается от участия в выборах 24 ию-

---

[114] *Столь резкий рост электоральной поддержки на выборах 24 июля 2005 года объясняется тем, что в выборах участвовало только два кандидата – В.Клименко и З.Гречаная (ПКРМ).*

ля. Однако в выборах участвует. Правда, опять же, сделав накануне дня выборов заявление, что лично он голосовать не будет.

Мы предположили, что подобные сюрпризы явились результатом «наезда» со стороны заинтересованных национальных или международных акторов. Скорее всего, решение отозвать свой отказ и выставить свою кандидатуру на выборах 24 июля было результатом давления со стороны партии власти, заинтересованной в демократическом характере выборов и обязательном наличии в избирательном бюллетене как минимум двух кандидатов. По всему прессинг был настолько силен, что В.Клименко решил не участвовать и в выборах осенне-зимнего цикла.

Полагаем, что и коллеги по блоку решили «обкатать» в избирательной кампании другого кандидата, который сумел бы набрать более весомый результат. В.Крылов как и В.Клименко ориентировался в основном на пророссийский и русскоязычный сегмент кишиневского электората. В его пользу было, *во-первых*, то, что избиратели, отвечающие этим критериям, стали консолидироваться вокруг избирательного объединения со многими составляющими. *Во-вторых,* В.Крылов это спокойный, взвешенный, очень порядочный человек, стоящий на умеренных позициях, не допускающий агрессию и радикализм, нагнетание эмоций и напряженности. И это людям импонирует.

Считаем, что благодаря этому он сумел почти вдвое превзойти результат В.Клименко. Однако, нельзя не отметить, что создавалось впечатление, что в теледебатах В.Крылов ведет себя как ученик, который хорошо выучил урок, пересказывает его, но этот материал ему в общем-то не нужен.

2.5. Эдуард МУШУК

Эдуард Мушук являлся кандидатом на должность столичного градоначальника от Социал-демократической партии Молдовы. Он также представлял политика нового поколения.

Однако, в отличие от других, участвовавших в выборах генерального примара, он уже достаточно прочно фиксируется на молдавском политическом небосклоне. Он запомнился в качестве говорящей головы партии на парламентских (2005) выборах партии. Однако, еще и до выборов его имя было на слуху.

Эдуард и его отец, председатель партии Ион Мушук давно и достаточно успешно занимаются бизнесом. Однако, в последние несколько лет у них возникли проблемы с властью по поводу экономических интересов. Более того, разрешение этих проблем приобрело конфликтную форму. Э.Мушук организовал и возглавил митинг протеста, был задер-

жан полицией за проведение несанкционированных мероприятий в общественных местах.

Обида на власть наложила свой отпечаток на имидж и поведение как СДПМ на парламентских выборах, так и ее кандидата на выборах генерального примара Кишинэу. В мессаже Э.Мушука отчетливо просматривалась личная обида на коммунистов[115], которые «прижали» его бизнес в сфере телекоммуникаций. Однако в этой критике не было ничего нового, оригинального или привлекательного. О.Черней был более наступателен, конкретен и даже артистичен.

Несмотря на высокую цену избирательной кампании Э.Мушука (он занял первое место среди электоральных конкурентов по финансовым затратам на проведение избирательной кампании) результат оказался значительно ниже ожидаемого. Поэтому в декабрьском туре Э.Мушук уже не участвовал. Партия перешла на позиции бойкотирования выборов.

2.6. Олег ЧЕРНЕЙ

О.Черней представляет группу молодых политиков. Однако, нельзя сказать, что это его первое появление в публичной политике. Он заявил о себе в первой половине ‘90-х годов XX века, когда выступил организатором и руководителем многочисленных массовых выступлений студентов Молдавского государственного университета и Кишинева. Благодаря во многом ему молдавские власти стали считаться с молодежным / студенческим движением страны. Принимая те или иные решения, они вынуждены были предвидеть и учитывать возможность студенческих протестов.

Во второй половине ‘90-х годов XX века он исчез с молдавской политической арены. После окончания исторического факультета Молдавского госуниверситета он продолжил учебу в Румынии. Несмотря на то, что в 2003 году он становится советником Кишиневского муниципального совета от Социально-либерального альянса, можно утверждать, что он является «забытым политиком».

В ноябрьско-декабрьских выборах генерального примара столицы Олег Черней выступал под флагом Экологической партии Молдовы «Alianța verde», хотя до этого позиционировался среди сторонников С.Урекяна, Альянса «Moldova noastră». Поэтому можно считать, что он также представляет «гнездо» Альянса «Moldova noastră».

---

[115] *Peru A. Unele particularități de imagine-poziționare în Electorala „Chişinău-2005”. Chişinăul electoral: unul pentru toți şi toți pentru unu! // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Nr.2 (XXXIII), 2006. – Chişinău, USM, 2006*

Следует заметить, что участие в выборах О.Черней вынудило многих других кандидатов пересмотреть свои позиции и электоральную стратегию. Это было обусловлено следующими обстоятельствами. *Во-первых,* в отличие от большинства других кандидатов (исключение М.Северован из июльского цикла и В.Урсу из ноябрьско-декабрьского цикла) он не понаслышке знает проблемы столичного муниципия. Более того, зная настырность О.Черней, можно смело утверждать, что он знает эти проблемы достаточно полно и хорошо. *Во-вторых*, О.Черней всегда брал смелостью и «безбашенностью» критики властей. И в этом у него также было мало конкурентов. Более того, его отличает природное и наработанное умение в политическом пинг-понге «перебрасывать шарик на поле противника», отвечая на вопрос, ставить оппонента в позицию оправдывающегося. Рядом с ним любой конкурент чувствует себя не очень удобно и уверенно. *В-третьих*, в отличие от других электоральных конкурентов он чувствует себя очень спокойно и естественно перед телекамерой. И этим он также отличался от других, которые были достаточно скованными и неинтересными в телевизионной «рамке». В теледебатах он был главным шоуменом выборов.

Умелое эксплуатирование этих особенностей составило суть электоральной стратегии О.Черней. Этим он запомнился. Несомненно, что его электоральный результат мог быть выше, если бы кандидат в меньшей степени злоупотреблял демагогией и популизмом[116]. Несомненно, что хороший результат приходит к тому, кто последовательно и настойчиво, а не от случая к случаю «обрабатывает свои грядки». Пример Д.Киртоакэ в этом отношении достаточно поучителен.

И еще одно, на наш взгляд, главное обстоятельство, негативно сказавшееся на результате. Складывалось впечатление, что для О.Черней главным в избирательной кампании были «не победа, а участие», стремление потешить свое самолюбие, покритиковать всех, поставить их в неудобное положение. Только с этим выходить «на битву» для получения высокой электоральной поддержки недостаточно.

2.7. Ольга НИКОЛЕНКО

О.Николенко является молодым и неизвестным молдавским политиком. В избирательной кампании по выборам генерального примара столицы она была кандидатом Социал-либеральной партии. Она – биз-

[116] *Отметим, что демагогией и популизмом грешили и другие кандидаты, подтверждая давно известную истину, что больше всего врут перед выборами, на охоте / рыбалке и в мужской кампании в рассказах о своих сексуальных подвигах.*

несвумен, магистр политических наук. В публичной политике это ее первые шаги.

Ее участие в выборах по всей видимости было обусловлено двумя причинами: необходимостью продвижения имиджа партии в среде кишиневского электората и желанием узнать изнутри, что такое публичная политика, теледебаты, увидеть и проверить себя в контексте других электоральных конкурентов. Несомненно, что желание продвинуть в массы имидж партии, особенно в условиях имевшего места внутрипартийного кризиса, поколенческого конфликта в руководстве и «очистки» рядов, похвально.

Однако, на наш взгляд, главной причиной все-таки была вторая, личная. Это был ее личный проект. Об этом свидетельствует тот факт, что О.Николенко не потратила на избирательную кампанию ни одного лея. И в этом плане она оказалась единственным кандидатом.

О.Николенко неплохо смотрелась среди конкурентов, из ансамбля не выпадала. По всему она довольна своими ощущениями от участия в избирательной кампании. Она почувствовала, что такое теледебаты, сравнила себя с другими политическими «небожителями». Для понимания этих вещей ей хватило участия в выборах 27 ноября. Полученный на выборах результат в принципе также можно считать приемлемым – все-таки не последнее место и почти два процента голосов взяты с первой попытки.

Однако, полагаем, что ее электоральная стратегия была невнятной и неэффективной. А можно было обыграть свою специфику: представитель нового, молодого поколения в политике; неизвестный политик, который всегда может быть «чертиком из шкатулки» в силу не сковывающих его рамок высказанных позиций, программ, обещаний и обязательств; молодая, интересная женщина; представитель бизнеса и т.д.

Такой набор стартовой специфики отличал и изначально создавал основу для позитивного запоминания. О.Николенко же запомнилась только тем, что в отличие от всех других кандидатов, которые «наезжали» на В.Урсу как на «шестерку» власти, президента Воронина, она не стремилась вешать на исполняющего обязанности примара столицы все реальные и виртуальные грехи коммунистической власти. То есть, в отличие от мужчин, вожделеющих кресло столичного градоначальника и потому бьющих нередко наотмашь, со зла, она продемонстрировала большую объективность подходов и, соответственно, справедливость.

2.8. Георгий СИМА

На осенне-зимних выборах (2005) генерального примара столицы Георгий Сима позиционировался как кандидат от Партии «Союз труда

«Patria-Родина». Полагаем, что, как и ранее, несмотря на декларированную в ходе парламентских и муниципальных (июль 2005 года) выборах пророссийскую ориентацию, он не может найти точек соприкосновения с руководством блока Республиканское общественно-политическое движение «Равноправие» + избирательный блок «Patria-Родина», стоящего на тех же идеологических позициях.

В избирательной кампании кандидат от Партии «Союз труда «Patria -Родина» ничем особенным себя не проявил, аппелируя как и В.Крылов к русскоязычному и пророссийскому избирателю Кишинева. Однако, тем не менее, его результат по сравнению с выборами 10 июля 2005 года оказался более весомым. Фактически он был удвоен. Полагаем, что это явилось результатом привыкания определенной части избирателей к Г.Симе, постепенного нахождения им небольшой собственной электоральной ниши.

Выводы

Выборы-2 генерального примара столицы как и выборы-1 не увенчались успехом вследствие низкой явки кишиневских избирателей. Это было не случайно, обусловлено действием различных причин.

Основная проблема выборов: будет ли завершен электоральный сериал, будет ли он прерван решением властей, осознавших нереальность повышения явочной активности людей или выборы генерального примара будут проводиться до победы, - в конечном счете получила адекватное и верное решение. Власть пошла навстречу столичному избирателю, внесла изменения в «правила игры», поставила точку в дорогом и наскучившем всем электоральном проекте «Выборы-2005 генерального примара Кишинэу».

Библиография

Alegeri 2005. / Coord. S.Buşcaneanu. – Chişinău, Gunivas, 2005

Боцан И. Факторы, которые могут повлиять на исход новых выборов, 6 июля 2005. (http://www.alegeri2005.md/ru/chisinau/comments/20050706/)

Боцан И. Новые муниципальные выборы, 26 сентября 2005. (http://www.alegeri2005.md/ru/chisinau/comments/20050926/)

Боцан И. Избирательный полигон, 9 ноября 2005 (http://www.alegeri2005.md/ru/chisinau/comments/20051109/)

Колацки А. До осени Кишинев остается без избранного генерального примара. // ИА "Новости - Молдова", 2006, 25 июля. (http:// news-moldova.ru/news.html?nws_id=429191)

Мошняга В., Руснак Г., Цуркан В. Выборы (2005) генерального примара столицы Республики Молдова: специфика, стратегии, результаты. // moldoscopie (Probleme de analiză politică), Nr.4 (XXXI), 2005. – Chişinău, USM, 2005, p.76-105.
Peru A. Unele particularităţi de imagine-poziţionare în Electorala „Chişinău-2005”. Chişinăul electoral: unul pentru toţi şi toţi pentru unu! // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), Nr.2 (XXXIII), 2006. – Chişinău, USM, 2006, p.86-96

Представлена в редакцию
20 декабря 2005 года

UNELE PARTICULARITĂŢI DE IMAGINE-POZIŢIONARE ÎN ELECTORALA „CHIŞINĂU-2005”. CHIŞINĂUL ELECTORAL: UNUL PENTRU TOŢI ŞI TOŢI PENTRU UNU![117]

Aurelia PERU
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova,
Facultatea Relaţii Internaţionale,
Ştiinţe Politice şi Administrative,
Lector, doctor în ştiinţe politice

L’étude ci-présente met en discussion certaines de modélation de l´image des principeaux concurents électoraux dans la campagne électorale municipale. L´auteur parle des tendences de renovation de l´élite politique au niveau national, fénomène qui s´y ai cristalisé. Autre deux aspects de l´électorale: la non-présence des eitoyens aux sufrages (la tendence de diminuation) et la crédibilité émaneé par l´homme du pouvoir – pourquoi?

L’auteur présente la perte de la crédibilité envers certaines institutions eligibles du puvoar comme une des principale cause sur laquelle repose la passivité de l'électorat. Ce comportement a été encore préparé par la communication politique persuassive, qui a eu comme théme centrale le mithe de la coruption qui dominait dans la mairie de Chisinau.

Les performances électorales du vicepresident du Partid Liberal, Dorin Chirtoaca, confirma l'hypothèse selon laquelle l'ancienne élite politique perd

[117] *Recenzent – doctor-habilitat în ştiinţe politice, profesor Constantin MARIN*

son electorat. L'électorat qui se renouvelle compte sur les nouveaux politiciens, les jeunes qui ont été formés senon les lois des valeurs democratiques.

Dans un autre sens, l'auteur arrive à la conclusion que l'électorat accorde une confiance plus éleveé a „l'homme du pouvoir”. Ainsi, les votes accordes dans la première étape des élections a Z.Grecianîi, après les votes accordés à Zgardan dans le dernier scrutin du 11 decembre ont eu les deux presque la même valeur - une différence insignifiante de 2%.

Dans ce sens deux hypothéses prétendent être efficaces:

- l'électorat du 3e âge qui représente le segment fidel de PCRM est plus discipliné;

- en meme temps, pour les nouveaux politiciens ce scrutin n,est que la piste de decollage, qui parleé dans le langage scientifique, ont dépassé juste la phase de „la légitimité” sur l'aréne politique.

Fotoliul primarului general al Chişinăului, abandonat necondiţionat de către liderul Blocului electoral „Moldova noastră” după alegerile parlamentare din martie 2005, Serafim Urechean, pentru a patra oară consecutiv a fost scos la „mezat” electoral. Încercările irelevante de a alege primarul capitalei s-au transformat într-un exerciţiu cronic, simptomatic al democraţiei la nivelul local. Absenteismul chişinăuienilor tinde spre profilarea unui fenomen constant, ci nu unul accidental. Analiştii politici au încercat să identifice factorii care au generat apolitismul alegătorilor din raza urbei, reducându-i, în principal la - (1) timpul nepotrivit de desfăşurare a scrutinului, adică sezonul estival, mai apoi (2) „suprasaturaţia” potenţialilor votanţi de aceste exerciţii democratice (alegerile primarului au urmat trei luni după alegerile parlamentare). Ce a determinat, deci, lipsa de interes pentru iminentul primar al capitalei?

Cercetătorii unui program de anvergură în cadrul Universităţii Yali, SUA[118] o campanie electorală de succes trebuie să parcurgă cinci etape:

- *identificarea;*
- *legitimarea;*
- *participarea;*
- *penetrarea;*
- *distribuirea.*

Conţinutul primelor patru etape este specific strategiilor de marketing electoral. Bunăoară, pentru *identificarea (1)* dorită în conştiinţa publicului, actorii politici folosesc un simbol grafic, un cod cromatic, elaborează slogane

---

[118] *Larson Ch. Persuasiunea: receptare şi responsabilitate. – Iaşi, Polirom, 2003, p.300-320.*

expresive şi convingătoare. *Legitimarea (2)* candidații o obțin, de obicei, câştigând fazele preliminare ale alegerilor. Ea devine astfel o bază a puterii. De asemenea, priceperea, sinceritatea şi charisma – toate aceste elemente accentuează procesul de legitimare a candidatului. *Participarea (3)* se îmbină armonios cu etapa legitimității, ea presupunând introducerea în campanie a susținătorilor. Există în acest sens mai multe tehnici, cum ar fi publicitatea ambulantă, folosirea tricourilor cu numele candidatului sau sloganele acestuia, fulare, alte obiecte promoționale; o tehnică mai veche – implicarea susținătorilor în agitația politică, desfăşurată în diferite sectoare electorale. *Penetrarea* (4) poate fi concepută ca o fază în care persoana a avut succes pe piața electorală. Indicatori ai popularității pot fi înmulțirea susținătorilor (inclusiv a celor financiari), sondajele preventive, numărul impresionant de participanţi la mitingurile sau întâlnirile de alt gen ale candidatului cu alegătorii. Ultima fază, însă, în contextul politic autohton poartă mai mult un caracter subiectiv, de morală.

Ce presupune ea? *Distribuirea* (5) începe după ce candidatul a reuşit să se instituționalizeze. Obținând votul de promovare în ierarhia piramidei politice, liderii trebuie să se ridice la înălțimea promisiunilor făcute în timpul campaniei electorale. Prin urmare, soseşte momentul de „împărțire a câştigurilor" obținute în campanie. Fie că este vorba de anumite funcții, fie că este vorba de onorarea promisiunilor făcute votanților săi – majorarea pensiilor, indemnizațiilor, revizuirea politici sociale, diminuarea unor plăți etc. Iată aici, după cum afirmă Ch.Larson politicienii se transformă în escroci.[119]

Această arhitectură de management electoral ne permite să confirmăm ipoteza, conform căreia alegătorii nu mai cred în cei aleşi, chişinăuienii şi-au pierdut încrederea în instituția electivă municipală, asupra căreia planează miturile Corupției.

Să încercăm în cele ce urmează să analizăm unele tendințe, deloc întâmplătoare, cristalizate în competiția pentru fotoliul nr.I al capitalei. Pentru aceasta vom reproduce organigrama alegerilor repetate din noiembrie-decembrie 2005[120]:

Tabelul 1. Organigrama alegerilor repetate din 27 noiembrie 2005

Rata de participare – 22,4%		
nr	***Concurenți***	***%***
1	Chirtoacă D.	25,14
2	Crîlov V.	6,38

[119] *Ibid, p.322*
[120] *vezi www.adept.md, accesat la 21 ianuarie 2006*

3	Muşuc E.	4,69
4	Sima Gh.	1,19
5	Ursu V.	46,6
6	Nicolenco O.	1,78
7	Cernei O.	3,89
8	Rusu M.	10,26

Scrutinul autumnal a fost animat de 8 concurenţi electorali. Faptul că cele două partide parlamentare cu tradiţii deja în viaţa politică autohtonă şi cu o disciplină rigidă de vot – PPCD şi PCRM - nu şi-au lansat candidaţii lor în cursa pentru funcţia de primar general al Chişinăului, nu a generat, în nici un fel, un plictis în faza preelectorală, aşa cum c-au făcut auzite unele voci ale observatorilor politici. Dimpotrivă, verva electorală autumnală a devansat-o prin intrigi şi intensitate pe cea din vara trecută.

Aşadar, ce nou a scos în evidenţă acest concurs electoral? În primul rând, este pentru prima dată după 15 ani de independenţă a republicii, când se conturează distinct două aripi ale elitei politice moldoveneşti – una veche, nomenclaturistă, pe de o parte, şi elita tânără, pe de altă parte, reprezentată de E.Muşuc, D.Chirtoacă, O.Cernei. Problema elitelor politice din noua Europă de Est fiind una de actualitate incontestabilă. O abordare relevantă în acest sens ne oferă şi Ahg în lucrarea *„Policies of Central Europe”*[121], referindu-se la aşa-numitele „noi elite profesioniste”, care au apărut alături de „vechea nomenclatură” sau „politicienii cu viziune istorică”. În acest sens actorii susevocaţi au toate şansele să pună temelia „noii elite politice profesionale”.

Anume retorica electorală a acestor trei noi apariţii pe scena politicului moldovenesc, mesajele agresive, critice la adresa puterii, a infrastructurii municipale a şi imprimat o doză considerabilă de intrigă şi interes competiţiei electorale. O prestanţă deosebită în acest context îi revine candidatului din partea Partidului Liberal, D.Chirtoacă – surpriza electoralei Chişinău-2005. Biografia tânărului poliglot liberal, şcolit în maniere occidentale (Bucureşti, Sorbona etc.). fost redactor-şef al îndrăgitei emisiuni „Surprize, surprize”, desigur, ar fi fost mai potrivită pentru un candidat la funcţia de preşedinte al Companiei publice „Teleradio Moldova”. Or, cunoaşterea englezei şi germanei ar fi de puţin folos la schimbarea ţevelor înflorite de mucegai din Chişinăul subteran.

Totodată, participarea lui D.Chirtoacă în Electorala Chişinău-2005 (poziţia a doua în ierarhia simpatiilor) poate suscita interesul analiştilor politici din

---

[121] *Apud: Gross P. Mass media şi democraţia în ţările Europei de Est. - Iaşi, Polirom, 2004, p.70*

mai multe considerente. Partidul Liberal nu este o formaţiune politică bine cunoscută în mediul electoral moldovenesc. În acest sens, apare liderul capabil să înviorezе imaginea unui partid fără de tradiţii şi cu un segment suav simpatizanţi. Lipsa de experienţă în domeniu - uneori şi tinereţea este o povară – au diminuat din start şansele perseverentului liberal de a ocupa fotoliul eliberat de S.Urechean. Or, spre deosebire de competiţiile din alegerile parlamentare, unde valoare devine spiritul naţional, patriotismul, protejarea celor vulnerabili la inechitatea socială, în alegerile locale cel mai solicitat model este imaginea *liderului-gospodar*. (De asemenea, oferta acestui gen de scrutin mai poate conţine imaginea *liderului-luptător* şi imaginea *„omului puterii”*[122]). În schimb, graţie intelectului, energiei sale debordante, apar premise reale pentru eventuala participare – nu lipsită de şanse – a Partidului Liberal în alegerile parlamentare din primăvara lui 2009. Un alt moment intrigant: după controversatul vot pro-prezidenţial din 4 aprilie 2005, s-au produc unele oscilaţii sesizabile pe eşichierul politic moldovenesc.

Opoziţia creştin-democrată nu mai poate fi catalogată ca fiind opoziţia extremei de dreapta, ea transformându-se într-o opoziţie „constructivă”, conceliantă, „maturizată”. Imaginea de haiduc în statul - spectacol moldovenesc, barba şi căciula din blană de miel „aburcată” pe un vârf de copac nu-l mai favorizează ca altă dată pe liderul PPCD – Iurie Roşca. În politică, ca şi în sport, soseşte o vârstă, când sau părăseşti scena sau schimbi rolul. În consecinţă, a devenit vacant locul lui Iurie Roşca, aşa cum a fost în tinereţea sa politică – holerica mesajelor dure la adresa puterii, intoleranţa, încrederea exagerată în forţele proprii, aroganţa.

Aceasta nu înseamnă nici de cum că Chirtoacă este o clonă politică a preşedintelui PPCD. Mediul politic conturat favorizează, pur şi simplu, poziţionarea vice-preşedintelui Partidului Liberal pe locul abandonat de către preşedintele PPCD.

Ţinta principală a discursurilor critice lansate în campanie a fost primarul interimar al capitelei, cel care a avut imaginea „omului puterii” – Vasile Ursu. Asemeni retoricii electorale anti-comuniste abordate de liberali, şi social - democratul E.Muşuc, şi reprezentantul ecologiştilor, O.Cernei, au atacat prin acelaşi limbaj dur şi agresiv primarul interimar al capitalei, candidatul susţinut, de fapt, de partidul de guvernământ, de preşedintele V.Vorinin. Adevărat, câteva luni de toamnă l-au maturizat şi politic pe candidatul social-democraţilor, chiar dacă şansele lui E.Muşuc rămâneau la fel de ireale şi greu de evaluat. Imaginea copilului „de bani de-a gata” în politică reprezintă un im-

[122] *Максимов А.А. Война по правилам и без. - Москва, «Дело», 2003, с.47,50*

pediment serios în cariera pe care şi-o vrea cu tot dinadinsul tânărul social-democrat.

Cazul Muşuc, însă, rămâne cu totul specific, pentru că aminteşte mai mult un model de vendetă de familie supărată pe autoritățile, care i-au „înghițit" bussines-ul de familie – Megadat-ul. Probabil, instinctul răzbunării a stimulat comportamentul intolerant, agresiv uneori, al candidatului din partea Partidului Social-Democrat. Atât Partidul Social-Democrat, cât şi Partidul Liberal tind să reprezinte din toamnă-iarna anului 2005 formațiunile politice cu potențial avertizan în cadrul sistemului partidist din Moldova, dar, în special, la adresa norocoaselor partide, lipsite de scrupule, care au păşit pragul electoral datorită „spatelui lat" al ex-primarului de Chişinău, Serafim Urechean. Astfel, comportamentul unor lideri politici din actualul legislativ aminteşte de frumoasa fabulă „Musca la arat". Politica şi morala, însă, nu reprezintă un subiect străin ştiinței politice.

Mitul despre „ciclonul de aer corupt" ce domină în incinta primăriei municipiului Chişinău, desigur, a constituit vârful de lance în această campanie, în special, cea a aripei de politicieni „în formare". Informația din abundență, îndrăzneala cu care l-a asaltat de fiecare dată în timpul dezbaterilor televizate „verdele" Oleg Cernei pe Vasile Ursu a stimulat interesul şi simpatia, deopotrivă, a multor alegători, creându-i un discomfort maximal celui din urmă. În piramida aripei tinere de aspiranți la fotoliul nr.1 al Chişinăului experiența în domeniul, precum şi mandatul de consilier municipal l-a repliat pe candidatul verzilor într-o lumină comparativ mai favorabilă decât a altor concurenți.

Mai mult, Cernei şi-a etalat în ochii electoratului chişinăuian unele secvențe din biografia sa cu profundă tentă politică. Acesta fiind unul dintre animatorii mişcării studenţeşti de la finele anului 1996. Grevele studențeşti, sub egida ex-concurentului electoral din vara trecută pentru funcția de primar general al capitalei, Iulina Gorea-Costin din acea perioadă fiind un pre-aviz al prezidențialelor din acelaşi an. Faptul vine să confirme o dată în plus ipoteza, că bătălia pentru Chişinău se poartă nu doar sub lozinca *„să gospodărim*!", ci şi *„să luptăm pentru dreptate*!". Modelul *liderului-luptător* este cel pe care vrea să-l „materializeze" O.Cernei.

În altă ordine de idei, vom remarca, că, începând cu 2003, în timpul fiecărui asalt electoral al Chişinăului, preşedintele Voronin intervine distinct în lupta electorală. Relevantă în acest context este binecunoscuta afirmație preelectorală - „Oraşul are nevoie de un adevărat gospodar şi nu de un boier, care să împartă pomeni pe la sărbători..." - lansată la adresa lui S.Urechean în campania din 2003. Totodată, autoritatea politică rămâne un criteriu constant în bătălia electorală.

În 2003 preşedintele convingea locuitorii urbei că Zgardan, care aduce focul sacru de la Ierusalim în ajunul sfintelor Sărbători de Paşti, este „gospodar" şi Urechean este „boierul", care simulează simpatia pentru oamenii de rând. În 2005 Urechean rămâne „acelaşi", un „alt" Vasile este gospodar. Într-adevăr, pe fundalul celorlalți 7 concurenți, „care vor", Ursu era „omul care poate". Mai mult, în virtutea unor circumstanțe – suspendarea vânzărilor stradale la tarabe, negocierea conflictului cu proprietarii de microbuze din capitală, construcția şi reparația locuințelor avariate din sectorul Poşta Veche în urma calamităților naturale din toamna aceasta, pregătirea câtorva cartiere din diferite sectoare ale capitalei către Hramul oraşului - toate aceste evenimente l-au adus în prim-plan, nu fără de sprijinul puterii centrale, pe primarul interimar al Chişinăului ca pe un „adevărat gospodar". Prin urmare, rezultatul de 46,6% din sufragii era unul aşteptat.

Unicul lucru care putea să deruteze predispoziția de vot a electoratului a fost controversata apartenență politică a lui Vasile Ursu. În alegerile parlamentare din martie 2005 acesta a fost una din persoanele de încredere ale Blocului Electoral Moldova Democrată. În alegerile locale din toamna aceasta Vasile Ursu a devenit subiectul „cu miză" a partidului puterii. Preşedintele republicii nu a ratat nici o apariție televizată pentru a face un *transfer pozitiv de imagine*[123] succesorului lui Urechean, unul compatibil cu puterea centrală.

Cu ocazia acestor competiții electorale, opoziția democratică a lansat numeroase mesaje cririce la adresa Partidul Comuniştilor, pentru faptul că, timpul de la urmă, „iese pe piața politică cu candidați „împrumutați", adică nu dintre cei selectați din rezervele de aur ale partidului (simptomatic în acest sens este cazul lui Marian Lupu, Zinaida Greceanîi şi, în sfârşit, Vasile Ursu). Între timp ce opoziția cere /?!/ reformarea partidului de guvernământ, partidul cu 56 de mandate în legislativ, 5 ani deja consecutiv cu statut de fracțiune majoritară îşi înnoieşte sângele ca veritabilii exponenți ai elitei politice – cooptează „de jos în sus" pentru supraviețuirea lor politică. Cu alte cuvinte, între timp ce elita guvernatoare promovează lideri, contra-elita se trădează, se dispersează şi-şi decepționează simpatizanții.

În consecință, ceea ce a mai rămas din energicul Bloc Electoral „Moldova Democrată" - Alianța „Moldova Noastră", liderul acesteia, Serafim Urechean – li-l propune chişinăuienilor - ca pe un continuator demn al lucrurilor bune începute de *primarul anti-comunist*, pe capul de listă al Partidului Național Liberal (PNL) din alegerile parlamentare din 2001, liberalul Mircea Rusu. Campania de imagine a acestuia, însă, va fi demolată din start de către

---

[123] *Peru A. Complexitatea fenomenului imaginii politice: elemente componente şi strategii de elaborare. // Comunicare publică: concepte şi interpretări. - Chişinău, USM, 2005, p.174-191.*

preşedintele Voronin, care declara în cadrul emisiunii „Viața publică" la Moldova1 în ultima săptămână electoral, că „în perioada în care M.Rusu a deținut funcția de director general al întreprinderii „Hidromaş", din aceasta „nu a rămas nici un şurubaş".

M.Rusu obişnuit deja să piardă în competițiile electorale (în alegerile parlamentare din 2001 PNL a obținut doar 2,81%), şi-a căpătat imunitatea antişoc electoral. Emoții mai mari în această competiție a trebuit să aibă fostul edil al capitalei. Or, în 27 noiembrie 2005 M.Rusu a fost „testul" lui Urechean pentru armata simpatizanților acestuia din urmă – cât de numerică o fi rămas după campania mediatică „Urechean – delapidator de fonduri". Prin urmare, prezența lui Rusu în buletinele de vot a fost riscul lui Urechean şi aventura lui Rusu. Poziția a treia după rezultatele scrutinului din noiembrie – reprezintă, de fapt, votul pro-Urechean şi dacă nu a fost unul majoritar, atunci a fost unul de consolare.

Să urmărim în continuare evoluția competiției electorale în 11 decembrie 2005.

Tabelul 2. Organigrama alegerilor repetate din 11 decembrie 2005.

Rata de participare – 22,62%		
Nr	***Concurenți***	***%***
1	Chirtoacă D.	35,62
2	Crîlov V.	6,92
3	Sima Gh.	1,04
4	Ursu V.	52,91
5	Cernei O.	3,51

Vom evidenția trei momente relevante ale competiției:

1. Evoluția ratei de participare;
2. Evoluția candidatului puterii;
3. Evoluția candidatului-surpriză - D.Chirtoacă.

1. Evoluția ratei de participare.

Tabelul 3. Tendința participării electoratului municipiului Chişinău la alegeri:

Data	*Participarea electoratului (%)*
10 iulie 2005	27,00
24 iulie 2005	19,80
27 noiembrie 2005	22,40
11 decembrie 2005	22,62

Concluzii: culminantă a fost prima încercare; repetarea scoate în vileag fenomenul absenteismului nu ca pe ceva ocazional, conjunctural, ci ca o tendință periculoasă.

2. Evoluția candidatului puterii;

Tabelul 4. Rezultatele obținute de candidatul puterii la alegerile primarului general.

Data	*Rezultatul (%)*
10 iulie 2005	Greceanîi Z. – 50,18
24 iulie 2005	Greceanîi Z. – 87,70
27 noiembrie 2005	Ursu V. – 46,60
11 decembrie 2005	Ursu V. – 52,91

Concluzii: Lupta devine mai crâncenă în turul doi. Indiferent de candidații nominalizați, predomină simpatia pentru candidatul susținut de partidul de guvernământ. Marja de susținere nu diferă mult 2%; (în 24 iulie au participat doar doi concurenți şi rezultatul este mai puțin relevant pentru un studiu sociologic-politic). Totodată, un factor stabil şi incontestabil este că, electoratul de vârsta a treia rămâne a fi deocamdată cel mai disciplinat segment de votanți.

3. Evoluția candidatului-surpriză - D.Chirtoacă.

Tabelul 5. Rezultatele obținute de D.Chirtoacă la alegerile primarului general.

Data	*Rezultatul (%)*
10 iulie 2005	7,13
24 iulie 2005	nu participă
27 noiembrie 2005	25,14
11 decembrie 2005	35,62

***Concluzii**:* Susținerea electorală sporeşte în turul doi. Se face distincție clară între candidatul puterii şi candidatul opoziției. Fapt ce ne permite că susținem ipoteza de marketing electoral, că participarea mai multor candidați

care ar reprezenta interesele aceluiaşi segment electoral duce la sporirea şanselor candidatului-rival.

În 11 decembrie electoratul lui D. Chirtoacă depăşea de aproximativ 5 ori votanții săi în debutul electoral din 10 iulie. Fenomenul scoate în vileag, în primul rând, faptul că electoratul s-a „plictisit” de reprezentanții elitei politice „îmbătrânite”, care a devenit şi nemodernă, provincială pe fundalul transformărilor democratice dinamice din spațiul Europei de Est, iar pe de altă parte – interesul electoratului pentru o apariție nouă, o” mostră” nouă pe piața politică autohtonă. Acest interes nu a fost unul accidental, ci evoluționist. Fenomenul poate fi generalizat la nivel național.

Bibliografie:

Gross P. Mass media şi democrația în țările Europei de Est. - Iaşi, Polirom, 2004.

Larson Ch. Persuasiunea: receptare şi responsabilitate. - Iaşi, Polirom, 2003.

Максимов А.А. Война по правилам и без. - Москва, «Дело», 2003.

Мошняга В., Руснак Г., Цуркан В. Выборы (2005) генерального примара столицы Республики Молдова: специфика, стратегии, результаты. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), nr.4 (XXXI), Chişinău, USM, 2005.

Peru A. Complexitatea fenomenului imaginii politice: elemente, componente şi strategii de elaborare. // Comunicare publică: concepte şi interpretări. - Chişinău, USM, 2005, p.174-191

www.adept.md, accesat la 21 ianuarie 2006

Prezentat la redacție
la 24 ianuarie 2006

CAMPANIA ELECTORALĂ PENTRU ALEGERILE PARLAMENTARE DIN 2005 ÎN REPUBLICA MOLDOVA[124]

Constantin SOLOMON
Republica Moldova, Chişinău,
Universitatea de Stat din Moldova,
Facultatea Istorie şi Psihologie,
Catedra Istoria Românilor şi Antropologie
Doctor habilitat în ştiinţe politice,
Profesor, decan

The article analyses the Parliamentary elections in the Republic of Moldova of the 6th of March 2005. The author underlines the fact that, being that the Parliamentary elections were based on proportional electoral system (one country, one electoral division), political formations and independent candidates were aligned in the same ballot, the citizens having the right for one option. The major subjects of the 2005 Poll were such as: Moldovan state priorities of foreign policy, social security, fight against corruption and organised crime, Transnistrian crisis resolution.

A special attention is paid to the specific features of the named campaign, such as: citizens' apathy pointed out by the power forces, as well as the international observers; more active and coordinated presence of civil society through the 2005 Coalition; the organisation for the first time of an exit-poll during the election day. The author points out on the determinants that influenced the electoral campaign and underlines the role of mass media played in it. The causes of the defeat of parties having democratic orientation are also distinguished.

The well-argued conclusion is that, despite some allegations and expectations, the Parliamentary elections held on the 6th of March 2005 in the Republic of Moldova had not become catalyst for the "orange revolution". After the Parliamentary elections the chance for democratization of the Republic of Moldova has evidently enhanced.

La finele anului 2004, la scurt timp după schimbările de guvern şi preşedinte din Ucraina şi România Republica Moldova a intrat şi ea în febra electorală. Presa internaţională prognoza o continuare a „revoluţiei oranj" la Chi-

---

[124] Recenzent – doctor-habilitat în ştiinţe politice, profesor Victor SACA.

şinău, în timp ce majoritatea liderilor din opoziție își prezentau formațiunea ca principala forță politică capabilă să realizeze cerințele electoratului.

Campania electorală s-a început oficial când Parlamentul decide la 24 decembrie 2004 că alegerile parlamentare vor avea loc la 6 martie 2005.[125]

Stabilirea datei alegerilor face ca încă din primele zile ale anului 2005 opoziția să intre în conflict cu puterea. Partidul Popular Creştin-Democrat (PPCD) consideră că timpul rămas până la alegeri, precum şi anunțarea acestei date în timpul sărbătorilor de iarnă, sunt o tentativă a Partidului Comuniştilor din Republica Moldova (PCRM) de a influența rezultatele scrutinului parlamentar chiar de la începutul campaniei. Creştin-Democrații denunță această decizie la Curtea Constituțională. Partidul Social-Democrat din Moldova (PSDM) sesizează pentru acelaşi motiv Curtea Constituțională şi cere chiar constituirea unei alte Comisii Electorale Centrale (CEC), considerând că componența acesteia este compromisă politic. Sesizările menționate au fost respinse ulterior de Curtea Constituțională. Data alegerilor nu a fost modificată.

În prima etapă a desfăşurării campaniei electorale pentru alegerile parlamentare din 6 martie 2005 Comisia Electorală Centrală a înregistrat mai mulți concurenți electorali.

Primul partid înregistrat oficial în cursa pentru organul legislativ al țării a fost Partidul Comuniştilor din Republica Moldova, care a ajuns la putere în 2001, având o platformă care prevedea o apropiere de Federația Rusă şi de Comunitatea Statelor Independente (CSI) şi condamna exploatarea statelor sărace de către cele occidentale. Ulterior Partidul Comuniştilor îşi schimbă radical orientarea relațiilor externe, îşi declară dorința de aderare la Uniunea Europeană (UE) şi acuză Rusia de menținerea conflictului transnistrean.

Schimbarea direcției de la Chişinău a generat o răcire fără precedent a relațiilor cu Federația Rusă şi a făcut ca Preşedintele țării Vladimir Voronin să fie considerat de mediile internaționale drept un lider reformator şi proeuropean.

Alt concurent major în campania electorală se remarcă Partidul Popular Creştin-Democrat. Încă de la începutul campaniei acest partid s-a axat pe asocierea cu forțele reformatoare din spațiul CSI, respectiv cu Victor Iuşcenko şi Mihail Saakaşvili. PPCD a adoptat culoarea portocalie ca simbol electoral. Liderul partidului Iurie Roşca intră în campanie cu un mesaj anticomunist şi proeuropean.

În concurență strânsă cu PCRM se înscrie în cursa electorală Blocul electoral „Moldova Democrată" (BMD), creat cu scopul declarat de a reuni partidele din opoziție pentru a debarca de la putere Partidul Comuniştilor. La crea-

---

[125] *Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2004, nr.241, p.5.*

rea Blocului electoral „Moldova Democrată" au coalizat Alianța „Moldova Noastră", Partidul Democrat şi Partidul Social-Liberal şi crea impresia „de unitate" în ochii publicului electoral. Liderul acestei formațiuni Serafim Urechean câştigase deja în alegerile locale funcția de primar al capitalei şi era văzut de mare parte din presa independentă ca o alternativă reală a liderului comuniştilor V.Voronin. Blocul „Moldova Democrată" îşi declară încă de la creare orientarea proeuropeană, dar critică răcirea relațiilor cu Rusia.

Comisia Electorală centrală a mai înregistrat următorii concurenți electorali:

- Partidul Social-Democrat din Moldova;
- Blocul electoral „Patria-Родина";
- Mişcarea social politică Republicană „Равноправие";
- Uniunea Centristă din Moldova;
- Partidul Uniunea Muncii „Patria-Родина";
- Partidul Țărănesc Creştin-Democrat din Moldova;
- Partidul Dreptății Social-Economice din Moldova.

La scrutinul parlamentar au participat 23 de concurenți electorali, inclusiv 2 blocuri electorale, 9 partide sau mişcări social-politice şi 12 candidați independenți.[126] Dat fiind faptul că alegerile parlamentare s-au desfăşurat în baza sistemului electoral proporțional deplin (o țară, o circumscripție electorală), formațiunile politice şi candidații independenți au fost introduşi în acelaşi buletin de vot, cetățenii având dreptul la o singură opțiune.

Temele majore ale Electoralei 2005 au fost următoarele: prioritățile politicii externe ale statului moldovenesc, securitatea socială, lupta împotriva corupției şi crimei organizate, soluționarea crizei transnistrene.[127]

Unul din momentele care a determinat cursul campaniei electorale a fost adoptarea de către Consiliul Coordonator al Audiovizualului a Concepției reflectării campaniei electorale pentru alegerile parlamentare de către instituțiile audiovizualului din Republica Moldova.[128] Consiliul Coordonator al Audiovizualului interzicea posturilor publice şi private să acorde un timp mai mare de 120 minute săptămânal pentru dezbateri electorale. Hotărârea Consiliului Coordonator al Audiovizualului a fost schimbată abia la finele lunii februarie la solicitarea observatorilor internaționali. La 23 februarie 2005 aceeaşi insti-

---

[126] *Electorala 2005. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. Comisia Electorală Centrală. – Chişinău, 2005, p.56-57.*

[127] *Peru A. Tendințe şi strategii de imagine în Electorala 2005. (Cazul Republicii Moldova). // MOLDOSCOPIE. (Probleme de analiză politică) Nr.2 (XXIX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.44.*

[128] *Electorala 2005. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. Comisia Electorală Centrală. – Chişinău, 2005, p.73-80.*

tuție emite o hotărâre prin care posturile publice de radio şi televiziune sunt obligate să transmită câte 90 de minute de dezbateri electorale pe zi. Reglementarea târzie a generat o reflectare slabă a campaniei electorale. În campania electorală alegătorii din Republica Moldova au intrat în mare parte slab informați şi neinstruiți, după cum au constatat atât funcționarii electorali, cât şi observatorii societății civile.[129]

Dincolo de lipsa educației electorale a alegătorilor principalele observații legate de corectitudinea campaniei electorale au fost față de imparțialitatea mass-media şi de respectarea Codului electoral. Partidul Social-Democrat din Moldova critica refuzul PRO TV Chişinău, ORT Moldova de a difuza publicitate electorală.

În rapoartele de monitorizare a mass-media întreg compartimentul Companiei „Teleradio Moldova" în campanie a fost catalogat ca fiind afiliat politic.

Un caz special a fost semnalat spre sfârşitul campaniei. Un material intitulat „Opriți extremismul!", în care Iu.Roşca era comparat cu Ussama Ben Laden a fost difuzat la postul de televiziune Moldova 1 în timpii de antenă gratuiți oferiți candidaților independenți: Tudor Tataru, Silvia Kirilov. Alexandru Buşmachiu şi Ştefan Matei. CEC nu a considerat materialul respectiv denigrator, deoarece, în opinia acestei instituții, materialul conținea doar referințe la fapte.[130]

O altă caracteristică a campaniei electorale a fost apatia, constatată atât de putere, cât şi de observatorii internaționali. La aproape o lună de la începerea campaniei electorale publicitatea electorală a fost foarte puțină chiar şi în Chişinău. Puterea a justificat această apatie prin lipsa de interes a opoziției şi speranța unor concurenți de a organiza manifestări de stradă după alegeri. Opoziția, la rândul său, a justificat lipsa unei campanii active prin presiunile exercitate de organele de stat. Observatorii internaționali au constatat atât presiuni din partea statului şi a cadrului legal, cât şi o lipsă de interes din partea mass-media şi a concurenților electorali.

CEC a desfăşurat o amplă activitate pentru instruirea funcționarilor electorali. Au avut loc o serie de seminare de instruire la nivel raional la care au fost invitați şi reprezentanții altor instituții publice menite să asigure buna desfăşurare a procesului electoral.

Participarea studenților la vot a căpătat importanță şi încărcătură politică în perioada preelectorală. Autoritatea electorală de la Chişinău decide la cererea mai multor organizații studențeşti că studenții sunt în drept să voteze în

[129] *Alegerile parlamentare 2005. Emisiunea la postul de televiziune EURO TV din 9 martie 2005. // Arhiva curentă (2005) a postului EURO TV.*
[130] *Ibidem.*

baza certificatului de vot la orice secție de votare, acest certificat urmând să fie luat de la CEC sau de la comisiile electorale din localitățile unde învață. Măsura nu-i mulțumeşte pe studenți, care a doua zi organizează un marş de protest în care se scandează lozinci anticomuniste şi se motivează că până la alegeri cei peste 80 mii de studenți nu vor reuşi să-şi ridice certificatul de vot. Blocul „Moldova Democrată" emite un comunicat în care îşi declară suportul față de protestele studenților. Decizia CEC referitor la data alegerilor nu se va schimba.

Un alt subiect care s-a aflat în atenția CEC a fost votarea cetățenilor domiciliați în regiunea transnistreană. Această instituție a luat o decizie de a cere administrației de la Tiraspol să îndeplinească mai multe condiții minime pentru a permite desfăşurarea alegerilor şi în această regiune. Lista de condiții cuprinde reglementările prevăzute de Codul electoral. Agenția transnistreană „Olvia-Press" care de obicei prezenta punctul de vedere a regimului de la Tiraspol a reacționat la mesajul CEC, afirmând că este vorba despre şiretlicurile Chişinăului, care nu doreşte ca cetățenii Republicii Moldova din Transnistria să participe la votare pe motiv că aceştia ar putea vota masiv împotriva Partidului Comuniştilor. Soluția finală pentru votarea cetățenilor din Transnistria a fost amenajarea a 9 secții de votare în imediata apropiere a frontierei administrative cu regiunea separatistă pe teritoriul administrat de Chişinău.[131]

De menționat că participarea la vot a locuitorilor din Transnistria a căpătat conotație de partizanat politic. Blocul „Moldova Democrată" a cerut insistent dreptul de vot pentru alegătorii din Transnistria, în timp ce PPCD s-a declarat împotriva acestei măsuri, argumentând că administrația lui Igor Smirnov ar putea influența rezultatul alegerilor.

În context, în ziarele proguvernamentale şi cele simpatizante ale creştin-democraților se lansează ideea că Blocul „Moldova Democrată" ar fi finanțat şi direcționat de Moscova în interesul Tiraspolului.

Tot la acest capitol se referă şi organizarea la 19 februarie 2005, la Moscova, a primului congres a moldovenilor aflați la muncă peste hotare în cadrul căruia s-a constituit Mişcarea „Patria-Moldova". La acest congres au participat vice-preşedintele Blocului electoral „Moldova Democrată" Dumitru Braghiş şi liderul Blocului electoral „Patria-Родина" Boris Muravschi, fapt care a demonstrat pe cine mizează Moscova.[132]

---

[131] *Electorala 2005. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. Comisia Electorală Centrală. – Chişinău, 2005, p.58-60.*

[132] *Cristal O. Impactul factorului rus asupra alegerilor din Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE. (Probleme de analiză politică) Nr.2 (XXIX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.32.*

În acelaşi context, autoritățile au afirmat că au descoperit mai mulți tehnologi ruşi care lucrează pentru Blocul „Moldova Democrată”, Blocul „Patria-Родина” şi Mişcarea Social-Politică Republicană „Равноправие”.

Încercând să utilizeze pârghia alolingvilor din Republica Moldova, Moscova a generat mesaje de genul „PCRM nu a realizat promisiunea dată în 2001, privind acordarea statutului de limbă de stat limbii ruse”, „neinvitarea observatorilor ruşi la alegerile parlamentare din Republica Moldova este un fapt fără precedent” etc.[133]

Blocul „Moldova Democrată” a fost acuzat şi de sprijinirea lui G.Karamalak, un om de afaceri căutat de poliția din Moldova pentru acuzații de crimă organizată.

Partidele din opoziție au continuat pe parcursul campaniei să acuze puterea pentru fraudarea alegerilor, atât prin intimidarea concurenților politici, cât şi prin manipularea presei. La rândul său, partidul de la putere a atras atenția observatorilor naționali şi internaționali asupra faptului că se comit încălcări grave ale normelor democratice care periclitează desfăşurarea unui scrutin liber şi corect. Partidul Comuniştilor a atenționat că ziarele „Săptămîna”, „Jurnal de Chişinău”, „Timpul de dimineață”, „Ziarul de Gardă” şi „Новое время” plasează publicitate electorală a Blocului „Moldova Democrată” şi a Partidului Social-Democrat din Moldova fără mențiunea „Achitat din fondul electoral”.

De remarcat faptul că este pentru prima dată în contextul politic autohton, când electoratul s-a lovit de aşa-numitul *fenomen al ofertei unice*. În astfel de cazuri este identificată şi promovată o temă unică, majoră a campaniei. Tema majoră a Electoralei-2005 a fost năzuința de aderare a Moldovei la Uniunea Europeană. Ea a fost expusă ca obiectiv strategic al politicii externe promovate de principalii concurenți electorali: PCRM, PPCD, BMD.[134]

Pentru prima dată alegerile parlamentare s-au dovedit a fi o adevărată demonstrație a culorilor şi, în primul rând, „a îmbrăcămintei de firmă”, haine pe care şi le îmbrăcau atât liderii, cât şi membrii de rând ai partidelor şi ai formațiunilor politice. În acest context menționăm în special PPCD, Blocul „Moldova Democrată”, PSDM.

Astfel, Partidul Popular Creştin-Democrat urmând exemplul Ucrainei a folosit, diferite atribute de culoare oranj la îmbrăcăminte. Daca mai inainte la

---

[133] *Preşedintele CEC-ului rusesc confirmă că Federația Rusă nu a primit invitație de a participa la monitorizarea alegerilor parlamentare din Republica Moldova. – Chişinău, 22 februarie 2005. Info-Prim/ocl/.Banda curentă a AP Info-prim.*

[134] *Peru A. Tendințe şi strategii de imagine în Electorala 2005 (Cazul Republicii Moldova). // MOLDOSCOPIE. (Probleme de analiză politică) Nr.2 (XXIX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.48.*

centru-dreapta din „Moldova Democrată” domina culoarea albastră, apoi, sub influența evenimentelor din Ucraina, accentul a fost pus pe culoarea galbenă (cravate, fulare etc). Ce-i drept că culoarea galbenă are o altă asociație, ce o deosebeşte de democrație. Mai târziu, reprezentanții blocului au aflat că culoarea galbenă este un simbol internațional al liberalilor. Social-democrații pe parcursul întregii campanii electorale au defilat îmbrăcați în veste de culoare albă. Comuniştii şi comsomoliştii au îmbrăcat cravate şi fulare roşii[135].

Durata campaniei electorale a suferit şi ea modificări, fiind în jumătate redusă. Dacă mai înainte pentru desfăşurarea campaniei electorale conform legii erau destinate 90 de zile, apoi de data aceasta competiția electorală s-a desfăşurat în doar 45 de zile. În astfel de condiții, priorități obțin cu certitudine, liderii politici bine cunoscuți, iar cei aflați în umbră au mai puține şanse de a învinge.

Specific alegerilor parlamentare 2005 este faptul că pentru prima dată în practica politică moldovenească Blocul electoral „Moldova Democrată” s-a destrămat îndată după alegeri, eveniment în urma căruia au fost scoase în vileag toate partidele care formau acest bloc. După scindarea acestuia, s-au format fracțiuni parlamentare având în componență partide care nu au fost înregistrate, cauză din care nu au participat la alegeri ca concurenți electorali de sine stătători. Astfel, în conformitate cu rezultatele alegerilor urmau să fie create trei fracțiuni parlamentare, în realitate însă au fost create patru fracțiuni şi o grupă a candidaților independenți.

Alegerile parlamentare au demonstrat că problema transformării sistemului politic moldovenesc în unul democratic nu a dispărut de pe ordinea de zi. Comuniştii nu au reuşit să obțină numărul necesar de mandate, pentru a putea rezolva singuri întrebările cele mai actuale (alegerea preşedintelui, schimbarea Constituției şi altele). În acelaşi timp, nici opoziția nu a reuşit să influențeze real asupra deciziilor luate de comunişti.[136]

Spre deosebire de campaniile precedente, în scena politică se remarcă mult mai activ şi mai coordonat societatea civilă prin Coaliția 2005, care întrunea un grup de 152 de ONG-uri din Republica Moldova.[137] Coaliția 2005 a fost înființată la mijlocul anului 2004 şi a beneficiat de sprijin financiar internațional al organizațiilor şi fundațiilor din statele occidentale, iar rapoartele acesteia au fost trimise organizațiilor internaționale.

---

[135] *Мошняга В., Тэнасэ Р., Руснак Г. Парламентские (2005) выборы в Республике Молдова: специфика стратегии, результаты. // MOLDOSCOPIE. (Probleme de analiza politică.nr.3 (XXX). – Chişinău: CE USM,2005, c.67.*

[136] *Ibidem, c.78.*

[137] *Boțan I. Faza finală a campaniei electorale. // Alegeri 2005. ADEPT. - Chişinău, 2005, p.134.*

Victor Stepaniuc, secretarul Partidului Comuniştilor din Republica Moldova a adresat o scrisoare deschisă Coaliției 2005, instituțiilor internaționale acreditate în Republica Moldova şi opiniei publice. În scrisoare se afirma că monitorizarea Coaliției 2005 este partiinică şi că fondurile internaționale sunt, de fapt, folosite pentru susținerea Blocului „Moldova Democrată" şi a intereselor separatiştilor transnistreni.

Ulterior Coaliția 2005 a dezmințit acuzațiile aduse de partidul de la guvernare, iar țările finanțatoare au reacționat prompt într-un comunicat comun şi şi-au exprimat deplin încrederea în monitorizările Coaliției 2005.

Campania electorală a fost influențată şi de ceea ce unii analişti au numit campania electorală internațională a Preşedintelui V.Voronin. În ianuarie 2005 Traian Băsescu soseşte la Chişinău într-o scurtă vizită, răspunzând unei invitații a Preşedintelui V.Voronin. Pe data de 23 ianuarie 2005 V.Voronin participă la investirea în funcție a noului Preşedinte reformator al Ucrainei V.Iuşcenko. După câteva zile analiştii politici occidentali vorbesc în termeni pozitivi despre politicile promovate de Preşedintele V.Voronin în domeniul integrării europene şi poziția pe care acesta a luat-o față de reglementarea conflictului transnictrean.

Cu câteva zile înainte de alegeri, Preşedintele Georgiei M.Saakaşvili vine la Chişinău şi se întâlneşte cu V.Voronin şi cu Iu.Roşca.[138] Vizita lui M.Saakaşvili a fost interpretată ca un sprijin în campanie pentru V.Voronin.

Campania electorală din 2005 este caracterizată şi de procedee noi de monitorizare. Sub sigla Coaliției 2005 se organizează pentru prima dată în republică numărarea în paralele a voturilor în peste 90 la sută din secțiile de votare.

Tot în premieră se desfăşoară în ziua de 6 martie 2005 un sondaj de opinii la ieşirea din secțiile de votare (de tip „exit-pol"), efectuat de Institutul de Politici Publice (IPP), Asociația pentru Democrație Participativă (ADEPT), Institutul de Marketing şi Sondaje (IMAS Inc.), Centrul de Analize şi Investigații Sociologice, Politologice şi Psihologice (CIVIS), C.B.S. „AXA".[139]

În conformitate cu o metodologie specială 750 de operatori au chestionat cetățenii la ieşirea de la votare. Alegătorii au avut de răspuns la întrebările unui chestionar care a fost depus într-o cutie specială, răspunsurile lor rămânând necunoscute operatorilor. Institutul de Politici Publice mai făcuse public anterior un alt sondaj care indica ca favorit net pe comunişti. Rezultatele ace-

[138] *«Flux", 2005, 4 martie, p.1.*

[139] *Electorala 2005. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. Comisia Electorală Centrală. – Chişinău, 2005, p.41.*

stui sondaj au fost contestate de majoritatea partidelor din opoziție, iar autorii sondajului au fost acuzați de partizanat politic.[140]

În legătură cu aceasta directorul executiv al Institutului de Politici Publice Arcadie Barbăroşie a declarat: „cățeluşii latră. Nu mai oprim noi exit-polul pentru că nu le place cuiva"[141].

În ultimele zile de campanie principalii concurenți devin mai activi şi în stradă. Simpatizanții Blocului „Moldova Democrată" lipesc masiv afişe sau simboluri electorale în capitală.

Ziua alegerilor parlamentare începe calm la Chişinău, deoarece prezența la vot a fost foarte scăzută în prima parte a zilei. Tensiunea creşte când secțiile de votare rezervate cetățenilor din partea transnistreană a republicii se aglomerează. Autocarele puse la dispoziție chiar de administrația de la Tiraspol transportă mii de alegători peste frontiera administrativă care special pentru ziua alegerilor capătă regim liber de trecere. În acelaşi timp televiziunea controlată de regimul de la Tiraspol transmite îndemn către alegători de a vota împotriva comuniştilor şi a PPCD-ului.

Preşedintele țării V.Voronin a venit la votare, dar nu face declarații pentru presă, menționând doar că o să voteze pentru poporul moldovenesc. S. Urechean, liderul Blocului „Moldova Democrată" a făcut declarații presei mai bine de jumătate de oră şi s-a arătat încrezător în victorie, subliniind că pentru bloc vor vota nu mai puțin de 50% din alegători. Liderul PPCD Iu. Roşca a declarat că a votat pentru viitorul țării şi pentru stabilitate.

Procesul de votare monitorizat la cele 1947 de secții de votare de către aproximativ 2200 de observatori locali şi aproape 700 de observatori internaționali s-a desfăşurat fără incidente.

Închiderea urnelor este aşteptată cu nerăbdare de concurenții electorali, deoarece atunci deveneau cunoscute primele rezultate ale sondajului la ieşirea de la urne.

Aceste rezultate apar aproape de miezul nopții ca rezultat final al sondajului la ieşirea de la urne. Devine astfel clar că majoritatea parlamentară va aparține din nou Partidului Comuniştilor din Republica Moldova, dar cu un număr mai mic de deputați decât în Parlamentul trecut.

Au urmat reacții entuziaste ale Blocului „Moldova Democrată", declarații care, de altfel, şi încheie ziua alegerilor. Astfel, S.Urechean declara: „Noi am biruit. Comuniştii nu mai sunt la guvernare. Noi vom avea un control confortabil la formarea guvernului şi, bineînțeles, că vom încerca să negociem cu

[140] *Alegerile parlamentare 2005. Emisiunea la postul de televiziune EURO TV din 9 martie 2005 // Arhiva curentă a postului EURO TV.*
[141] *Ibidem.*

celelalte structuri care vor trece pragul de 6%, numai nu cu comuniştii.[142] În realitate, însă Blocul „Moldova Democrată" a triumfat prea devreme.

Alegerile parlamentare din 6 martie 2005 s-au desfăşurat după o schemă electorală mai complicată. În ianuarie 2002 a fost iarăşi ridicat pragul electoral: pentru un partid, o organizație social-politică – 6%, pentru blocul electoral format din două partide şi/pentru alte organizații social-politice – 9%, pentru blocul electoral format din trei şi mai multe partide şi / sau alte organizații social-politice – 12%.[143]

Candidații independenți urmau să acumuleze cel puțin 3% din numărul de voturi valabil exprimate pentru a obține mandate de deputați. Nouă formațiuni politice înregistrate în calitate de concurenți electorali urmau să obțină cel puțin 6%, Blocul „Patria-Родина" (BPR), format din două partide socialiste – 9%, iar Blocul „Moldova Democrată" (BMD), format din trei formațiuni – 12% din voturile valabil exprimate pentru a fi reprezentat în Parlament.

În conformitate cu rezultatele publicate de Comisia Electorală centrală (CEC), la alegeri au participat 1.576.079 alegători din cei 2.430.537 incluşi în listele de bază şi în cele suplimentare, adică 64,84%. În listele suplimentare au fost incluşi aproximativ 7% din cetățenii cu drept de vot.[144]

În urma alegerilor din 6 martie 2005, din cei 23 de concurenți electorali doar trei – Partidul Comuniştilor din Republica Moldova, Blocul „Moldova Democrată" şi Partidul Popular Creştin Democrat – au depăşit pragul electoral, urmând să fie reprezentați în noul Parlament al Republicii Moldova. Ceilalți 20 de concurenți electorali au acumulat împreună 16,42% din voturile alegătorilor, voturi care au fost distribuite celor trei învingători în mod proporțional, în conformitate cu formula lui Victor d'Hondt.[145]

În cadrul alegerilor parlamentare din 6 martie 2005 partidele de orientare democratică au suferit o mare înfrângere. Cauzele înfrângerii democraților rezidă în neglijarea problemelor de necesitate vitală ale cetățenilor în reformele negândite ce s-au soldat cu eşec.

Conform bilanțului efectuat de CEC lista concurenților electorali cărora li s-a atribuit mandate de deputat în Parlament include: 56 aleşi din partea Partidului Comuniştilor din Republica Moldova, 34 – din partea Blocului elec-

---

[142] *«Timpul de dimineață», 2005, 11 martie, p.5.*

[143] *Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, Nr.20, p.14.*

[144] *Electorala 2005. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. Comisia Electorală Centrală. – Chişinău, 2005, p.116.*

[145] *Boțan I. Rezultatele alegerilor 2005. // Alegeri 2005. ADEPT. – Chişinău, 2005, p.143-144.*

toral „Moldova Democrată" şi 11 – din partea Partidului Popular Creştin Democrat.[146]

Componența Parlamentului Republicii Moldova în urma scrutinului din 6 martie 2005: Partidul Comuniştilor din Republica Moldova – 56 mandate; Blocul „Moldova Democrată" – 34 mandate (26 – Blocul „Moldova Democrată"; 8 – Partidul Democrat); Partidul Popular Creştin Democrat – 11 mandate.

Rezultatele alegerilor publicate de CEC şi confirmate de misiunile internaționale devin astfel certe. Partidul Comuniştilor din Republica Moldova a obținut o majoritate care îi permite încă o guvernare, dar nu au suficiente mandate în Parlament pentru a vota Preşedintele. Partidul Comuniştilor din Republica Moldova caută să găsească în opoziție deputați care să colaboreze, intenție anunțată de V.Voronin, care a menționat: „acest lucru poate să fie rezolvat din motive cetățeneşti, din motive de responsabilitate față de interesele țării."[147]

PPCD convoacă în aceeaşi zi o conferință de presă în care îşi exprimă opțiunea pentru alegeri anticipate. Deşi nemulțumit de corectitudinea campaniei electorale, liderul PPCD Iu.Roşca anunță că nu va organiza proteste în stradă.

Blocul „Moldova Democrată" a organizat o conferință de presă, la care liderul S.Urechean promite alegeri anticipate.

În aşteptarea alegerii Preşedintelui la Chişinău se nasc diferite pronosticuri şi partidele de opoziție se acuză reciproc de negocieri secrete cu Partidul Comuniştilor.

Scindarea prognozată a Blocului „Moldova Democrată" este tradusă în realitate chiar în prima şedință parlamentară de Partidul Democrat din Moldova. Dumitru Diacov, liderul acestui partid, declară că are un mesaj propriu în care şi-a anunțat ieşirea din Blocul „Moldova Democrată", motivând că prin intermediul fracțiunii sale doreşte să promoveze doctrina social-democrată.[148]

Blocul „Moldova Democrată" vede în această scindare o primă manevră orientată spre realegerea lui V.Voronin în funcția de Preşedinte.

După crearea fracțiunii Partidului Democrat (8 deputați), tabloul politic din Parlament se modifică, iar şansele unor alegeri anticipate se reduc substanțial.

---

[146] *«Moldova Suverană», 2005, 15 martie.*

[147] *Alegerile parlamentare 2005. Emisiunea la postul de televiziune EURO TV din 9 martie 2005. // Arhiva curentă (2005) a postului EURO TV.*

[148] *«Jurnal de Chişinău», 2005, 25 martie, p.9.*

La şedinţa din 24 martie 2005, Marian Lupu, fostul ministru al Economiei, deputat pe lista Partidului Comuniştilor din Republica Moldova, a fost ales în funcţia de preşedinte al noului Parlament. Dintre cele patru formaţiuni parlamentare, doar Partidul Popular Creştin-Democrat a blocat alegerile speakerului.[149]

În aceeaşi zi, la iniţiativa preşedintelui Parlamentului, deputaţii au votat „Declaraţia cu privire la parteneriatul politic pentru realizarea obiectivelor integrării europene", în care se menţionează că dezvoltarea de mai departe a Republicii Moldova nu poate fi asigurată decât prin promovarea consecventă şi ireversibilă a cursului strategic spre integrarea europeană, spre soluţionarea paşnică şi democratică a problemei transnistrene, spre asigurarea eficientă a instituţiilor democratice şi a drepturilor minorităţilor naţionale.[150]

Vladimir Socor, cunoscut analist politic occidental a salutat această Declaraţie considerând-o ca cel mai serios document politic.[151]

În pofida unor declaraţii şi aşteptări, alegerile parlamentare desfăşurate la 6 martie 2005 în Republica Moldova nu au devenit catalizatorul „revoluţiei oranj" menite să elimine pata roşie din oceanul portocaliu. După alegerile parlamentare şansa democratizării Republicii Moldova a crescut evident.

Bibliografie

Boţan I. Faza finală a campaniei electorale. // Alegeri 2005. Adept. – Chişinău, 2005.

Cristal O. Impactul factorului rus asupra alegerilor din Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.2(XXIX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.28-34.

Electorala 2005. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. Comisia Electorală Centrală. – Chişinău, 2005.

Fetescu A. CEC a întocmit lista noilor parlamentari. // „Moldova Suverană", 2005, 15 martie.

Hotărâre privind stabilirea datei pentru alegerea Parlamentului. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2004, Nr.241, p.5.

Lege pentru modificarea şi completarea Codului electoral. // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, Nr.2, p.11-15.

Lazul D. Diacov a ales... // „Jurnal de Chişinău", 2005, 25 martie.

Lungu D. Deputaţii au încheiat un parteneriat politic pentru realizarea obiectivelor integrării europene. // „Moldova Suverană", 2005, 15 martie.

[149] *"Moldova Suverană", 2005, 25 martie.*

[150] *Ibidem.*

[151] *"Moldova Suverană", 2005, 29 martie.*

Midrigan P. Partidele politice în procesul electoral (cazul Republicii Moldova). // MOLDOSCOPIE. (Probleme de analiză politică). Nr.3(XXX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.121-135.

Мошняга В., Тэнасэ Р., Руснак Г. Парламентские (2005) выборы в Республике Молдова: специфика, стратегии, результаты. // MOLDOSCOPIE. (Probleme de analiza politică). Nr.3 (XXX). – Chişinău: CE USM, 2005, c.61-120.

Peru A. Tendințe şi strategii de imagine în Electorala 2005 (cazul Republicii Moldova). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.2 (XXIX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.43-52.

Popovici A. Strategii şi tactici ale partidelor din Republica Moldova în campania electorală din 6 martie 2005. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr. 4 (XXXI). – Chişinău: CE USM, 2005, p.126-139.

Socor V. Declarația pentru parteneriatul european este cel mai serios document politic. // „Moldova Suverană”, 2005, 29 martie.

Tănasă R. Televiziunea în campaniile electorale din Republica Moldova: implicațiile politice ale reglementării. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Nr.3 (XXX). – Chişinău: CE USM, 2005, p.136-154.

Țurcanu A. Cum apreciați rezultatele alegerilor din 6 martie şi prestația propriei formațiuni politice? // „Timpul de dimineață”, 2005, 11 martie.

Prezentat la redacție
la 10 februarie 2006

SISTEMUL POLITIC ŞI PARTIDELE POLITICE: PROBLEMELE INTERDEPENDENȚEI[152]

Ruslan TANASĂ
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative,
Catedra Ştiințe Politice şi Administrative
doctor, lector superior

Pavel MIDRIGAN
Republica Moldova, Chişinău
Institutul de Ştiințe Politice şi Relații Internaționale
Catedra Ştiinte Politice si Drept
doctor în ştiințe politice, lector

Political system and political parties are in close relations with each other. The system determines the role and place of parties within its frameworks as well as political parties have a direct influence, both positive (stabilizing) and negative (destabilizing) over the system.

We will use the notion of political system in the meaning conferred by R.Ward and R.Macridis. They define political system as"a mechanism that reveals and puts the problem (in the agenda) as well as elaborates and controls the implementation of decisions in the sphere of state relations".

Relations between the party and political system are reduced to the service provided by the former to the latter, to put it differently, to assure the efficient functioning. In the frameworks of environment, the appearance and existence of the party are an indispensable condition of the existence of a system. Indifferently of the modality of the appearance, the party cannot be conceived outside the organization, without social support. The party is a creation of the environment that aims to penetrate the system for the good of the environment. The parties select, systematize and integrate, unite the interests of the groups of civil societies. "They play the role of filters in society and state, deciding what requirements are allowed to pass through its structures".[153] Other organizations of the environment pursue the goal to assure

---

[152] Recenzent – doctor în ştiințe politice Igor BUCĂTARU

[153] *Hague R., Harrop M., Brelin S. Comparative Government and Politics. An introduction. – London, Macmillan, 1998. p.131.*

the functioning of the environment and only sporadically are applied to politics. Throughout its existence, the party cannot neglect the environment (society). If public opinion, the opinion of those who are represented is not taken into consideration, it can lead to the insolvency of the party, its marginalization and exclusion from the political system.

Sistemul politic şi partidele politice se află într-o interdependenţă strînsă. Atît sistemul determină rolul şi locul partidelor în cadrul său, cît şi partidele politice acţionează intens, atît pozitiv (stabilizator), cît şi negativ (destabilizator) asupra sistemului.

Conceptul de sistem politic intră în vocabularul ştiinţific şi devine obiect de studiu începînd cu anii ‘50-60 ai secolului trecut. Provenind din ştiinţele naturale şi utilizat pentru prima dată în ştiinţele sociale de T.Parsons noţiunea de sistem politic a devenit un concept de bază al categoriilor ştiinţei politice. El posedă un important potenţial euristic, care este valorificat atît în cunoaşterea, explicarea şi prognozarea funcţionării evoluţiei sistemelor politice naţioanele, cît şi reprezintă un criteriu excelent pentru analiza politică comparată.

Orice sistem are trei caracteristici 1) are mai multe componente, 2) părţile componente reprezintă un tot întreg, 3) sistemul are hotare. Politicul, privit dint-un punct de vedere global, este un subsistem al sistemului societăţii, alături de subsistemele economic, social şi cultural. În această ordine de idei, sistemul politic, în baza rolului şi a funcţiilor pe care le exercită, determină celelalte sisteme ale activităţii sociumului.

Vom utiliza noţiunea de sistem politic în sensul conferit de R.Ward şi R.Macridis. Ei definesc sistemul politic ca „mecanism care depistează şi pune problemele (la ordinea de zi – R.T., P.M.), cît şi elaborarează şi controlează realizarea deciziilor în domeniul relaţiilor de stat”.[154]

Primul care a fundamentat noţiunea de sistem politic este considerat a fi D.Easton. El defineşte sistemul politic ca „totalitatea interacţiunilor prin intermediul cărora valorile în mod autoritar sînt aduse în societate.”[155] După D.Easton aceasta este caracteristica esenţială a sistemului politic care îl deosebeşte de celelalte sisteme cu care interacţionează. Conform modelului său, acţiunile mediului asupra sistemului politic se realizează prin intermediul a două intrări – cerinţele şi susţinerea.

Cerinţele reprezintă exigenţele mediului faţă de sistem. Ele se concretizează în nevoile, necesităţile şi interesele care trebuie satisfăcute de către sis-

---

[154] *Cit. după: Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – Москва: МГСУ, 1997, с.301.*

[155] *Истон Д. Политическая система общества. // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.Василик, доц. М.Вершинин. – Москва: Гардарики, 2000, с.323.*

temul politic. Acestea sînt de diferit ordin şi provin din toate sferele societăţii. O problemă devine politică atunci cînd intensitatea sau amploarea ei creşte şi vizează toată societate sau o parte considerabilă a acesteia.

Susţinerea sistemului politic este acceptarea situaţiei de fapt şi a „regulilor de joc" existente. În mare parte o identificăm cu legitimitatea. Susţinerea sistemului, la fel ca şi legitimitatea, este dificil de a o aprecia cantitativ. În nici un caz ea nu se identifică cu încrederea într-un anumit parlament, guvern sau altă instituţie politică. Este acceptarea de către cetăţeni a mecanismului de depistare, de rezolvare a cerinţelor îndreptate sistemului politic şi nicidecum nu se referă la funcţionarea unui component al sistemului. Numaidecît, în analiza susţinerii (legitimităţii) sistemului politic trebuie de ţinut cont de neomogenitatea mediului şi de principiul majorităţii.

Susţinerea sistemului poate lua diverse forme. În primul rînd ea se exprimă prin acţiuni ce direct demonstrează aderenţa cetăţenilor faţă de sistem – participarea la alegeri, la demonstraţii, mitinguri, sărbători, neparticiparea la acte de sabotaj etc. O altă formă s susţinerii este corectitudinea comportamentului cetăţenesc – plătirea impozitelor, satisfacerea serviciului militar etc. A treia formă a susţinerii se manifestă în atitudinea faţă de simbolica de stat – drapel, stemă, imn, valută naţională.

Pentru D.Easton mediul („mediul complet") se compune din două componente – intrasocial şi extrasocial. Primul se referă la acele sisteme care nu sînt politice, cea dea doua la mediul internaţional. Ambele influienţează sistemul politic. Ultima are o importanţă sporită în cazul cînd societăţii i se poate atribui calificativul de „deschisă". În caz contrar, impactul este mai redus, dar nu neglijabil.

Relaţiile dintre sistemul politic şi celelalte sisteme ale societăţii, după D.Easton, sînt de două tipuri – 1) schimburile şi 2) tranzacţiile. El vorbeşte despre schimburi în cazul cînd are în vedere relaţiile reciproce dintre sistem şi mediu. Prin termenul de tranzacţie desemnează o acţiune unidirecţională a mediului asupra sistemului politic, fie cea vivi-versa.

O importanţă deosebită în buna funcţionare a sistemului politic este acordat relaţiei inverse (feedback). Ea include ieşirile din sistemului politic, reacţia membrilor societăţii la acestea, transmiterea informaţiei despre această reacţie puterii şi acţiunile ulterioare ale puterii. Această relaţie permite sistemului să utilizeze experienţa din trecut şi din prezent pentru optimizarea comportamentului, să se perpetuieze şi să preîntîmpine şi să depăşească crizele, să se adapteze mediului.

Modelul sistemului politic propus de D.Easton este criticat pentru faptul că concentrează atenţia asupra interacţiunilor dintre sistemul politic şi celelalte sisteme ale mediului. În abordarea respectivă accentul se pune pe sistemul

politic ca un tot întreg, ne contînd structurile acestuia. Cum se asigură stabilitatea şi şi se reuşeşte depăşirea crizelor („stresului") este întrebarea la care doreşte să răspundă în studiile sale cercetătorul. D.Easton consideră că „teoria trebuie să explice cu ajutorul căror mecanisme sistemul este capabil să supravieţuiască pe perioada unui timp îndelungat şi cum ea depăşeşte stresul care poate apărea în orice timp".[156] Despre structura sistemului politic şi procesele din interiorul acestuia vorbeşte doar în măsura în care se referă la aspectul cercetat. Mulţi politologi în aprecierile modelului sistemului politic al lui D.Easton utilizează noţiunea de „cutie neagră" pentru a desemna nereflecaterea mecanismelor interioare ale sistemului.

Tratarea sistemului politic de către G.Almond reprezintă o altă cercetare fundamentală a fenomenului, finisată cu un model propriu. Ea este realizată în cadrul abordării structural-funcţionaliste. Pentru G.Almond sistemul politic reprezintă „un complex de roluri interdependente sau o structură de roluri."[157] În general, noţiunea de rol este considerat de G.Almond ca componenta principală a sistemului politic. El consideră că recunoaşterea ca unitate a sistemului a rolului este mai eficientă ca operarea cu elementele de tipul „organizaţii", „grupuri", „instituţii". Noţiunea de rol este mai vastă şi permite de a caracteriza mai amplu actorii sistemului politic.

În comparaţie cu modelul lui D.Easton, el introduce careva caracteristici noi ale sistemului politic. Printre acestea se numără cultura politică, comunicarea politică, socializarea politică, depistarea, analizarea şi integrarea intereselor.

G.Almond pune accentul pe funcţionarea sistemului politic. El deosebeşte trei nivele de funcţionare a sistemului politic. Primul este cel al posibilităţilor sistemului. El vorbeşte despre cinci capacităţi fundamentale ale sistemului politic.

Capacitatea extrativă se referă la posibilitatea sistemului de a extrage resursele materiale, umane, simbolice etc. din mediu şi de a le utiliza pentru a atinge anumite scopuri. Capacitatea de a reglementa comportamentul cetăţenilor, a grupurilor, a organizaţiilor, în general al mediului. Capacitatea de repartizare a valorilor materiale şi simbolice în mediu reprezintă cea de a treia capacitate. Capacitatea de reacţionare se reduce la posibilităţile sistemului de a reacţiona la cerinţele mediului, de a le percepe, analiza şi de a răspunde adecvat prin decizii şi acţiuni. Capacitatea simbolică se referă la crearea de către sistem a unor ideologii, mituri, sterotipuri, valor, stări de spirit, simbo-

---

[156] *Истон Д. Политическая система общества, p.330.*

[157] *Cit. după: Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – Москва: МГСУ, 1997, p.305.*

luri şi gestionarea acestora cu scopul creării aderenței mediului față de sistem.

De parametrii acestor capacități depinde funcționalitatea şi eficiența sistemului politic. Aceste capacități diferă de la un sistem la altul. În regimurile totalitare se accentuiiază capacitatea de gestionare, cea de reacționare, din contra este puternic atrofiată. În regimurile democratice, capacitatea de reacționa este una fundamentală. Indiferent de tipul sistemului ultima capacitate cea simbolică este semnificativă. În lipsa unor idealuri sociatatea nu poate exista, nu poate fi asigurată integritatea sa, ne se poate realiza legitimare sistemului.

Cel de-al doile nivel al sistemului politic reflectă procesele din interiorul sistemului sau, aşa numitele, procesele conversive. El scoate în evidență modalitățile de transformare a cerințelor provenite din mediu în reacțiile sistemului. G.Almond abordează acest aspect în conformitate cu şase parametri – 1) procedura de articulare a cerințelor, 2) modalitate de agregare a cerințelor, 3) mecanismul de elaborare a normelor, 4) modalitatea de transpunere a acestor norme în viață, 5) modalitatea de control a realizării normelor şi 6) caracterul interdependențelor dintre toate aceste acțiuni în cadrul sistemului şi în cazul interacțiunii dintre sistem şi mediu.

Cel de-al treilea nivel al funcționării sistemului politic conține eforturile de menținere a modelului sistemului şi adaptarea acestuia la mediu.

O altă abordarea fundamentală a sistemului politic a fost realizată de K.Deutsch. Acest savant a tratat sistemul politic de pe pozițiile ciberneticii. Quinesența concepției lui K.Deutsch se rezumă la patru concepte. Primul este conceptul informației. Ea reprezintă un element de bază în funcționarea sistemului politic, care se reduce, în mare parte la schimbul de mesaje dintre componentele lui. Cel de-al doilea cooncept este cel al retroacțiunii (relația inversă la D.Easton). Sensul retroacțiunii este văzut de K.Deutsch în producerea autocorecției, adică în producerea unei reacții la mesajul emis sau la o stare de fapt obiectivă. Al treilea concept este cel de homeostazie. El este tratat ca „menținerea automatizată a diverselor stări sau funcții".[158] Cel de-al patrulea concept este cel al entropiei. Care caracterizează vacumul de informație din sistem şi se referă la cantitatea de informație neutilizată de sistem.

Diferiți cercetători stabilesc în mod diferit componentele (subsistemele) sistemului politic. În concepția noastră putem vorbi de următoarele structuri ale sistemului politic: instituțională, comunicativă, normativă, funcțională, culturală.

---

[158] *Fisichella D. Ştiința politică. Probleme, concepte, teorii. – Chişinău: USM, 2000, p.91.*

Partidele politice, făcînd parte din susbsistemul instituţional, determină net funcţionarea sistemului politic. Există două puncte de vedere privind rolul şi importanţa partidelor în sistemul politic. Primul, optimist susţine că doar datorită partidelor politice în parlamente se asigură reprezentarea intereselor diferitor grupuri sociale, iar lupta pentru putere se realizează pe principiul concurenţial. Activitatea partidelor politice structurează atît procesul de cucrire a puteriii, cît şi de realizare al ei. Fără partidele politice nu ar fi posibil ca categoriile sărace să fie reprezentate la putere.

Cea de-a doua viziune poate fi caracterizată ca una pesimistă. Cel mai bine ea se exemplifică în expresiile fondatorilor statalităţii americane. D.Waschington considera partidul „cel mai rău duşman al guvernului", T.Gefferson le considera forme ale „degradării libertăţii şi moralei", D.Madison vedea în partide „organizaţii groaznice care trebuie permanent controlate".[159] Astfel de note sînt prezente şi în lucrările clasicilor stasiologiei M.Ostrogorskii, R.Mihels şi M.Weber.

Privind partidele politice prin prisma sistemului politic depistăm cîteva momente importante. Dar înainte de toate este necesar de a face o precizare. Pornind de la faptul că sistemul politic este compus din subsisteme, prima unitate de analiză, în direcţia indicată de noi trebuie să fie analiza relaţiei dintre sitemul politic şi sistemul partidist. Partidele sînt, în cadrul sistemului politic, categorii de gradul doi. În depistarea rolului partidelor politice în cadrul sistemului politic vom reeşi din interpretarea partidului ca o instituţie sau, în conformitate cu G.Almond, un rol. Pentru noi mai puţină importanţă o are sistemul instituţiilor respective şi mai multă această instituţie, indiferent de organizarea, structura, corelaţiile din cadrul lor.

Relaţia dintre sistemul politic şi partidul politic este una bidericţională. Atît sistemul politic influienţează sau determină partidul politic, cît şi partidul sistemul. Relevanţa sistemului politic din perspectiva partidului politic se manifestă atît în conformitate cu clasificare pe orizontală, cît şi pe verticală a sistemului politic.

Apariţia partidului politic ca un actor al sistemului politic se datorează complexităţii evolutive al ultimului. Partidul în sensul contemporan a apărut doar în sistemul politic industrial, iar cel postindustrial impune noi forme de existenţă a partidului. Clasificare pe verticală se impune prin rolul, funcţiile, forma partidelor existente în regimurile totalitare, autoritare şi democratice.

Relaţia dintre partid şi sistemul politic se reduce la deservirea primului de ultimul, sau, prin alte cuvinte, la asigurarea funcţionării eficiente. În cadrul

---

[159] *Orren J. The Changing Styles of American Party Politics // The Future of American Political Parties. The Challenge of Governance. – New Jersey: Englwood Cliffs, 1982, p.4.*

mediului, condiție indispensabilă a existenței oricărui sistem, are loc apariția şi existența partidului. Indiferent de modalitatea de apariție, un partid nu poate fi conceput în afara organizației, fără suportul social. Partidul este o creație a mediului care are drept scop penetrarea sistemului pentru realizarea binelui mediului. Partidele selectează, sistematizează şi integrează, unesc interesele grupurilor societății civile. „Ele joacă rolul de filtre între socium şi stat, hotărînd căror cerințe să permită trecerea prin structurile sale”.[160] Celelalte organizații ale mediului au drept scop asigurarea funcționării mediului şi doar sporadic se implică în politică. Pe tot parcursul existenței sale partidul nu poate neglija mediul (sociatatea). O neluare în considerație a opiniei publice, a opiniei categoriilor pe care le reprezintă duce la falimentarea partidului, la marginalizarea acestuia şi excluderea lui din sistemul politic.

Afirmarea partidului are loc la confluența dintre mediu şi sistem. Pentru a deveni o parte componentă a sistemului politic ele trebuie să demonstreze oficial susținerea mediului, care se realizează prin intermediul alegerilor. Alegerile pot fi privite, din perspectiva noastră, ca o instituție ce este chemată să asigure corectitudinea trecerii actorilor şi cerințelor din mediu în sistemul politic, şi reprezintă un filtru instituționalizat pentru toate tendințele societății.

Partidele politice joacă un rol important în ambele intrări în sistem. În cadrul cerințelor ele sînt purtătorii cei mai eficienți. Indiscutabil cerințele nu intră în sistem exclusiv prin intermediul partidelor politice. Există o multitudine de alte canale de informare, provenite atît din mediu, cît şi din sistem. Mass-media, discuțiile politicenilor cu cetățenii, organizațiile nonguvernamentale, grupurile de presiune şi influiență, mişcările sociale etc. sînt cele care îndeplinesc funcția de comunicare a societății cu politicul. Din partea sistemului politic acestea sînt instituțiile de cercetare şi alte organe sau structuri abilitate cu colectarea, prelucrarea şi analiza informațiilor, orele de primire a demnitarilor sau „mergerea în popor” a acestora. Partidele politice, în cazul în care ele sînt „de sistem” au propriul mecanism de primire continuă a informației din mediu – structura de partid.

O particularitate importantă a intrărilor realizată prin intermediul partidelor politice constă în faptul că ele înseşi exercită puterea de stat şi nu are loc dialoguul dintre reprezentanții mediului şi putere privind cerințele înaintate, ca în cazul sindicatelor, altor grupuri de presiune, mişcărilor. În acest sens partidele se deosebesc şi de grupurile de presiune care îşi realizează activitatea prin intermediul lobbysmului. În mare parte şi de cele mai dese ori lobysmul

---

[160] *Hague R., Harrop M., Brelin S. Comparative Government and Politics. An introduction. – London: Macmillan, 1998, p.131.*

este o activitate, oficială sau nu, dar semiascunsă. Pe cînd cerințele purtătorii cărora sînt partidele au un caracter public şi transparent.

Partidele politice nu doar reprezintă un factor cu o acțiune pozitivă asupra sistemului, ele prin excelență pot fi şi purtători ai tendințelor destructive. Este vorba despre partidele antisistemice, de cele revoluționare sau reacționare. În acest caz, menținerea echilibrului sistemului politic depinde de capacitățile lui de a minimiza activitatea respectivelor partide, de a le reduce susținerea din partea mediului sau de a crea premise pentru integrarea sa în sistem.

În susținerea sistemului politic partidele joacă la fel un rol important. Partidele din mediu, dar şi cele din sistemul politic, dar care nu au acces la guvernare, supun criticilor modalitățile de luare a deciziilor sau / şi deciziile şi acțiunile partidului (-delor) de la putere. Desigur partidul de guvernămînt poate atrage anumete formațiuni de parte sa, însă regula generală este cea menționată. În cazul în care sistemul politic existent nu este în concordanță cu postulatele ideologice ale partidului se pune la îndoilă însăşi principiiile organizării şi funcționării sistemului politic, oportunitatea unei astfel de, utilizînd terminologia marxistă, „suprastructuri".

Controlul mediului (societății) asupra sistemului politic se exertcită prin intermediul opiniei publice. M.Farukshin acordă partidelor politice un rol important în mecanismul interdependenței dintre sistem şi opinia publică şi în funcționarea opiniei publice. El consideră că opinia publică nu poate fi constituită fără aportul partidelor. Aceasta din cauză că partidele sînt cele care mediatizează şi explică politica.[161]

În procesul funcționării sistemului politic partidul (-dele) plasate în cadrul sistemului se impune în cadrul elaborării şi luării deciziilor privind normele sau comportamentul. Pentru aceste partide relația inversă dintre sistem şi mediu joacă un rol important. Ea va determina şi va optimiza comportamentul de viitor al partidului. Feedbakului are importanță şi pentru celelalte partide care pot acumula experiență din acestea, pe care o pot utiliza pentru a submina suportul social al partidului de guvernămînt.

Nu trebuie de uitat că noțiunea de „sistem politic" şi cel de „stat" nu sînt sinonime. Astfel partidele politice la fel dețin putere politică. Capacitatea de a determina ca obiectul să se comporte în sensul dorit de subiect (partid) este indispensabilă de natura partidelor. Pornind de la delimitarea partidelor în „de mediu" şi „de sistem" putem afirma că în cazul primelor puterea cu toate că se manifestă în spațiul social, nu pierde caracterul politic, avînd impact anu-

---

[161] *Фарукшин М. Политическая система общества. // Социально-политические науки, 1991, nr.5, p.31.*

me asupra sistemului politic. Această afirmație desigur nu se referă la toate activitățile partidelor „de mediu”. Puterea politică a partidelor poate fi realizată în mod direct sau indirect. De pildă, activitatea organelor mass-media care oficial sau neoficial susțin sau aparțin anumitor partide este un exemplu de realizare a puterii în mod indirect.

Mediului extern poate juca un rol esențial atît în constituirea sistemului, cît şi în funcționarea acestuia. Este cazul „importului democrației”. Avem în vedere instaurarea sistemului democratic în Germania federală, în Japonia postbelică, dar şi constituirea sistemelor totalitare în statele Europei Centrale şi de Est (RDG, Polonia, Cehoslovacia, Ungaria, România, Bulgaria etc.). Tot în această categorie intră şi suportul proceselor de democratizare a ex-regimurilor totalitare. Realizate prin diverse mijloace şi avînd efecte diferite ele, au un impact esențial asupra funcțuionării sistemului politic.

În acest cadru exercitarea influienței prin intermediul partidelor politice este deloc neglijabilă. Ne referim la consultarea partidelor politice începînd de la realizarea campaniei electorale şi pînă la programul guvernării. Aceasta se realizează atît de internaționalele partidelor politice în conformitate cu doctrina acestora, cît şi de ONG-urile externe (NDI, NRI etc.). Tot aici se manifestă şi medierea structurilor internaționale a conflictelor dintre partidele politice sau utilizarea, de către partidele politice în principal de opoziție, a forurilor internaționale pentru exercitarea presiunilor asupra puterii.

Relevanța partidelor în sistemul politic este pus în evidență de noțiunea de „statul partidelor”. Prin aceasta se înțelege „un tip al democrației contemporane, în care parlamentul a pierdut importanța în postura sa de instituție de exprimare a voinței suverane a poporului: parlamentele în principal doar ratifică acele hotărări care, în alt loc, au fost adoptate de partidele ce fac parte din coaliția majorității.”[162]

În literatura occidentală şi post-socialistă actualmente mult se vorbeşte despre scăderea rolului partidelor în viața politică.[163] Cauzele decăderii partidelor se reduc la ridicarea importanței şi statusului statului, apariția partidelor universale, neocorporativizmul sau în accentuarea rolului mass-media, apari-

[162] *Panebianco A. Political Parties: Organisation and Power. – Cambridge, 1988, p.34.*

[163] *Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий: XX в. - XXI в. / Отв. ред. К.Г. Холодковский. - Дубна: Феникс, 2001, pp. 61-80; Reiter H. Party Decline in the West: A Skeptic’s View. // Journal of Teoretical Politics, 1989, nr.1, pp.67-82.*

ția noilor probleme politice şi noilor clivaje, dificultățile în funcționarea statului, postindustrialismul.[164].

Însă instituții ce ar îndeplini mai eficient funcțiile partidelor politce nu au apărut. Grupurile de presiune despre care se consideră că substituie sau că au acest potențial, prin definiție nu sînt în stare de aşa ceva. Mai mult ca atît, partidele politce se adaptează noilor cerințe ale mediului.

În general, sistemul partidist contemporan al statelor Europei occidentale se caracterizează prin apropierea pozițiilor partidelor politice, în primul rînd a celor ce vizează aspectul social. S-au aplanat contrapunerile între stînga şi dreapta – social-liberalismul (apariția neoliberalismul sau neosocial-democrației), acceptarea de către dreapta a „statului social" etc., s-a produs accentuarea personificării partidului. S-a finisat, în linii generale, constituirea clasei politice ca o tagmă specifică şi profesională. Criza partidelor (relativă) este legată mai mult de structura şi organizarea sa retrogradă, de incapacitatea de a exercita în deplină măsură funcțiile, decît de însăşi decăderea acestor funcții.

Rolul partidelor politice în cadrul sistemului politic în devenire are un caracter specific. Constituirea unor partide puternice joacă un rol stabilizator asupra sistemului politic. Din contra existența unor formațiuni politice instabile, nestructurate şi incapabile de a reprezenta interesele duce la imposibilitatea cristalizării unui sistem politic eficient. Relația sistem politic-partide politice este influiențată şi de domeniul socio-economic. Acesta în perioda transfărmărilor, în special post-sovietice, suprasolocită sistemul politic. Concomitent partidele politice nu se pot personifica în aspect social din cauza perturbațiilor sociale, iar incapacitatea rezolvării problemelor economice condiționează instabilitatea suportului electoral.

Aşadar, sistemul politic este un concept cu un potențial explicativ enorm al macroproceselor societății. Includerea şi abordarea fenomenului partidist în cadrul sistemului politic poate oferi o viziune integră asupra statusului partidelor politice. Partidele politice reprezintă actori importanți al acestui sistem. Ele sînt elemente indispensabile ale sistemului politic contemporan. Capacitățile sale extrem de bine sînt reprezentate de regimurile totalitare, în care partidele se plasează de asupra statului, subordonîndu-l intereselor sale. În democrațiele contemporane partidele sînt cele care asigură funcționarea acestora şi, în fine, existența lor. În societățile în transformare partidele politice joacă rolul de catalizatori şi paznici ai proceselor de transformare în direcția democratizării.

---

[164] *Reiter H. Party Decline in the West: A Skeptic's View. // Journal of Teoretical Politics, 1989, nr.1, p.70.*

Prin abordarea partidelor politice prin prisma sistemului politic nu se observă unele momente specifice ale partidelor. Particularul aici este practic totalmente subordonat generalului şi nu se prezintă ca un nivel de cercetare distinct. Rolul, locul, manifestările fiecărui partid politic în parte rămîne în afara obiectului de studiu. În acest cadru mai puțin putem depista impactul şi influIențele diverselor forțe politice din societate.

Corelarea partidului politic cu sistemul politic sau abordarea partidului în cadrul mediului său de activitate are potențialul de a scoate la iveală noi valențe ale acestei instituții. O astfel de abordare permite de a vedea în mod integru activitatea şi mecanismul de acțiune al partidelor. Ea scoate în evidență procesul de constituire, afirmare şi realizare a partidelor pornind de la mediu şi pînă la puterea de stat. Abordarea partidelor în cadrul sistemului politic concret oferă o viziune complexă şi permite de a determina rolul, funcțiile şi impactul partidelor asupra funcționării sistemului politic.

Bibliografia

Fisichella D. Ştiința politică. Probleme, concepte, teorii. – Chişinău: USM, 2000.

Hague R., Harrop M., Brelin S. Comparative Government and Politics. An introduction. – London: Macmillan, 1998.

Orren J. The Changing Styles of American Party Politics // The Future of American Political Parties. The Challenge of Governance. – New Jersey: Englwood Cliffs, 1982.

Panebianco A. Political Parties: Organisation and Power. – Cambridge, 1988.

Reiter H. Party Decline in the West: A Skeptic's View. // Journal of Teoretical Politics, 1989, nr.1.

Белов Г.А. Политические системы. // Кентавр, 1995, nr.2.

Истон Д. Политическая система общества. // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.Василик, доц. М.Вершинин. – Москва: Гардарики, 2000.

Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – Москва: МГСУ, 1997.

Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий: XX в. - XXI в. / Отв. ред. К.Г.Холодковский. - Дубна: Феникс, 2001.

Фарукшин М. Политическая система общества. // Социально-политические науки, 1991, nr.5.

Prezentat la redacție
la 15 ianuarie 2006

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ 1992-2002 ГОДОВ[165].

Николай ЦВЯТКОВ
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский государственный университет
Факультет международных отношений, политических и административных наук
Кафедра политических и административных наук
преподаватель

The end of the XX-th century was marked by dramatic changes on the geopolitical world generated, first of all, by the USSR collapse. Political confrontations that attended the process of USSR collapse caused in early 90-es violent conflicts on the periphery of the former soviet empire (in the Republic of Moldova, for example). These conflicts caused death, loss of constitutional control on large territories and hindered the process of building democratic states of law. During this period of time, various aspects of the phenomenon had been under analysis. The policy pursued by the Republic of Moldova from 1992-2000 to settle this conflict had been reduced to negotiations with the Transdniestrian administration and the signing of the number of documents with the participation of the Russian Federation, the Ukraine and the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). The Republic of Moldova during this period had not worked out a fundamental and firm position to promote its principles that would support the solving of Transdniestrian conflict. There is also no clear answer as to what kind of actions should be committed to guarantee the reestablishment of the territorial and constitutional integrity of the Republic of Moldova So the conflict in the East of the Republic of Moldova – the Transdniestrian conflict – turned into "frozen conflicts": on the one hand, relative stability and security are ensured in conflict areas, peace-keeping and negotiation tools have been set; on the other hand, the negotiations have reached an impasse and nobody could say when and how this conflict would be settled.

[165] *Рецензент – доктор политических наук, доцент Татьяна ТУРКО*

1. Эскалация конфликта

Республика Молдова, получившая независимость 27 августа 1991 года, все еще не может решить возникающие в процессе стабилизации политические, социальные и экономические проблемы. Путь построения демократического государства, как и в некоторых других постсоветских странах, начался с вооруженного конфликта.

Создание кризисной ситуации берет свое начало в конце 80-х годов, когда в советских республиках поднимают голову националистические движения. Эти настроения не обошли стороной и Молдавскую Республику. Отделение Приднестровья и раскол Молдовы берут свое начало там же, в конце 80-х годов, когда в Кишиневе усилиями некоторых представителей творческой интеллигенции – писателями, журналистами, поэтами и другими ее представителями – был сформирован Народный Фронт. Тогда впервые на политическом уровне прозвучали призывы об изменении названия молдавского на румынский язык, со всеми вытекающими последствиями.

31 августа 1989 года молдавский Верховный Совет принимает закон об утверждении молдавского языка в латинской транскрипции в качестве государственного[166]. В статье 7 делалась оговорка, что каждый, кто по служебным обязанностям общается с людьми, должен знать как молдавский, так и русский языки. В течение пяти лет предусматривалось введение обязательных экзаменов на знание этих языков. Так как молдавское население в известной мере знало русский язык, но лишь немногие из остальной части населения умели разговаривать на новом государственном языке, это затронуло интересы в основном русскоговорящих граждан, которые стали опасаться дискриминации и перспективы быть оттесненными на обочину общественной жизни.

Новый закон о языке, а также призывы сменить старые кадры под флагом перестройки открыли для молдаван более широкий доступ к высоким постам в партийных и государственных структурах.

Успех Народного фронта на первых же выборах в Верховный Совет МССР в 1990 году и последовавшее за этим его вхождение в новое правительство еще больше расширили эти возможности. Процесс демократизации в сочетании с новым законом о языке неизбежно привел к «молдаванизации» и «дерусификации» властных структур. Новая кадровая политика, которая продвигалась в исследуемый период, расценивалась как дискриминационная. Таким образом, в двух регионах Респуб-

---

[166] *См.: Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса 1988-1996. - Кишинев, Штиинца, 1997, с.23;*

лики Молдова с компактным проживанием «русскоязычного» населения (украинцы, русские, гагаузы, и др.), известных сегодня как Приднестровье и Гагаузия, стали реализовываться попытки создания собственных государственных формирований[167].

Приднестровский конфликт нередко называют «замороженным», точно так же, как и другие – в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Однако, по сравнению с остальными, он вселяет больше надежд на прочное урегулирование. Коллективное посредничество, в котором с 1993 года принимали участие Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе (ОБСЕ), Россия и Украина, тем не менее, не привело к окончательному урегулированию и, прежде всего, потому, что в конфликт оказалось замешанным слишком много участников, кровно заинтересованных в сохранении нынешнего положения вещей.

Однако аналитический подход кишиневских экспертов к проблеме Приднестровского конфликта кардинально расходится с видением данного вопроса представителями Тирасполя. Поэтому научные публикации с обоих берегов Днестра отличаются наличием некоторой степени субъективизма. Представители прессы с обеих сторон отличаются некоторой степенью предвзятости в анализе причин конфликта, роли стран-посредников в переговорном процессе. В приднестровских публикациях присутствуют категоричные обвинения молдавских политиков в их нежелании создать приемлемую основу для полномасштабного урегулирования конфликта, в то время как молдавская пресса во всем винит Тирасполь.

2 сентября 1990 года в Тирасполе состоялся II съезд депутатов всех уровней Приднестровья, на котором была провозглашена Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая Республика в составе СССР[168].

Дальнейшие события определили нарастание кризисной ситуации, которая уже спустя полтора года вылилась в военные действия между молдавской национальной армией и приднестровской республиканской гвардией. Приднестровская война по разным оценкам унесла 500-1000 жизней. Вследствие вооруженного конфликта в регионе стали беженца-

---

[167] *См.: Мошняга В., Илащук Д., Спиней Ф., Завтур А. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. – Кишинев, Молд.ГУ, 1992; Республика Молдова в 1989-1991 годах: взгляд со стороны (Дайджест зарубежной печати). – Кишинев, Штиинца, 1992, с.84, 106; Феномен Приднестровья. – Тирасполь, РИО ПГУ, 2000.*

[168] *См.: http://www.olvia.idknet.com/conflikt.htm, извлечен 12 ноября 2005 года. Конфликт Молдовы и Приднестровья. Этапы эскалации,*

ми около 108 тыс. человек, в том числе 51 тыс. эвакуировались на правобережье Днестра, 57 тыс. - на Украину. Однако это официальные данные. Согласно неофициальным источникам, потерь в результате конфликта было гораздо больше[169].

21 июля 1992 года Президентом Республики Молдова Мирчей Снегуром и Президентом Российской Федерации Борисом Ельциным было подписано «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова»[170]. Данное соглашение определило первый шаг на пути мирного урегулирования Приднестровского конфликта.

Особый интерес к нему вызван следующими формулировками: «С прекращением огня конфликтующие стороны приступают к отводу частей своих вооруженных сил», «административно-хозяйственная деятельность в г.Бендеры осуществляется действующими органами городского самоуправления, в случае необходимости, совместно с Контрольной комиссией». Эти формулировки остаточно размытые, но определившие дальнейшую принадлежность г.Бендеры.

Соглашение стало базовым для дальнейшего развития процесса урегулирования конфликта. Механизм мирного урегулирования конфликта данным документом был запущен. Его функционирование основывалось на применении принципов и средств, характерных для международного права: консультации, посредничество, гарантии третьей стороны, создание органа со следственными и согласительными функциями, а также подчиненных ему миротворческих сил, декларирование социально-экономических и гуманитарных вопросов в соответствии с принципами международного права и другие аспекты.

2. Становление процесса мирного урегулирования

Окончание вооруженной стадии конфликта, создание механизма в форме Объединенной Контрольной Комиссии по мирному разрешению возникающих противоречий и подписание соответствующих соглашений означали переход к мирной стадии разрешения конфликта путем ведения переговорного процесса и выработки компромиссного политического решения в соответствии с принципами международного права. И вот уже около 15 лет ведется кропотливый переговорный процесс по

---

[169] См.: Nedelciuc V. Republica Moldova. – Chişinău, 1992, p.54

[170] См.: Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова, 21 июля, Москва. // Приднестровское урегулирование (основные документы). – Киев, 2000, с.6

урегулированию Приднестровского конфликта исключительно мирными средствами.

25 апреля 1993 года СБСЕ (в последствии ОБСЕ) открывает свою постоянную миссию: «С целью содействия достижению прочного всеобъемлющего политического урегулирования конфликта в левобережных районах Днестра Республики Молдова во всех его аспектах на основе принципов и обязательств, принятых в рамках СБСЕ.»[171].

Таким образом, можно заметить, что в своем посредничестве ОБСЕ четко исходит из позиции, что существование Приднестровского региона даже не подлежит обсуждению. В то же время миссия считает неконструктивным простое включение Приднестровья в рамки унитарного молдавского государства без учета исторических и социально-экономических особенностей региона.

Миссия ОБСЕ начала работу с многочисленных и широких консультаций, на основе чего она выработала определенные предложения по особому статусу Приднестровья внутри Молдовы. Эти предложения, опубликованные 13 ноября 1993 года в виде Доклада за номером 13, в дальнейшем были приняты за основу в данном переговорном процессе. В этом докладе Миссия ОБСЕ пытается дать первую оценку сложившейся ситуации в Республике Молдова, где утверждается, что: «Приднестровский регион не может быть подконтролен в полной мере центральным властям Молдовы, но и существование его как отдельного международно-признанного государства также исключено» [172].

На протяжении всего этапа работы в Молдове Миссия ОБСЕ стремилась ослабить взаимные обвинения; содействовать выработке общего взгляда на интересы, которые связывают совместно западный и восточный берега; возобновить и интенсифицировать контакты в экономической и политической областях; воздействовать на ход политического процесса и направить его на координацию действий по урегулированию разногласий. По мнению Тимоти Уильямса, глава Миссии ОБСЕ в Молдове в тот период, наиболее оптимальное решение Приднестровской проблемы – это децентрализация государства, «что гарантирует стабильные рамки для свободного развития регионального и местного самоуправления. Тогда можно вести переговоры о детальном распределе-

---

[171] *См.: www.osce.org/item/14120.html?ch=288&lc=RU, Ежегодный доклад о деятельности СБСЕ за 1993 год, (извлечен 17 октября 2005)*

[172] *См.: www.osce.org/documents/html/pdftohtml/454_en.pdf.html, Report No.13 by the CSCE Mission to Moldova 13 November, (извлечен 23 октября 2005)*

нии полномочий»[173]. Очевидно, что это заявление не утратило актуальности и в наши дни. Можно, с достаточной долей уверенности утверждать, что именно обозначенные проблемы стали камнем преткновения всего переговорного процесса в целом.

Уже 28 апреля 1994 года подписывается первый документ при посредничестве ОБСЕ – «Заявление руководителей Молдовы и Приднестровья»[174]. Этот документ был подписан М.Снегуром и И.Смирновым в присутствии представителей ОБСЕ и Российской Федерации. Они согласились в необходимости определения государственно-правового статуса Приднестровья и реализации государственно-правовых отношений, о необходимости создания системы взаимных гарантий, в том числе и международных, по полному и безусловному выполнению достигнутых договоренностей[175].

Такой шаг дал в последующем свои продуктивные результаты в отношении налаживания экономических отношений между бывшими враждующими сторонами. Кишиневом и Тирасполем были подписаны документы о взаимоотношениях в денежно-кредитной сфере, в сфере транспорта и дорожного хозяйства. Однако, несмотря на экономическое сотрудничество, стороны были не в состоянии прийти к подписанию широкомасштабного политического соглашения по окончательному урегулированию конфликта. Но именно этот документ, а не Меморандум 1997 года, стал отправной точкой Приднестровских властей для того, чтобы начать полномасштабное «строительство» Приднестровской Молдавской Республики. Именно из определений, присутствовавших в данном документе, были сделаны необходимые выводы, которые усиленно и пропагандировались приднестровскими властями. «Становление государственных отношений», вероятно, расценивается Тирасполем как становление отношений между двумя отдельными государствами – Молдовой и Приднестровьем. Однако этот документ имел еще одно весьма важное последствие. Присутствие только 4-х подписей ясно показало, что переговорный процесс приобрел к 1994 году другой формат, состо-

---

[173] *См.: Интервью посла Тимоти Уильямса. Молдова должна быть независимым и суверенным государством, существующим в своих нынешних международных границах. // «Цара», 16 ноября 1993, с.3*

[174] *См.: Доклад Р.Сэмюэла, главы миссии СБСЕ в Молдове в январе-ноябре 1994 года. О роли СБСЕ в решении приднестровского конфликта. // Децентрализация, автономия, федерализм? (материалы конференции) – Кишинев, 1995, с.10-13*

[175] *См.: Заявление руководителей Молдовы и Приднестровья, 28 апреля. // Приднестровское урегулирование (основные документы) – Киев, 2000, с.10-11*

ящий из следующих участников: Кишинев, Тирасполь, ОБСЕ и Россия. Таким образом, Украина и Румыния были исключены из процесса обсуждения документов и соответствующих соглашений.

При посредничестве Миссии ОБСЕ в Молдове и специального представителя российского президента переговоры велись группами экспертов с обеих сторон, т.е. Кишиневской и Тираспольской. За год переговоры зашли в тупик, что дало повод вновь пригласить Украину в качестве «свежей головы», но Румыния приглашена не была. Мотивация такого решения, по нашему мнению, была определена отсутствием у Румынии прямой заинтересованности в урегулировании Приднестровского конфликта, с одной стороны, и негативным отношением Тирасполя к Румынии. Молдова, которая в тот момент уже входила в состав СНГ, пошла на уступки в данном вопросе, тем более что Украина изначально гарантировала «суверенитет и территориальную целостность Республики Молдова».

Анализируя позицию украинской стороны, можно, не без основания полагать, что приоритетным интересом Украины в данном вопросе является скорейшее урегулирование Приднестровского вопроса и реинтеграции Республики Молдова. Данная позиция украинской стороны обуславливается тем, что сложившаяся в Приднестровье политическая ситуация порождает определенные проблемы в самой Украине. Здесь речь идет о контрабанде, росте преступности, которые создают напряженность в приграничных районах. Столь же болезненно воспринимается украинской стороной сам процесс дробления Молдовы, который легко может перекинуться на Украину (проблема Крыма, восточных регионов Украины, граничащих с Российской Федерацией). Таким же неприемлемым для Украины является и вопрос о неустойчивости границ. Речь идет о том, что любая попытка пересмотра границ неизбежно приведет к «эффекту домино»[176].

В результате чего Украина окажется в роли проигравшей стороны – может начаться процесс пересмотра границ не только с Молдовой (Северная Буковина, и три исторических южных молдавских уезда), но и с Россией (Крым, восточные регионы), Румынией (Херца), Польшей и Венгрией (Западная Украина)[177].

Итак, 5 июня 1995 года, в Тирасполе, подписывается «Соглашение о поддержании мира и гарантиях безопасности между Республикой Мо-

---

[176] *Молдова: Легких решений нет, Доклад № 147 МГПК Европа – Брюссель, 2003, с.11*

[177] *Нельзя не вспомнить Финальный акт Хельсинского соглашения, где страны-члены ОБСЕ согласились о невозможности пересмотра границ в Европе.*

лдова и Приднестровьем», где в 3-м пункте закрепляется официально присутствие Украины в качестве гаранта, наряду с ОБСЕ и Россией:

«Республика Молдова и Приднестровье обращаются к Российской Федерации, Украине и ОБСЕ быть гарантами соблюдения настоящего соглашения».

И, хотя данное соглашение не имело принципиального значения для хода переговорного процесса, т.к. стороны и ранее заявляли о своей готовности к поддержанию мира и стабильности в регионе, Украина вновь вступает в процесс урегулирования Приднестровского процесса.

Необходимо отметить, что, действительно, переговорный процесс заметно оживился в период с июня 1995 по июль 1996 года. Подписывается ряд документов, имеющих техническое значение, но, в результате которых, был подписан важный документ 90-х годов, известного как «Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем», подписанный 8 мая 1997 года в Москве.

3. Московский меморандум

Этот документ станет ключевым звеном переговорного процесса на ближайшие годы. Впервые принцип «общего государства» появился именно в Меморандуме о путях нормализации отношений между Кишиневом и Тирасполем, который был подписан в Москве 8 мая 1997 года:

«2. Стороны будут продолжать становление между ними государственно-правовых отношений. Документ, определяющий эти отношения, статус Приднестровья, будет основываться на принципах взаимно согласованных решений, включая разграничение и делегирование полномочий, и взаимно обеспеченных гарантий.

5. Республика Молдова и Приднестровье становятся взаимными гарантами полной и безусловной реализации договоренностей об отношениях между ними.

11. Стороны строят свои отношения в рамках *общего государства* в границах Молдавской ССР на январь 1990 г.»[178]

Этот термин был включен в документ по настоянию тогдашнего министра иностранных дел России Евгения Примакова. Основная проблема при этом состоит в разном толковании этого понятия молдавской и приднестровской сторонами. Кишинев считает, что это государство – Республика Молдова, которая готова предоставить особый статус Прид-

---

[178] *См.: Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, 8 мая 1997 года, Москва. // Приднестровское урегулирование (основные документы). – Киев, 2000, с.23-24*

нестровскому региону. Молдавская сторона предлагает Приднестровью статус территориально-автономного образования в составе Республики Молдова. Объем полномочий автономии может и должен стать предметом переговоров с Тирасполем. По убеждению Кишинева, статус автономии позволяет полностью реализовать и специфику Приднестровья, и единство стремлений всего народа Молдовы. Как известно, приднестровская сторона исходит из иных посылок при решении этого вопроса. Она видит *общее государство*, а, следовательно, по большому счету, урегулирование конфликта - как союз двух суверенных, независимых государств, двух равных субъектов международного права - Республики Молдова и Молдавской Приднестровской Республики. При этом справедливо (?) умалчивается, что последнее, т.н. «государство», никем не признано и не обладает суверенитетом.

Несмотря на то, что стороны согласились иметь общую экономику, об общем экономическом пространстве Молдовы и Приднестровья можно говорить только во внешнеэкономическом аспекте. Приднестровская продукция реализуется на мировом рынке как продукция Республики Молдова, с использованием молдавских квот и молдавского таможенного законодательства. Но во внутриэкономическом аспекте Приднестровье имеет самостоятельную экономику[179].

Основная проблема состоит в том, что после событий 90-го года, в силу объективных и субъективных причин, в общественном развитии и Приднестровья и Республики Молдова были разные приоритеты. Молдова провозгласила в качестве главенствующих принципов - принципы демократии и свободного рынка. В Приднестровье попытались сохранить многое из предшествующей системы в социальном и экономическом плане. Это позволяет говорить о наличии объективных проблем, обусловленных существующими различиями в социальном и экономическом развитии. С этой целью в ноябре 1997 года подписывается «Соглашение об организационных основах социально-экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Приднестровьем», в котором присутствуют ряд договоренностей по решению данных проблем. Руководство Республики Молдова и Приднестровья договорились о всестороннем развитии культурного и социально-экономического сотрудничества, о необходимости совместного решения проблем при осущест-

---

[179] *См.: http://www.cisr-md.org/reports/cont-transnis.html – извлечен 13 октября 2005 - Transnistrian Economy: Initiatives and Risks, June 2003; Экономическая система Приднестровья: взаимодействие между администрацией региона и экономикой. // Рынок Приднестровья и его влияние на политику и экономику Республики Молдова. – Киев, 2005, с.7-11*

влении экономических реформ, об эффективном использовании имеющегося экономического потенциала, и т.д.[180]

Однако, как покажет дальнейшее развитие событий, данное Соглашение не будет иметь надлежащих последствий и уже спустя пару месяцев появится необходимость в подписании очередного соглашения. 20 марта 1998 года, в Одессе, подписывается «Соглашение о мерах доверия и развитии контактов между Республикой Молдова и Приднестровьем»: «Россия и Украина считают, что приоритетными направлениями на переговорах… должны стать выработка конкретных мер по восстановлению единого экономического, социального и правового пространства, разграничение и делегирование полномочий как составной части будущего статуса, укрепление взаимного доверия и создание системы гарантий. Россия и Украина полагают целесообразным продолжить проработку этих вопросов на встрече экспертных комиссий сторон...

Данный подход позволил значительно активизировать переговорный процесс в целом и приблизить урегулирование приднестровской проблемы в интересах всего народа по обе стороны Днестра в целях обеспечения стабильности, безопасности и мира»[181].

4. От идеи «общего государства» к федерализации.

Следующим своеобразным прорывом в переговорном процессе стал так называемый «план Примакова». Именно Евгений Примаков является автором термина «общее государство», заложенного в Меморандуме о нормализации отношений между Кишиневом и Тирасполем, который был подписан 8 мая 1997 года в Москве. Тираспольские лидеры тогда были против этой формулировки, но на таком варианте настоял Примаков, который тогда был министром иностранных дел России. Основные разногласия между Кишиневом и Тирасполем сейчас связаны именно с интерпретацией термина «общее государство». Руководство Молдовы считает, что проблема должна решаться в рамках общего государства - Республики Молдова. Администрация Приднестровья настаивает на том, что общее государство должно быть создано с учетом существующих реалий, между двумя равными субъектами - Молдовой и Приднестровьем.

---

[180] *См.: Соглашение об организационных основах социально-экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Приднестровьем, 10 ноября 1997 года. // Приднестровское урегулирование (основные документы). – Киев, 2000, с.26-32*

[181] *См.: Российско-украинское заявление от 20 марта 1998 года 1997 года. // Приднестровское урегулирование (основные документы). – Киев, 2000, с.44*

В соответствии с Соглашением, едиными с Молдовой оставались только географические понятия границ ПМР и Молдовы, у каждой из сторон оставались свои вооруженные силы, органы правопорядка и органы власти, собственная валюта. Единой была только прокуратура и защита прав человека[182].

Однако, как ни странно, это соглашение не было подписано именно приднестровской стороной, по причине существования «подводных камней» в нем и полного отсутствия реальных гарантий для Приднестровского режима.

И вот, уже в июле 2002 года, в Киеве, появляется новый план урегулирования Приднестровского конфликта. Это план появляется в несколько новых условиях для переговорного процесса. В 2001 году к власти приходит Партия Коммунистов, которая провозгласила в своей предвыборной кампании «восточный вектор». В отношениях между Кишиневом и Тирасполем наступает «потепление». При поддержке ОБСЕ, в этом плане выдвигается переосмысленная идея федерализации. В документе предлагается предоставить непризнанной Приднестровской Республике статус субъекта Молдавской Федерации. В случае принятия указанного проекта в Молдавии состоится референдум и будет принята новая Конституция, предусматривающая формирование двухпалатного парламента. Таким образом, Приднестровью будет обеспечено пропорциональное представительство в молдавском парламенте. 42 статьи документа обозначили основные принципы управления объединенной Республики Молдовы, а также систему гарантий и процедур переходного периода. Наиболее важным является тот факт, что Статья 1 описывает Республику Молдову как демократическое федеральное государство, основанное на нормах права и республиканской форме правления.

Однако после нескольких раундов переговоров план был отвергнут, в связи с тем, что Кишинев и Тирасполь не сошлись в «формулировках» подписываемого соглашения. Представители Кишинева не хотели подписывать документ, где предлагалось построение отношений с Тирасполем на «договорной основе», что влекло за собой фактическое признание «правосубъектности» Приднестровья. Переговорный процесс снова зашел в тупик. Итак, Процесс мирного урегулирования приднестровского конфликта, продолжающийся в течение десяти лет, пока не привел к конкретным результатам.

---

[182] *См.: Декларация об общем государстве – проект от 13 июля 1999 года. // Приднестровское урегулирование (основные документы). – Киев, 2000, с.58-61*

Таким образом, можно подвести итоги первого десятилетия переговоров. Переговоры по статусу, прошедшие в последнем десятилетии, в основном, касались вопроса о том, какие права могут быть предоставлены Приднестровью в области разделения полномочий и защиты меньшинства. Другими словами – историю переговорного процесса за исследуемый период можно охарактеризовать как «процесс уступок Кишинева Приднестровскому региону». Если Приднестровье и должно быть вовлечено в процесс принятия соглашения, то уменьшение выгод, которые оно извлекает из статус-кво, будет таким же важным фактором, как и разработка приемлемой модели разделения полномочий. Однако даже прогресс в этом направлении будет недостаточен для того, чтобы привести к урегулированию конфликт между Кишиневом и Тирасполем. Для того чтобы добиться такого урегулирования, и для того чтобы оно было устойчивым, Молдова должна сделать себя более привлекательной, а сложившееся в Приднестровье закрытое общество необходимо постепенно сделать открытым.

Библиография:

Децентрализация, автономия, федерализм? (материалы конференции) – Кишинев, 1995;

Интервью посла Тимоти Уильямса. Молдова должна быть независимым и суверенным государством, существующим в своих нынешних международных границах. // «Цара», 16 ноября 1993;

Молдова: Легких решений нет, Доклад №147 МГПК Европа. – Брюссель, 2003;

Рынок Приднестровья и его влияние на политику и экономику Республики Молдова. – Киев, 2005;

Приднестровское урегулирование (основные документы). – Киев, 2000

Мошняга В., Илащук Д., Спиней Ф., Завтур А. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. – Кишинев, Молд.ГУ, 1992;

Республика Молдова в 1989-1991 годах: взгляд со стороны (Дайджест зарубежной печати).– Кишинев, Штиинца, 1992;

Феномен Приднестровья. – Тирасполь, РИО ПГУ, 2000.

Шорников П. М. Покушение на статус. Этонополитические процессы в Молдавии в годы кризиса 1988-1996. - Кишинев, Штиинца, 1997;

Nedelciuc V. Republica Moldova. – Chişinău, 1992;

http://www.osce.org

http://www.olvia.idknet.com/conflikt.htm

Представлен в редакцию
20 декабря 2005 года

COMPARTIMENTUL
RELAȚII INTERNAȚIONALE

TERORISMUL ŞI AXA PERFECȚIUNII ISLAMICE A LUMII[183]

Viorica ANTONOV
Republica Moldova, Chişinău
Academia de Ştiințe din Moldova
Institutul de Filosofie, Sociologie şi Politologie
Magistru în Ştiințe Politice,
Doctorandă

Alexandru ZAVTUR
Republica Moldova, Chişinău
Academia de Ştiințe din Moldova
Institutul de Filosofie, Sociologie şi Politologie
Colaborator ştiințific principal
Doctor-habilitat, profesor,
Membru corespondent al
Academiei de Ştiințe din Moldova

Islam as religion is more different than Christianity. The Islam is the religion of the nations in the Middle East, West and North of Africa. The Islam is various on confessionary ways in Nigeria, Philippine, Saudis Arabia, USA, France, Albania, Afghanistan, etc. This religion became useful for terrorist groups to prove their actions against humanity. The Islamic terrorism became evident after 11 september 2001. The expression Islamic fundamentalism, while commonly used, is regarded by many as misleading. The notion or term fundamentalism is laden with Christian presuppositions and Western stereotypes, and it implies a monolithic threat. More useful conceptions are Islamic revivalism and Islamic activism witch have roots within a tradition of political reform and social activism.

Islamul credința musulmanilor constituie o tendință dominantă în viețile multor popoare din Orientul Mijlociu, vestul Asiei şi nordul Africii. Impactul acestei credințe asupra lumii este deosebit de mare. Islamismul este religia

[183] *Recenzent – doctor-habilitat în ştiințe istorice, profesor Constantin EŞANU*

care înregistrează cea mai rapidă creştere dintre toate religiile lumii. Islamul nu este un cult, ci este o mare religie a lumii, deosebit de diferită de Creştinism. El este o alternativă spirituală fiindcă oferă oamenilor o altă revelație decât Scriptura - *Koranul* - şi o altă cale de mântuire, decât Isus Hristos – *Mahomed.* După parerea a multor învățați Islamul este o mare religie a lumii care contestă bazele Creştinismului şi care şi-a început invazia, pe alocuri agresivă, a lumii.[184]

Islamul este răspândit în zone geografice variate ca Nigeria, Filipine, Arabia Saudită, SUA, Franța, Albania, Afghanistan etc, iar felul în care musulmanii îşi exprimă credința variază enorm. Islamul continuă doctrina monoteistă a iudaismului şi creştinismului şi consideră că Moise, Isus şi alții au fost profeți trimişi de Allah pe pământ. Coranul continuă carțile anterioare: Tora evreilor (cu cele 10 porunci) Vechiul şi Noul Testament. Islamul recunoaşte validitatea acestor cărți, însă consideră că versiunile actuale nu sunt identice cu cele originale spre deosebire de Coran, care s-a pastrat practic neschimbat din timpul lui Mahomed. De accea, musulmanii urmează doar Coranul. [185]

Terorismul islamic a devenit evident după atacurile teroriste asupra SUA din 11 septembrie 2001. Asocierea acțiunilor unor grupări teroriste ca Al Quaeda cu islamul în general echivalează cu asocierea IRA (Irlanda de Nord care a folosit atentate soldate cu moartea a sute de civili pentru a-şi atinge scopurile politice) cu catolicismul în general.[186] Actualmente, tot mai multe grupări teroriste susțin ideea că sunt fundamentaliste ori islamice care sunt capabile să schimbe radical vectorii politicii internaționale. Islamul este folosit de grupările teroriste ca unică religie a celor drepți pentru a recruta noi membri. Este evident că orice grupare teroristă, indiferent cum nu s-ar numi aceasta şi cărei religii nu ar „subaparține”, însă în cazul nostru este vorba de Islamism, nu poate valeda faptele sale criminale şi antiumane, care de loc nu se inscriu în nici una din prescripțiile sfiente ale celor patru religii mari în lume ca creştinismul, islamismul, iudaismul şi budismul.

După părerea unor cercetători, una din cauzele izbucnirii şi răspândirii terorismului este umilința pe care au suferit-o musulmanii în ultimele două secole. Prin urmare, în ultimii ani, musulmanii au fost umiliți nu numai de evreii din Palestina, ci şi de sârbii creştini din Bosnia şi Kosovo, de către ateii sau creştinii ruşi din Cecenia şi hinduşii din Kashmir şi Pakistan. Pentru unii musulmani, este greu de acceptat ruşinea eşecului lor internațional. După ce au fost supraputere pentru mai bine de o mie de ani, crezând că Allah i-a îm-

---

184 *http://www.rcrwebsite.com/islam1.htm*
185 *http://www.andr3.s5.com/islam/islamul.html*
186 *http://www.andr3.s5.com/islam/terorism.html*

puternicit să-i înlăture pe creştini, iudei şi păgâni şi să conducă întreaga lume, astăzi se văd guvernați politic şi controlați economic de către națiuni formate, în cea mai mare parte, din „necredincioşi”. Mulți musulmani sunt supărați de puterea superioară a țărilor vestice, deoarece ei cred încă în superioritatea religiei şi culturii lor, pe care vor să o impună restului lumii.[187] Să analizăm în continuare această afirmare.

Astăzi putem vorbi despre o invazie a religiei islamice în lumea Occidentului, influența căreia asupra credincioşilor musulmani localizați în Occident este impunătoare. Paralel, îşi face o reapariție considerabilă fundamentalismul islamic, cunoscut şi ca activism islamic şi revivalism islamic. Acesta este perceput în Occident între presupozițiile Creştinismului şi stereotipurile Occidentului.

Revivalismul Islamic sau Renaşterea Islamică s-a consituit ca curent în baza unor reforme politice de tradiție şi activism social, în urma mişcărilor politico-religioase ce au încojurat lumea islamică de-a lungul secoleleor XVIII şi XIX ca răspuns la fragmentările politice, economice, sociale şi declinul moral. Exista o strictă necesitate de a purifica islamul de subpresiunile externe, parvenite din Occident, antiislamice, şi de a se reîntoarce spre fundamentalismul islamului – Coranul ca un model al lui Muhammad şi a al comunității precoce musulmane. În prima jumătate a secolului XX, au apărut aşa zisele frății musulmane în Egipt şi Societatea Islamică (Jamaat-i-Islami) în Africa de Sud, ambele devenind prototipurile mişcărilor islamice de astăzi.

Tradiția lor include credința că Islamul afectează atât politica publică cât şi respectul şi obiectivul de consolidare a organizațiilor efective pentru a implimenta sistemul islamic în guvernământ şi lege. Pe parcursul anilor ’70, revivalismul islamic contemporan a crescut considerabil. Aspectul esențial a fost reflectat in creşterea importanței asupra ceremoniilor religioase ca frecventarea moscheielor, sărbătoarea Ramadanului, excluderea alcoolului şi concubinajului. Unul din momentele principale a fost proliferarea literaturii religioase şi apariția unor noi asociații sau mişcări care aveau ca scop „Islamizarea populației”[188].

Efectele negative ale modernizării sunt în egală măsură importante în perceperea Renaşterii islamice. Acestea reflectă pe de o parte masive imigrări din sate şi o rapidă urbanizare a oraşelor din împrejurime, precum şi un colaps definitiv al familiei tradiționale, valorilor religioase şi sociale. Pe de altă parte, includ adoptarea stilului de viață occidental, urmat cu entuziasm ca un

---

[187] *Este islamul o religia a păcii? (http://www.geocities.com/cortodox/arhiva/2002/11/islamul.htm)*

[188] *Esposito J.l. Islamic Fundamentalism, Britannica Online. // Encyclopedia Britannica, 1996*

simbol al modernității, dar, în acelaşi timp, criticat ca o sursă al declinului moral şi al nesatisfacerii spirituale, corupției, şomajului, şi al maldistribuției sănătății.

Pentru majoritatea musulmanilor, Renaşterea Islamului este o reafirmare al identității culturale, al ceremoniilor religioase formale, al valorilor familiale şi moralității. Consolidarea societății islamice este văzută ca cerința unei transformări personale şi sociale care serveşte drept o precondiție pentru adevăratul guvern islamic. O schimbare efectivă vine sub cursul lent al unei transformări importante sociale aduse de implimentarea legii islamice.

Legea islamică reprezintă un sistem judiciar complex bazat în principal pe sfântul Coran (Coranul stabileşte pricipii de bază pentru comportamentul uman, dar nu cuprinde un cod judiciar propriu-zis), învațăturile profetului Mahomed cât şi din interpretări ulterioare ale acestor învățături. Legea Sharia a continuat să fie reinterpretată şi adaptată la noi circumstanțe sociale. După moartea profetului, Califii din dinastia Ummayazilor au completat legea Sharia şi au adaptat-o la noile circumstanțe din imperiul islamic. Deoarece acest imperiu ajunsese să cuprindă teritorii vaste în afara peninsulei arabice, elemente din legea greacă, iudaică, creştină şi persană sunt incorporate în Sharia.

Legea Sharia ajunge la forma clasică (tradițională) în jurul anului 900, deşi continuă să se dezvolte şi în următorii 1000 de ani. Legea Sharia tradițională cuprinde printre altele: pentru adulter - pedeapsa cu moartea; pentru furt - tăierea mâinii drepte; pentru consumul de alcool - 80 de lovituri de bici. Crima sau ranirea gravă se pedepseşte "ochi pentru ochi". Spre exemplu, dacă o persoană atacă o altă persoană şi cea de a doua persoană îşi pierde ochiul în atac, iar prima este gasită vinovată de un judecător, cea de a doua persoană are dreptul sa îi scoată acelaşi ochi primei persoane. Dacă însă a doua persoană răneşte mai mult pe prima persoană, ea este aspru pedepsită. Această regulă descurajează victimele de la a retalia în acest fel şi de obicei se ajungea la o ințelegere, acceptându-se bani sau obiecte de valoare în schimb. Pentru alte crime mai puțin serioase, criminalul trebuie să plătească o sumă de bani victimei, să primească lovituri de bici sau să fie închis o perioadă de timp.

Legea Sharia descrie şi modul în care se desfaşoară procesul. Reclamantul sau o rudă a sa depun plângere. Pârâtul se consideră nevinovat până la dovedirea contrariului, are dreptul să nu spună nimic până la proces şi să fie reprezentat de un avocat. Un sistem de apeluri permite ca cazul să fie transferat la curți superioare sau în cele din urmă la conducătorul țării. Mărturia unei femei valorează jumătate din cea a unui bărbat, motivul principal fiind că femeile din acea perioadă erau mult mai puțin educate decât bărbații.

Începând cu secolul XIX, Sharia este influențată puternic de sistemul legal occidental. Unele țări, cum este Turcia, abandonează complet Sharia, pe

când altele o adaptează (interzicând poligamia spre exemplu). Majoritatea specialiştilor în Sharia cred că aceasta poate fi adaptată condițiilor lumii moderne fără a abandona spiritul legii islamice. Astfel de sisteme judiciare moderne bazate pe Sharia sunt folosite spre exemplu în Arabia Saudită şi Iran. Un număr mic de autorități locale în Africa continuă încă să aplice Sharia tradițională[189].

Cum am constatat anterior, fundamentalismul nu a apărut ca ceva de sine stătător ci ca o reacție a renaşterii islamice. Renaşterea islamică reprezintă un efort depus de lumea islamică pentru a deveni moderni, adică a trece perioada de modernizare fără a atinge procesul de vesternizare sau occidentalizare[190]. Samuel Huntington, prin urmare, este de părerea că fundamentalismul islamic este conceput general ca islam politic, ce devine o componenetă a revivalismului islamic şi a reîntoarcerii la Islam a musulmanilor. Autorul în splendita sa lucrare „Ciocnirea civilizațiilor şi refacerea ordinii mondiale", menționează faptul că doar Islamul este ghidul de viață şi soluția de reîntoarcere la valorile tradiționale pentru toți musulmanii, acceptarea modernității, cu respingerea valorilor şi culturii occidentale. Renaşterea islamică, în viziunea acestui autor, reprezintă un curent pătrunzător, neizolat de lumea întreagă, fiind ultima treaptă în ajustarea civilizației islamice occidentului.

Atât Coranul cât şi Legea Sharia sunt părți componente ale culturii şi formațiunii societății islamice. Ca contrabalanță acestora în Occident, servesc Biblia şi Dreptul internațional.

În ceea ce priveşte respectarea drepturilor omului in lumea islamică, atunci există Declarația Universală islamică a drepturilor omului, adoptată la 19 septembrie, 1981. Acest document se bazează pe Coran şi Sunna, fiind documetul secundar, după prima Declarație Universală Islamică, declarată la conferința internațională consacrată prorocului Muhammed, organizată la Londra, între 12-15 aprilie 1980. Documentul în cauză a fost publicat de Consiliul Islamic în cinstea începutului secolului XV a erei islamice.[191]

Pe cînd Jihadul este folosirea tuturor energiilor şi resurselor pentru a stabili sistemul islamic de viață, pentru a obține o favoare, chiar a lui Allah. Este un moment mai dificil de percepere, ținînd seama că Islamul respectă libera alegere a omului şi nimeni nu poate fi forțat să creadă în Allah. Însă este evident că, „jihad" înseamnă război sfânt, acesta este prin definție război de

---

[189] *Legea Islamica sau Sharia (http://www.andr3.s5.com/islam/sharia.html)*

[190] *Huntington S. Ciocnirea civilizațiilor şi refacerea ordinii mondiale. - Oradea, 1998.*

[191] *Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. - Москва, «Международные отношения», 2003, с.512*

apărare, având ca scop înlăturarea persecuției, şi nu răspândirea islamului[192]. Însă, în literatura din Occident, în special, în lucrarea lui Rudolf Peters „Jihadul în islamul clasic şi modern", se menționează că „Dificultatea doctrinei constă în existența unui singur stat islamic, care guvernează peste toată umma (comunitatea musulmană). Este de datoria acestei comunități să extindă teritoriul acestui stat, pentru a aduce sub conducerea lui cât mai mulți oameni cu putință. Scopul final este de a extinde teritoriul acestui stat pentru a aduce întregul pământ sub guvernarea islamului şi pentru a-i înlătura pe necredincioşi"[193]

În continuare trebuie de menționat că drept teren pentru renaşterea islamică a servit credința şi voința generală a lumii islamice. Ca urmare, societatea islamică a fost amenințată de două[194] obstacole serioase în procesul de modernizare, cum sunt intelectualii ateişti şi conservatorii religioşi. Calitatea deosebită a societății islamice constă în credință. Iar conservatorismul religios reprezintă o barieră serioasă în procesul de consolidare a unui nou sistem social-politic al lumii islamice, care pretinde a fi model pentru generațiile viitoare.

Însă inevitabile rămân ideologiile violente ale fundamentalismului islamic. Fundamentaliştii tratează islamul ca sursă de inspirație a acțiunilor lor. Şi dacă islamul ca religie cuprinde viața politică şi socială a comunității musulmane, atunci fundamentalismul islamic ca reacție la conservatorismului religios, este o contrapunere a modernizării, în acel sens, că neglijează atât tradiționalismul cît şi revivalismul cultural. Politica este o parte componentă a religiei islamice într-o comunitate islamică. Ea nu este concepută prin prisma unor instituții statale ci prin cele religioase. De aceea, o performare politică, adică reformele şi schimbările infrastructurale se pot face doar cu acordul religiei.

Renaşterea islamică a adus cu sine şi divergențe politice, economice şi sociale dintre musulmani. Pe de o parte influența şi expansiunea Occidentului asupra statelor musulmane, pe de altă parte, implicitatea statelor vecine, ca Israelul, în problema cu Palestina, au făcut ca lumea islamului să solicite schimbări imediate şi radicale, în unele cazuri, pentru a se uni în alianțe împotriva necredincioşilor, declarând, astfel, război sfânt celor care le-au înhibat valorile şi cultura. Ca urmare, propăvăduitorii radicali a renaşterii islamice consideră că societatea islamică este mai mult eretică decât credincioasă, iar cauza acesteia este Occidentul şi toată lumea nemusulmană. Eretismul se pronunță prin faptul că legile islamice sunt schimbate de cele laice.

---

[192] *Jihadul (http://www.andr3.s5.com/islam/jihad.html)*
[193] *Peters R. Jihadul în islamul clasic şi modern. – Princeton, 1996, p.3*
[194] *Khatami S.M. Teama de val. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002, p.104*

Astfel, islamul pentru comunitate devine fals. Prin urmare şi imamii, în viziunea acestora, sunt cumpăraţi de legile laice, devenind corupţi, mergînd în întâmpinarea intereselor proprii. Radicaliştii, sau teroriştii, indivizi ce aplică forţa în detrimentul cuvântului sfânt, consideră că corupte sunt toate instituţiile islamice sociale, ca universităţile, ministerele, asociaţiile nonguvernamentale, cele din urmă, fiind o atrocitate vesternizată, în viziunea acestora. Astfel, loviturile teoriste sunt îndreptate împotriva populaţiei civile, unde teroarea, teama şi panica devin cele mai importante instrumente de manipulare pentru a impune guvernele din occident să-şi revendice politicile de expansiune, vesternizare a statelor islamice şi de susţinere în cazul Israelului.

Baza şi axa societăţii politice la musulmani este statul. Prin urmare, statul este centrul ideilor lui politice. Dacă să analizăm după opera gînditorului politic şi filosofului musulman, Farabi[195], atunci perfecţiunea socială nu se manifestă în societate şi nu se menţine mult timp printre oameni, decît prin intermediul statului, care, la rîndul său, difuzează tradiţiile, deprinderile şi morala corectă, care este în contradicţie cu acţiunile de teroare şi violenţă. Statul la care se referă Farabi nu este autoritar, ci determinat prin voinţa şi dorinţele poporului. Statul, de altfel, trebuie să menţină o reală colaborare cu poporul său, sau altfel spus, trebuie să ţină cont de aspiraţiile şi dorinţele acestuia, care, la rîndul lor, trebuie să fie nobile. Statul care nu ţine cont de voinţa poporului, în viziunea lui Farabi, nu poate fi ideal, deoarece: *„scopurile bune şi proaste se realizează prin voinţa oamenilor. De aceea poate apărea o societate ai cărei membri vor acţiona şi vor colabora în numele unor scopuri nedemne. Naţiunea ai cărei reprezentanţi colaborează reciproc în numele realizării fericirii depline este o naţiune perfectă. Astfel, Pămîntul va deveni perfect şi bun numai dacă toate naţiunile vor colabora şi se vor ajuta una pe cealaltă în scopul atingerii fericirii generale”* [196].

---

[195] *Farabi (257-338 calendar selenar). Gînditor politic în lumea islamică. Bazele raţionalismului politic şi ale ideilor despre „oraş” în lumea islamică au fost puse de Farabi. Tradiţia pe care a urmat-o Farabi în elaborarea gîndirii politice este preluată de la marii filozofi al Greciei Antice şi ai omenirii – Platon şi Aristotel. Ideile politice şi gnoseologice ale filozofului – musulman, îşi iua originea în filozofia greacă. Farabi, referindu-se la operele lui Platon şi Aristotel, îl consideră pe aceştia învăţătorii teoretici şi-şi intitulează chiar marea sa operă „Renaşterea filozofiei”. Dintre cele mai importante opere filozofice pot fi citate „Politica civilă” şi „Raţionamentele locuitorilor oraşului Utopia”. În aceste scrieri, politica este obiectul principal al dezbaterilor.*

[196] *Khatami S.M. Tradiţia şi raţiunea în capcana despotismului. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002, p.110*

Este evident că filosoful musulman aspiră la un dialog interreligios, intercultural, intercivilizațional, care poate servi omenirii ca optimă soluție în aplanarea şi evitarea uloterioară a conflictelor internaționale, în special, a terorismului internațional. La acest dialog omenirea nu o dată a apelat, însă de fiecare dată s-a soldat cu un eşec. Cauza fiind diferențierea culturală şi o altă viziune despre lume.

Statul este baza socială la musulmani, voința şi dorința poporului, fiind o condiție sine qua non a formării lui. În numele realizării obiectivelor propuse statul nu va recurge la violență şi la împiedicarea poporului de a-şi exprima opiniile. Acesta trebuie să-i intereseze pe oameni în păstrarea tradițiilor care, de facto, mențin bunăstarea socială. Prin urmare, relația dintre stat şi popor nu se axează pe tiranie, violență şi aplicarea forței.

Statul are sarcina să educe şi să învețe poporul, oferindu-i stimul şi obiective prioritare destinate să mențină deprinderile de ascultare ale cetățenilor. Un asemenea stat poate apărea doar prin servirea intereselor şi a voinței poporului. Statul dat are misiunea de a asigura serviciul poporului. Cînd va apărea un asemenea stat şi poporul îl va accepta de bună voie, se va institui un alt sistem social în care supunerea va rezulta din voință. Pînă cînd statul nu va deveni puternic, nu va apărea nici societatea civilizată, acea societate, care poate menține deprinderea de a asculta a locuitorilor oraşului utopic şi care se numeşte capacitatea statului de a servi poporul. Politica nu este altceva decît un asemenea mod de-a servi, fiind baza societății civile utopice.

De menționat în continuare că statul poate deveni puternic doar prin cuvîntul lui Dumnezeu, care nu propovăduieşte aplicarea violenței şi teroarei printre oameni. Aceşti oameni, formînd societatea islamică trebuie să fie conduşi de cineva nobil şi corect în faptele sale, un aşa-numit conducător. Conducătorul oraşului utopic descris de Farabi este un om care cunoaşte atît lucrurile generale cît şi noțiunile absracte. Dînsul este o persoană perfectă, ceea ce-i asigură unicitatea, fiind ales dintre cei mai buni membri ai comunității. Poziția pe care o ocupă îi oferă toate breaslele în mîni pentru a realiza idealurile sociale şi lichidarea disfuncționalităților. Ca urmare, nu orice cetățean ar putea să fie un bun conducător. Este nevoie de unele calități şi aptitudini înalte şi nobile pentru a se menține pe post. Un conducător trebuie să conducă toți oamenii din toate regiunile lumii. Acesta trebuie să fie asigurat cu 13 particularități, printre care, cele mai importante, sunt cele naturale şi spirituale.[197]

Ele constau din sănătate şi lipsa defectelor fizice, capacitatea de a înțelege corect realitatea şi dorințele altor oameni, memorie bună, inteligență şi in-

---

[197] *ibidem, p.124*

geniozitate, capacități retorice, interes față de științe şi aspirația de a dezvolta, renunțarea la viața banală şi la sclavia patimilor trupeşti, dragostea față de adevăr şi față de oamenii sinceri şi ura față de minciună şi față de oamenii fățarnici, dragoste față de onoare şi demnitate, respingerea averii şi a luxului, echitatea şi dorința ca ea să triumfe, lupta împotriva inechității şi a oamenilor incorecți, comportament moderat, dar şi nu pasiv, putere de decizie, curaj şi bărbăție în acțiunile demne şi evitarea slăbiciunilor. Prin urmare, fiecare om dotat cu asemenea calități este demn să fie conducător sau guvernator, deci o călăuză a societății. În viziunea lui Farabi, conducător nu poate fi decît acel om, care nu are nevoie să se supună altcuiva. Trebuie să fie apt a conduce poporul său în direcția pe care o consideră a fi cea mai corectă. Trebuie să ştie să numească oamenii în diferite funcții în conformitate cu meritele şi calificările pe care le au şi să elaboreze şi să pună în practică legile care să contribuie la realizarea fericirii generale.

Ideile social-politice ale lui Farabi sunt create sub influența filozofiei neoplatonice. Ca drept exemplu, putem evidenția faptul că conducătorul ideal a lui Platon este filozof, în viziunea lui Aristotel conducerea ideală trebuie să aparțină celui ales de popor, iar după Farabi, conducătorul trebuie să fie filozof, avînd cunoştințe solide despre adevărul rațional, şi mijloacele necesare pentru realizarea adevărului fericirii. Acesta trebuie să cunoască bine care este locul omului în societate. Ca şi Platon, Farabi consideră că poate fi conducător numai omul care înțelege fenomenele eterne şi perfecțiunea absolută, pentru funcționarea unui oraş ideal fiind nevoie de un şah-filozof. Un loc deosebit în acest oraş autorul îi atribuie adevărului. În lumea reală a lui Farabi, descrisă prin intermediul filozofiei, adevărul trebuie să fie cunoscut prin intermediul acesteia ca ştiință despre adevăr. Cunoaşterea adevărului este posibilă doar în cadrul unei societăți cu rațiune activă. Prin urmare, doar acela care a atins un anumit nivel, perfecționîndu-şi pe deplin rațiunea, poate fi conducător. Însă această rațiune este insuficientă, deaceea, este nevoie şi de o imaginație perfectă, care, nemijlocit, va contribui la soluționarea problemelor cotidiene în oraşul lui Farabi.

Ținînd seama de concepția generală a lui Farabi, se poate menționa că oraşul necesar este o primă treaptă a societății civile. Într-o asemenea societate, oamenii sunt mai aproape de natură. În oraşele cu o conducere democratică, pe care Farabi le numeşte comunități libere ale oraşului liber, libertatea omului poate asigura dezvoltarea calităților sale. O astfel de societate nu este lipsită de oameni buni şi deştepți. Societatea demnă nu se împacă cu tirania, violența şi teroarea, oricare ar fi formele prin care se manifestă acestea. Datorită libertăților pe care le oferă, sistemul democratic din oraşul liber are mai multe şanse să se transforme într-un ideal şi de a-şi găsi un conducător demn.

Paradoxal, dar învățăutra islamică despre stat şi puterea politică este împletită de dogme şi orientări democratice în acelaşi timp, cu o conotație promusulmană, ce se contopesc cu vechile tradiții islamice de abordare a lumii. De altfel, nu putem conchide că la baza dezvoltării terorismului stau tradițiile islamice de asimilare a lumii. Tradiții, care, de facto, predomină în gîndirea politică islamică. Altfel spus, ideile de cucerire şi asuprire a altor popoare, de practicare a violenței şi teroarei nu îşi găsesc locul în Coran. Filozofia şi Coranul nu atestă aceste lucruri. Cu toate că la sfîrşitul secolului XX terorismul a avansat din perspectivele fundamentalismului isalmic, care a creat o imagine greşită despre religia islamică şi poporul islamic. Terorismul mereu a existat. Se crede că de cînd există lumea există terorismul. Una dintre cele mai timpurii forme de manifestare a terorismului înregistrată de istorie o constituie secta religioasă a şicarilor, ce a activat în Palestina, în secolul I e.n. Definirea acestuia ca tendință a apărut în urmă cu peste 200 ani, în suplimentul pentru anul 1798 al Dicționarului Academiei Franceze.[198]

În secolul trecut, datorită amplificării accesului Mass Media în viața publică a societăților democratice, acest fenomen global, numit terorism, ia o amploare deosebită în lume. Ca urmare, la începutul secolului XX istoria atestează un şir de fapte care nu pot fi numite altfel decît atacuri teroriste.[199]

Însă aici nu se pune punctul final acestor evenimente tragice. La începutul secolului XXI societatea internațională este zguduită de un nou val al terorismului. Evenimentele din 11 septembrie 2001, SUA, au trezit o reacție inadecvată realității printre rândurile populației lumii. Începînd de aici încoace accentul se pune pe religia islamică şi în special, pe fundamentalismul islamic. Însă mai tîrziu, se aduc argumente importante împotriva reacției lumii asupra religiei islamice. Fapt care nu poate fi denotat, odată ce se evidențiază la orizont grupuri teroriste, aparteneții cărora sunt de alte confesiuni, decît cea islamică. De altfel, religia serveşte doar ca baricadă în efectuarea şi realizarea planurilor masacre de teroare.

Actualmente, Islamul este consideart o religie care pune în pericol teoria atlantismului şi, cu aceasta, civilizația occidentală.[200] Dacă astăzi mai există o

---

[198] *A se vedea: Ionescu V. Veacul terorismului. (http://www.itcnet.ro/history/archive/mi2000/current1/mi45.htm)*

[199] *La 29 iulie 1900 regele Italiei, Umberto I, a fost asasinat la Monza de Gaetano Bresci, care s-a sinucis în închisoare un an mai târziu. La 6 septembrie 1901, la Detroit, Lean Cyolgosy îl rânea mortal pe cel de-al 25-lea presedinte al S.U.A. William McKinley, iar la 10 iunie 1903, organizația teroristă "Mâna neagra" îl asasina pe regele Serbiei, Alexandru Obrenovici.*

[200] *Pisarencu R. Statul islamic față ăn faşă cu cel Occidental. // InfoHIS, Buletin Informativ ANTIM, 2003, Nr.1 (17), p.21.*

cale de ieşire din criza politică mondială, aceasta poate fi doar dialogul dintre civilizaţii.[201] În contextul acestui dialog apar un şir de întrebări. Este oare Islamul deschis pentru democraţie, sau este în general compatibil cu concepţia occidentală de stat sau a drepturilor omului?[202]

Islamul, spre deosebire de creştinism şi iudaism, este o religie implicată direct în conducerea politică a statelor musulmane. Este explicaţia perfectă a faptului de ce analiza principiilor şi scopurilor islamului se contopesc cu politica internă şi externă a statului islamic. De aici, rezidă faptul că islamul reprezintă pentru lumea musulmană o religie, o cultură şi o şcoală de existenţă umană, spre deosebire de cultul terorismului care implică activişti aprtenenţi lumii musulmane, însă care subestimează valorile religiei islamice. Islamul pentru credincioşii săi este o învăţătură multilaterală, realistă şi universală. În Islam se examinează toate chestiunile legate de necesităţile umane, de societate.[203]

Terorismul, ca fenomen transparent, se ascunde în spatele religiei Islamice pentru ca, la momentul potrivit se evite nedumerirea şi intoleranţa opiniei publice internaţionale. Religia nu se judecă, precum nu se judecă un întreg popor. Statele musulmane, avînd la baza consolidării lor, religia islamică, împărtăşesc o viziune despre lume cu totul deosebită de cea occidentală.

După unii cercetători, scopul de bază a statului islamic este aplicarea şariatului. Ibn Khaldun[204] considera că cetăţeanul musulman vede adevărul doar în respectarea şi aplicarea principiilor islamului. El considera că salvarea omului se găseşte în religie.[205] Viaţa acestui cetăţean este posibilă doar în societate, iar societatea are nevoie de ordonare. Ca urmare, baza ordinii şi organizării vieţii sociale este politica. Aceasta poate fi naturală, adică care dirijează societatea, fundamentându-se pe fanatism şi dominare, sau raţională, deci bazată pe gândirea filozofilor, a elitelor politice şi intelectuale a comunităţii. Astfel, religia reprezintă fundamentul politicii în statul islamic. Cel mai

---

[201] *Mohammadifard Gh. Dialogul dintre civilizaţii – o cale de ieşire din criza politică mondială. // 11 septembrie 2001, Noul Concept de securitate internaţională. – Chişinău 2002, p.182*

[202] *L'Islam face a la modernite. // L'Histoire, decembre, 2001, p.7*

[203] *Motahari M., martirul. Omul şi Credinţa. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002, p.41.*

[204] *Ibn Khaldun (732 – 808 calendar selenar), cugetător, istoric, om politic, judecător malichian. Este considerat primul filozof al istoriei şi unul dintre primii fondatori ai sociologiei. A devenit unul dintre cei mai remarcabili oameni din istoria ştiinţei şi spiritualităţii lumii islamice. Gloria sa a fost adusă prin lucrarea „Introducerea".*

[205] *Khatami S.M. Tradiţia şi raţiunea în capcana despotismului. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002, p.258*

perfect model al politicii religioase, în viziunea marelui istoric, a fost cel din timpul Profetului Muhammad, care a fost şi profet şi conducător al societății islamice.[206]

Islamul sfînt este o religie necunoscută de lumea occidentală. Ca urmare, adevărul acestei religii, cu timpul, s-a deformat şi cauza principală a renunțării unor oameni la aceasta ține de învățăturile greşite, propuse în numele ei. Această religie sfîntă suferă în prezent tot mai mult de pe urma celor care pretind a-i fi apărători.[207]

Islamul este religia păcii şi a iertării şi consideră terorismul ca fiind un act extrem, ceva interzis, nepermis. Chemînd la cugetare, Coranul nu numai că arată pericolul rătăcirilor, dar determină sursele cugetărilor, adică acele chestiuni asupra căror omul trebuie să cugete şi să le utilizeze în calitate de sursă a cunoştințelor şi informării sale. Islamul critică folosirea energiei gîndirii în chestiuni care doar vor obosi rațiunea. Se referă la temele, calea către cunoaşterea care îi este închisă omului, şi la cele care pot fi cercetate, dar nu oferă ceva de folos.[208] În Coran se spune: **"***Allah nu vă opreşte să faceți bine celor care nu au luptat împotriva voastră, din pricina religiei, şi nu v-au alungat din căminele voastre şi nici să fiți drepți cu ei, căci Allah îi iubeşte pe cei drepți***"**(60:8).[209]

Profetul Muhammad interzicea soldaților săi să ucidă femei sau copii şi el îi sfătuia pe ei: *Nu fii exagerat, nu ucide copii nou născuți, nu trăda*. Şi tot el spunea: *Cel care ucide pe cineva care a făcut o alianță cu musulmanii nu va simți parfumul Paradisului*. Crima este una din marile păcate. Profetul Muhammad spunea ca ucigaşii vor fi pedepsiți cu focul Iadului. În dreptul Islamic şi în alte texte islamice distrugerea caselor şi propietăților, incitarea la acte de violență, bombardarea şi mutilarea oamenilor nevinovați sînt considerate acte interzise şi blamabile de către musulmani şi religia islamică. Musulmanii urmează o religie a păcii, a faptelor bune, a toleranței şi a iertării şi marea majoritate nu au nimic în comun cu anumite evenimente violente care sînt asociate cu musulmanii. Dacă un musulman comite un act de terorism acea persoană se face vinovată de încălcarea legilor islamice.

Cât despre implimentarea valorilor democratice în societatea islamică, putem conchide că este un lucru discutabil, odată ce se iveşte la orizont o civilizație occidentală cu alte tradiții politice de guvernare, unde biserica este separată de stat, unde obiceiurile laice nu se contopesc cu cele divine, în timp

---

[206] *ibidem*

[207] *Khatami S.M. Teama de val. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002, p.37*

[208] *Motahari M., martirul. Omul şi Credința. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002, p.45*

[209] *Ce spune religia islamica despre terorism (http://www.freehomepages.com/islam-ro/index.htm)*

ce valorile împărtăşite de Islam propăvăduiesc neconformitatea lucrurilor respective. Aceasta însă nu înseamnă că se săvârşeşte o contravenție a drepturilor omului. Lumea islamică percepe într-o altă măsură universul, chiar dacă această percepere este îndoctrinată şi dogmatică.

Bibliografie:

Este islamul o religia a păcii? (http://www.geocities.com/cortodox/arhiva/2002/11/islamul.htm)

Esposito J.l. Islamic Fundamentalism, Britannica Online. // Encyclopedia Britannica, 1996

Ionescu V. Veacul terorismului. (http://www.itcnet.ro/history/archive/mi2000/current1/mi45.htm)

Jihadul (http://www.andr3.s5.com/islam/jihad.html)

Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. - Москва, «Международные отношения», 2003

Huntington S. Ciocnirea civilizațiilor şi refacerea ordinii mondiale. - Oradea, 1998

Legea Islamica sau Sharia (http://www.andr3.s5.com/islam/sharia.html)

L'Islam face a la modernite. // L'Histoire, decembre, 2001

Khatami S.M. Teama de val. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002

Khatami S.M. Tradiția şi rațiunea în capcana despotismului. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002

Motahari M., martirul. Omul şi Credința. - Iaşi, Editura Pan Europe, 2002

Ce spune religia Islamica despre Terorism (http://www.freehomepages.com/islam-ro/index.htm)

Pisarencu R. Statul islamic față ăn faşă cu cel Occidental. // InfoHIS, Buletin Informativ ANTIM, 2003, Nr.1 (17)

Mohammadifard Gh. Dialogul dintre civilizații – o cale de ieşire din criza politică mondială. // 11 septembrie 2001, Noul Concept de securitate internațională. - Chişinău 2002

Peters R. Jihadul în islamul clasic şi modern. – Princeton, 1996

http://www.rcrwebsite.com/islam1.htm

http://www.andr3.s5.com/islam/islamul.html

http://www.andr3.s5.com/islam/terorism.html

Prezentat în redacție
la 8 decembrie 2005

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА[210]

Ессам Абу САЛЕМ
Республика Молдова, Кишинэу,
Молдавский Государственный Университет,
факультет истории и психологии,
кафедра истории румын и антропологии,
докторанд

The article is dedicated to the Israeli-Palestinian conflict and, in particular, to the subject of the right of Palestinian people to create their own state.

The author gives a detailed analysis of the conflict resolution plans proposed by the international community starting from 1967 and till nowadays. A special credit is given to conflict resolution project known as "The Roadmap", issued by USA, Russia and UNO on April the 30th 2003.

The article underlines the initiatives of conflict resolution of the new leader of the Palestinian Autonomy Mahmud Abbas, as well as his attitude toward terrorist groups. At the same time, the special attention is paid to the role and the result of Palestinian Parliamentary elections of January 25th 2006 for the conflict resolution.

The principles for the parties to follow, formulated together with the objective measures of real, final and fair resolution of the Palestinian problem are also formulated in the article. It is underlined that from the one side, as well as from the other, there are weighty forces that insist on different variants of problem solving.

Ближневосточная проблема и палестино-израильский конфликт считаются одними из самых сложных вопросов современности. Эти проблемы включают в себя разные элементы и причины, отличающие их, в сущности, от всех других проблем, с которыми сталкивается мировое сообщество в прошлом и в начале нынешнего столетия. И разрешение этого конфликта напрямую связано с безопасностью и миром в этом регионе.

Казалось, что в январе 1993 года был найден выход из тупиковой ситуации, когда в столице Норвегии Осло начались переговоры, которые закончились подписанием 13 сентября 1993 года в Вашингтоне под

[210] *Рецензент - доктор исторических наук, доцент Дину ИЛАЩУК*

американским патронажем „Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению“ (“Договоренность Осло”)[211].

Далее были заключены Соглашения в Каире (4 мая 1994 г.) и в Табе (28 сентября 1995 г.), Соглашение в Вай-Ривер (23 октября 1998 г.) и Меморандум о взаимопонимании в Шарм-аш-Шейхе от 4 сентября 1993 года. Однако инициатива поэтапного решения палестинского вопроса была предложена в Кэмп-Дэвидском соглашении и на конференции в Мадриде.[212]

Надо отметить, что одним из наиболее серьезных планов решения ближневосточного конфликта и палестино-израильской проблемы был проект, предложенный принцем Саудовской Аравии Абдаллой на саммите Лиги Арабских Государств в Бейруте в 2002 году. Саудовский план предусматривал нормализацию отношений между арабами и Израилем, в том числе установление дипломатических отношений, в обмен на уход Израиля со всех контролируемых с 1967 года арабских территорий, включая восточный Иерусалим, сектор Газа, Западный берег реки Иордан и Голанские высоты, признание независимого государства со столицей в Иерусалиме и право палестинского народа на возвращение на родину.[213] Однако дальнейшее развитие событий и жестокие столкновения между палестинцами и израильтянами привели к срыву этих соглашений.

События последних лет на Ближнем Востоке вынудили США, в лице президента Дж.Буша, предложить новый проект урегулирования ближневосточного конфликта под названием „Дорожная карта”. О нем было обьявлено 24 июня 2002 года. Но, чтобы этот проект получил поддержку и имел успех, ЕС, Россия и ООН предложили арабским государствам участвовать в разработке плана его реализации, для чего была создана четырехсторонняя комиссия.

В сентябре 2002 года “четверка” (ЕС, Россия, США, ООН) согласилась с необходимостью выработки „Дорожной карты” для достижения окончательного урегулирования израильско-палестинского конфликта, исходя из концепции существования двух государств.

Целью “Дорожной карты”, по словам президента США и других участников „четвёрки” является решение палестино-израильского конф-

---

[211] *Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению. // http://www.un.org./russian/peace/palestine/docs/oslo/pdf.*

[212] *Хаммад А. Право народа Палестины на образование независимого государства: международно-правовые аспекты. - Кишинёв, 2004, с.82.*

[213] *На Ближнем Востоке необходимо обеспечить мир. // http://www.utro.ru./articles/2002032715153369083.shtml/*

ликта, окончание израильской оккупации палестинских территорий и создание независимого палестинского государства бок о бок с израильским государством.

Проект включает три этапа и основные элементы реализации плана последовательного решения израильско-палестинского конфликта.

Первый этап предусматривает:

– прекращение огня, возобновление работы совместных израильско-палестинских комиссий по безопасности;

– начало палестинских реформ, разработка новой палестинской конституции;

– Израиль отступает на позиции, занимаемые им накануне начала Интифады, его армия не препятствует обычной жизни палестинцев;

– палестинцы публикуют декларацию об отказе от насилия и о признании прав Израиля на существование в мире и безопасности;

– Израиль публикует декларацию, в которой признает необходимость сосуществования двух государств и признание права на создание независимого и суверенного палестинского государства, которому будет обеспечен мир и безопасность со стороны Израиля;

– Израиль замораживает строительство своих поселений после достижения перемирия;

– палестинские власти должны уже на первой стадии изъять незаконно находящееся у жителей региона оружие и осуществить реформу сил безопасности, которая обеспечит сокращение существующих силовых структур с 12 до 3.

Второй этап:

– избрание демократического палестинского руководства, которое будет решительно бороться против террора;

– провозглашение независимого Палестинского государства во временных границах и с элементами суверенности.

Третий этап:

– разработка и принятие Соглашения о постоянном урегулировании и окончании израильско-палестинского конфликта вплоть до конца 2005 года.

– решаются вопросы, подлежащие урегулированию: среди них уточнение постоянных границ Иерусалима и возвращение палестинских беженцев.[214].

–

---

[214] *Хаммад А. Право народа Палестины на образование независимого государства: международно-правовые аспекты. - Кишинев, 2004, с.82-83.*

Таким образом, этот план, как следует из вышеприведенных этапов, в сущности, подразумевает окончательное разрешение арабо-палестинского конфликта.

Необходимо отметить, что обязательства, взятые на себя палестинской стороной в этом плане, состоят в разоружении и ликвидации всех террористических группировок, угрожающих своей деятельностью безопасности Израильского государства. Но чтобы выполнению этого плана не помешали противоборствующие группировки, надо ослабить их влияние. Кроме того, должно присутствовать твердое стремление обеих сторон для выполнения пунктов предложенного плана.

15 января 2005 года в Палестине, менее через неделю после состоявшихся выборов, была проведена инаугурация нового руководителя Палестинской Автономии - Махмуда Аббаса. Кончина Ясира Арафата, бывшего лидера ПНА, первоначально вызвала обоснованную настороженность в политических кругах разных стран в связи с предположением, что среди палестинцев может резко обостриться борьба за власть. Это, в свою очередь, по мнению многих экспертов, могло дестабилизировать и без того непростой процесс поиска решения одного из самых острых и длительных конфликтов в современном мире.

Но серьёзной внутренней склоки между палестинцами не произошло. В выборах приняли участие семь кандидатов. Более или менее принципиальная борьба была только между двумя из них: врачом Мустафой Баргути, опиравшимся на поддержку радикальной части Народного Фронта Освобождения Палестины и кандидатом Движения за Национальное Освобождение Палестины (ФАТХ) 69-летним премьером Махмудом Аббасом, известным также в арабском мире как Абу Мазен.

Махмуд Аббас выиграл выборы, получив 62,3% голосов избирателей. На его плечи легла нелегкая задача по возобновлению переговорного процесса с Израилем и дипломатический поиск новых решений[215], но эти решения и ожидания не были реализованы до сих пор и пока не предвидится, что политика Аббаса пойдет в правильном направлении. Это обьясняется и тем, что в его короткое правление палестинцы продолжают террористические акты на территории Израиля, и Аббас не только не предпринял никаких серьезных попыток для их предотвращения, но наоборот, пошел на переговоры с 13-ю различными палестинскими организациями, (среди них и террористические), состоявшиеся 17 марта 2005 года в Каире. В Каирской декларации была согласована

---

[215] *От Махмуда Аббаса ждут непростых решений. //* http://www.novopol.ru/material 1335.h.tml.

лишь временное прекращение террористических актов против Израиля до конца 2005 года с условием, что израильская сторона должна остановить агрессию против палестинцев и освободить всех палестинских заключённых.[216].

На эту декларацию Израиль отреагировал очень негативно, поскольку она противоречит сущности „Дорожной карты”. МИД Израиля заявил, что в „Дорожной карте” очень ясно сказано, что обязательство М.Аббаса состоит в том, чтобы ликвидировать все террористические организации и разоружить их, а не идти на какие-то переговоры с ними.[217].

В ответ Махмуд Аббас объявил, что не будет вести борьбу против этих организаций, поскольку она может вызвать гражданскую войну между палестинцами.

Нужно отметить, что исламские террористические организации опасны не только для Израиля, но и для тех дальновидных палестинских политиков, которые выступают против террора, и в том числе для самого М.Аббаса. Реальная угроза, исходящая от этих организаций уже очевидна: на состоявшихся в секторе Газа в январе 2005 г. местных выборах ХАМАС обеспечил себе абсолютную победу в 7 городах из 10, а выборы в парламент Палестинской автономии (25 января 2006 г.) позволили ХАМАСу закрепить этот успех, получив большинство голосов. По расчетам местных наблюдателей, ХАМАС может рассчитывать примерно на 70 мандатов из 132.[218]

В своих официальных заявлениях лидеры ХАМАСа довольно категоричны. В частности, после выборов в парламент автономии глава этой организации в секторе Газа Махмуд аз-Захар заявил, что «Израиль должен убрать со своего флага две голубые полосы», которые, по его словам, означают реки Нил и Евфрат, и которые должны стать географическими пределами той территории, на которые претендует это государство.[219]

Несмотря на то, что ХАМАС не признает еврейское государство, он считает возможным «продолжительное перемирие» с Израилем, если последний вернется к границам, существовавшим до 6-дневной войны 1967 г. и признает законные права палестинцев. Тогда на Ближнем Востоке установится мир и безопасность, а между сторонами конфликта

---

[216] *ALSHARQ ALAWSAT.18/3/2005.*

[217] *AL. HAYAT 18/3/2005*

[218] *ХАМАС получил большинство мест в палестинском парламенте. // www. news-ru.ru.com/ detali/ all/0/ 38890.html.*

[219] *Макаров Д. Ближний Восток. ХАМАС победил. Что делать дальше? // „Аргументы и факты”, 2006, №5 (1318), с.2.*

будут соблюдаться ранее заключенные договора. Данное предложение принадлежит руководителю политического бюро этой радикальной организации, Халеду Мешаалу и было выдвинуто в интервью ВВС[220].

Согласившись на демократический эксперимент, которым, по существу, являлись парламентские выборы в Палестине, США и Евросоюз сразу после его проведения отказались от финансовой помощи новой власти в этом регионе. Израиль, ранее также направлявший на нужды автономии некоторые суммы, сейчас заморозил очередной их транш в размере 3,5 млн. долларов.

И все-таки израильская сторона сделала первый шаг в том, что касается выполнения своих обязательств по „Дорожной карты" и вывезла свои войска и поселенцев из сектора Газа. Второй шаг остаётся за палестинцами, которые должны, со своей стороны, ликвидировать террористические организации.

Но последние события из сектора Газа показывают, что правительство М.Аббаса не может полностью контролировать ситуацию в регионе. А после возвращения М.Аббаса из поездки в Америку и его заявления 25 октября 2005 г. о том, что "мы достигли принципиального взаимопонимания с американской стороной в том, что ХАМАС является частью палестинского народа и должен участвовать в выборах в законодательный совет"[221] стало ясно, что он не торопится выполнять своих обязательства в соответствии с планом „Дорожной карты".

В то же время палестинский лидер предложил израильской стороне начать секретные переговоры по основным вопросам окончательного урегулирования палестино-израильского конфликта, однако не встретил понимания со стороны Израиля и США.

В Израиле подобная инициатива была воспринята как попытка палестинского руководства уклониться от выполнения требований первого этапа „Дорожной карты", предусматривающих в частности „последовательные адресные и эффективные действия по ликвидации террористической инфраструктуры".

"Аббас пытается найти какие-то объездные пути, срезать дорогу, сразу перейти к обсуждению вопросов окончательного статуса. Это совершенно неприемлемо ни для нас, ни для американской администра-

[11] *Israelul trebuie să revină la granițele dinainte de 1967. // www.realitatea.tv.*

[12] *ПНА и США договорились об участии ХАМАСа в парламентских выборах. // http://www.news.ru/printable.?887193*

ции”, - приводит газета „Аль-Ахрам” слова высокопоставленного источника в политических кругах Израиля[222].

Апеллируя к „Дорожной карте”, Израиль отказывается вступать в диалог по вопросам окончательного урегулирования до выполнения палестинской стороной своих обязаательств в части противодействия терроризму[223].

Но как сообщило агенство АП, палестинские власти все же намерены предпринимать какие-то шаги. По сообщению того же источника, они намерены распустить радикальную группировку „Бригады мучеников аль-Аксы” и включить её членов в официальные силовые структуры.

План, который был представлен М.Аббасом, предполагает создание „в ближайшие недели” специальных лагерей для размещения боевиков и подготовку их к службе в рядах сил безопасности. Роспуск военнизированных группировок является одним из главных требований мирного плана „Дорожная карта”, без выполнения которого Израиль отказывается возобновлять политический диалог с палестинцами по основным вопросам ближневосточного урегулирования.[224]

Пока же мы остаемся свидетелями нерешительных действий со стороны палестинского руководства, а террористические группировки действуют последовательно и целеустремленно.

Так, 25 октября 2005 г. произошёл новый террористический акт в израильском городе Хадера. Взрыв унес жизни пятерых человек и по меньшей мере 30 человек получили ранения. Ответственность за взрыв взяла на себя экстремистская палестинская группировка „Исламский джихад”. Таким образом представители группировки ответили на убийство Луая Саади, одного из лидеров „Исламского джихада” на Западном берегу реки Иордан. Он погиб в перестрелке с израильскими солдатами в лагере беженцев в Тулькарме 24 октября 2005 года. Кроме того, 26 октября 2005 г. исполнилось 10 лет со дня убийства одного из лидеров „Исламского джихада” Фати Шекаки.[225]

---

[13] *«Аль-Ахрам» (на араб.яз.), 2005, 24 сентября.*

[14] *Израиль и США не поддержали инициативу Аббаса о секретных переговорах. //* http://www.news.ru/printable.?888112

[15] *Палестинские власти намерены распустить “Бригады мучеников аль-Аксы” //* http://www.news.ru/printable.?887304

[16] *Взрыв в израильском городе Хадера. //* http://www.news.ru/printable.html.?888837

Этот террористический акт не привел ни к чему, кроме новых обвинений в адрес палестинского руководства и стал поводом для Израиля начать новую антитеррористическую операцию против палестинских територий.

Глава израильского правительства Ариэль Шарон заявил 27 октября 2005 г., в начале встречи с главой МИД России Сергеем Лавровым: „К сожалению, палестинская администрация не предприняла никаких серьезных шагов для противодействия терроризма. Поэтому наши действия будут носить масштабный и непрекращающийся характер, пока продолжается террор”.[226]

Тем временем рано утром в среду 26 октября 2005 года израильские самолёты подвергли ракетному и артиллерийскому обстрелу город Бейт Ханун на севере сектора Газа, откуда, по их предположению, ведётся ракетный обстрел еврейских поселении. Буквально через несколько часов после этого из сектора Газа были выпущены две ракеты по поселению Сдерот на юге Израиля, одна из которых взорвалась на территории поселения. Аббас назвал такие действия некоторых палестинских движений „нелепыми, смешными и несерьезными”.

Лидер палестинцев также заявил, что “мы не приемлем израильскую агрессию в отношении Газы и осуждаем убийства палестинцев, но также не принимаем подобные глупые ответные меры, которые оборачиваются против нашего народа и не раз приводили к разрушениям на палестинской территории”. Палестинские власти распорядились разместить в районах на севере сектора Газа войска, чтобы предотвратить ракетные обстрелы израильских поселений.[227]

Из всего, что было сказано выше, можно сделать основной вывод: Махмуд Аббас должен решительно ликвидировать все террористические группировки. В этом он найдёт поддержку со стороны Израиля, США, ЕС, а также укрепит свою власть и доверие между конфликтующими сторонами. Помимо того, палестинское руководство должно создать такие государственные институты, которые бы в процессе своей деятельности смогли убедить жителей автономии, чтобы они отказались от таких радикальных мер ведения борьбы. Люди должны понять, что террористические методы борьбы, осуществлявшиеся более 50 лет, не дали ничего, кроме страданий и разрушений. В свою очередь, Израиль

[17] *Шарон обещает продолжить операцию на палестинских территориях. // http://www.news.ru/printable.html?889261*

[18] *Глава ПНА осудил израильскую агрессию в адрес палестинских территорий. // http://www.news.ru/printable.html.?888646*

должен последовательно исполнять взятые на себя в соответствии с „Дорожной картой". В случае же стабилизации ситуации в зоне палестино-израильского противостояния международное сообщество будет уделять все больше внимание восстановлению палестинской экономики.

По оценкам экспертов, в текущем году донорские ассигнования составляют в среднем 25 миллионов долларов в месяц. В частности, в 2005 г. в Рамалле было подписано соглашение между ПНА и Германией, предусматривающее выделение свыше 40 миллионов долларов на различные инфраструктурные проекты.[228] Но если развивать инфраструктуру, то её нужно сохранить. А для этого нужен мир.

По этому поводу высказывался и министр иностранных дел России Сергей Лавров, когда прибыл с официальным визитом в Израиль в октябре 2005 г. Он отметил, что для консолидации усилий для продвижения по пути к миру необходимо положить конец террору и насилию, избегать любых односторонних шагов, мешающих окончательному решению конфликта, продолжать наращивать усилия по пресечению терроризма, осуществлять диалог между Палестиной и Израилем в области безопасности и выполнять решение "квартета" посредников (Россия, США, Евросоюз и ООН) по реализации положений "Дорожной карты".[229]

Но, как показывают и последние события из ближневосточного региона, некоторые арабские государства продолжают использовать палестинскую проблему для достижения своих политических целей, проявляя явную заинтересованность в дестабилизации ситуации.

Об этом говорит и последнее выступление президента Исламской Республики Иран Махмуда Ахмадинежада на проходившей в столице страны Тегеране конференции "Мир без сионизма". Он призвал "стереть с лица земли" еврейское государство.[230]

В своём нашумевшем заявлении Ахмадинежад также выразил уверенность в том, что "новая волна борьбы палестинского народа с сионистским режимом поднимает моральный дух всех последователей ислама, и в скором времени навсегда сотрет это клеймо позора (Израиль) с исламского мира". Он подчеркнул, что „уход сионистского режима из

---

[19] *В ПНА надеются на материальную помощь из России. // http://www.news.ru/printable.html.?888549*

[20] *МИД: Российская Федерация, Палестина, Израиль должны быть союзниками в борьбе с террором. // http://www.news.ru/printable.html.?888946*

[21] *Иран следует исключить из ООН. // http://www.news.ru/printable.html.?888973*

сектора Газа - это новая провокация, рассчитанная на то, что после ухода с палестинских территорий исламские страны официально признают Израиль”.

Это еще раз доказывает, что в регионе есть ещё достаточно сил, которые заинтересованы в продолжении этого кризиса. Надо смотреть реально на вещи и сделать выводы из ошибки, сделанной в 1947 году, когда в соответствии с резолюцией 181 Генеральной Ассамблеи ООН принятой 29 ноября 1947 г. Палестина была разделена на две части – арабскую и еврейскую. Если бы положения этой резолюции были выполнены, может быть, на Ближнем Востоке был бы уже мир.

Сейчас уже другие реальности и окончательное урегулирование палестино-израильского конфликта, в соответствии с „Дорожной картой” должны основываться, на наш взгляд, на следующих реальных и справедливых для обеих сторон принципах:

– учёт прав и интересов обоих сторон;

– налаживание отношений на основе доверия и равноправия;

– укрепление позиций каждой стороны внутри страны и за её пределами;

– обеспечение равновесного и гибкого развития отношений сторон;

– взаимные гарантия безопасности;

– сотрудничество в экономическом развитии;

– взаимное признание национальных прав и суверенитета;

После создания этих благоприятных условий, стороны должны поставить перед собой и решить четыре основные проблемы – проблему беженцев, проблему израильских поселений, проблему Иерусалима и проблему обеспечения границ Палестины с Египтом и Иорданией.

1. Проблема беженцев является очень сложной, поскольку она имеет гуманитарный, экономический и политический аспекты. Для решения проблемы беженцев необходимы следующие действия:

а) Израиль должен признать права арабских беженцев в соответствии с положениями Резолюции 194 ГА ООН от 11 декабря 1948 года и их право вернуться на свою родину или право на получение компенсаций тем, кто не желает вернуться.

Но в связи с тем, что территория Палестины очень мала, это делает нереальным и практически невозможным возвращение всех палестинских беженцев на свои земли, так как их насчитывается почти пять миллионов человек. В этом случае:

б) необходимо разработать международный и региональный механизмы для решения проблем оставшихся за границей беженцев, которые включали бы:

- Принятие государствами, на территории которых проживают палестинские беженцы (Ливан, Сирия, Иордания, Египет, Ирак) всех, кто желает остаться в этих странах с предоставлением им гражданства и реальных компенсаций. С этой целью создается Международный фонд помощи - при участии высокоразвитых стран, арабских государств и Израиля.

- Получение странами, принимающими палестинских беженцев, компенсаций из этого фонда для создания необходимых для жизни условий оставшимся беженцам.

2. Проблема израильских поселений является важным пунктом для окончательного решения палестино-израильского конфликта. Это даст также возможность обьединить разделенные палестинские территории и создать жизнеспособное государство.

После ухода израильских войск и поселенцев из сектора Газа проблему поселений можно решать на основе компромисса. Для этого Израиль должен передать территории Западного берега реки Иордан, где после 1967 г. были построены его поселения, под контроль палестинских властей. Но если появится трудности с уходом израильских поселенцев, то палестинские власти должны гарантировать им те же гражданские права, как и у палестинцев, которые уже живут на этой территории. Для решения этой проблемы нужна лишь разумная воля со стороны палестинцев, ведь на территории Израиля живут почти миллион палестинцев, и они имеют те же гражданские права, что и евреи.

Проблема Иерусалима, вне сомнения, кроме правового, политического, материального аспекта, имеет еще и религиозный и идеологический характер. Исходя из этого, для решения проблемы Иерусалима необходима особая осторожность, принимая во внимание позиции и интересы обеих сторон. Несмотря на то, что Восточный Иерусалим находится в положении территорий, оккупированных в 1967 году и его статус определяется Резолюциями 242 и 338 Совета Безопасности ООН, эту проблему можно решить реально и логично, без проявления агрессивности и враждебности между сторонами и ущемления прав одной стороны в пользу другой.

Одной из самых спорных проблем в Иерусалиме в отношениях между арабами и евреями является район, где находится мечеть Аль-Акса, которую арабы считают вторым священным местом после Мекки. Но эти места считаются священным и для евреев, поскольку там находился храм царя Соломона, и они считают, что в этом месте должен находиться еврейский религиозный храм. В качестве решения нужно найти компромиссный вариант. Например, возвести еврейский религиозный

храм над мечетью Аль-Аксы, параллельно ей таким образом, чтобы между ними было какое-то расстояние.

Что касается Иерусалима в целом, то восточная часть этого города, вместе с более 150 тысячами евреев, которые живут рядом с почти таким же количеством палестинцев, должна перейти под контроль палестинских властей, где евреи должны иметь те же гражданские права, как и палестинцы.

В целом же Иерусалим должен быть открытым городом для всех религий.

4. Проблема обеспечения безопасности границ Палестины с Египтом и Иорданией, отражающая интересы национальной безопасности Израильского государства, может быть разрешена через создание трехсторонних комиссий (палестино-израильско-египетская и палестино-израильско-иорданская) на границе между Палестиной и Египтом и Палестиной и Иорданией с целью недопущения нелегального ввоза оружия.

Таким образом, палестинская сторона и будущее Палестинское государство отразит искренность своего намерения жить в мире и согласии с соседним Израильским государством.

Для всех заинтересованных сторон – России, США, Евросоюз при определении своей дальнейшей политики в регионе сейчас главным является не спешить с выводами и оценками деятельности противоборствующих сторон. Как известно, и Ясира Арафата, и израильского премьера Ариэля Шарона еще не так давно причисляли к террористам, хотя именно они в конечном счете немало сделали для урегулирования ближневосточного конфликта. Возможно, и нынешние палестинские лидеры очень скоро остепенятся и начнут примерять на себя тогу миротворцев.

Очевидно, что формирование самостоятельного палестинского государства будет продолжаться. Поэтому, как можно предположить, отношение как Израиля, так и международных посредников (США, ООН, Россия и Евросоюз) к этому процессу принципиально не изменится.

В конфликте на Ближнем Востоке нет правых и виновных. Нельзя сделать ничего более глупого, чем занять пропалестинскую или произраильскую позицию. И на той и на другой стороне есть влиятельные силы, стоящие за тот или иной вариант решения проблем. Человеческое измерение конфликта заключается в том, что очень жаль людей, гибнущих не по своей вине, а просто в силу сложившихся обстоятельств.

Литература

Барамки Г. Терроризм и израильско-палестинские отношения // Азия и Африка, 2005, №10, с.49-51.

Гойтейн Ш. Евреи и арабы. (Их связи на протяжении веков). - Москва, 2001.

Аббас возглавил ПНА. Израиль готовит спецоперацию. // http: // www. newsru.com/arch/world/ 15jan2005/phaizr.html.

Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению. // http:www.un.org./russian/peace/palestine/docs/oslo/pdf

Кон-Шербок Ден., Аль-Алами Дауд. Палестино-израильский конфликт: Две точки зрения. Пер. с англ. - Москва. 2002.

Кислов А. Арабо-израильский детонатор. // Международная жизнь, 2004, №9, с.68-76.

Мустафа Ф. Проблема Иерусалима в свете международного права. // Азия и Африка, №6, 2005, с.37-40.

Озеров О. Пост-Арафат Ближний Восток. // Международная жизнь, 2004, №11-12, с.148-163.

От Махмуда Аббаса ждут непростых решений. // http: //www.novopol.ru/material 1335-html.

Пырлин Е. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. – Москва, 2001.

Salem Abou E. Diferendul israeliano-palestinian şi căile soluţionării paşnice a acestuia. // Scientific and Tehnical Bulletin. Series: Economic Sciences & Sociology. Anul XI, Nr.10, Arad, 2005, p.93-97.

Suceveanu N. Procesul de pace în Orientul Apropiat în perioada actuală. // Analele Ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova. Seria „Ştiinţe socio-umanistice”, Vol.1. – Chişinău, 2001, p.250-258.

Федорченко А., Заицева А., Марьясис Д., Израиль в начале XXI века. – Москва, 2004.

Хаммад Ахмед. Право народа Палестины на образование независимого государства: международно-правовые аспекты. - Кишинев, 2004.

Сергей Лавров провел переговоры с премьер-министром Израиля. // http: // www.radiomayak.ru/interview/05/10/27/40132.html

Представлен в редакцию
12 января 2006 года

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ В ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ[231]

Иван ВАРЗАРЬ
Украина, Киев
Национальный Педагогический Университет им. М.П. Драгоманова
Кафедра Политических Наук,
доктор-хабилитат политических наук, профессор, член-корреспондент Украинской Академии Политических Наук

Пантелимон ВАРЗАРЬ
Республика Молдова, Кишинэу
Институт Политических Наук и Международных Отношений
Кафедра Международных Отношений, Политических Наук и Права,
доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник

In the present article there are examined some problems, obstructions and obstacles regarding Ukrainian's integration prospects into Euro-Atlantic structures. It is stated that, despite the fact that Ukraine and Moldova - two neighbor countries are situated in the middle of Europe, they are getting involved into European integration processes with a too low pace. A paradox that is warning for fresh and young political leaders that are into power, and less important for the political analysts. In the article the two authors underline the tendencies of the Ukraine's political development, its role and place in the context of the New Neighborhood Policy. It is emphasized the responsibility of the regional cooperation between Ukraine and Moldova regarding some important local problems as Transnistrian one, it is added the importance of cooperation in fields like European Integration. Motives and causes of the low chances of the integration are exposed and analyzed in comparison as well. Also the authors investigate in this article the huge efforts of the central authorities in the context of European Enlargement. These and other important problems are met on Ukraine's way to Euro-Atlantic integration are evaluated in the article from the comparative-investigation approach.

---

[231] *Рецензент – доктор исторических наук, профессор Ион САНДУ*

Человечество в детерминистских проекциях и убыстряющихся темпах интегрируется, становясь все более взаимозависимым и целостно глобализированным сообществом. Процесс этот объективируется на разносоциологических основах и историолого-сущностных уровнях, – этноисторических и георегиональных, экономико-культурных и континентальных, политико-государственнических и глобально-цивилизационных. *Первым геолокусом материализации феномена „интеграция народов-этносов, исторически сложившихся стран и политических государств в социум модернизирующейся цивилизованности"* оказалась Европа, акцентней всего – ее западная и центральная части, ментально закрепившиеся во всемирной историологии *слэнгом* „Старый Свет".

Предложенную понятийную новеллу мы намерены „апробировать" на реалиях относительно небольшого ареала Южно-Центральной Европы, – на реалиях славяно-романского региона, обрамленного геополитическими контурами сегодняшних Украины и отчасти Молдовы. Эти две страны создают, – будем надеяться, временно! – локус транзитного характера: с точки зрения географической, это – что ни на есть южно-центрально-европейские социумы, а с точки зрения социокультурной, – центрально-евразийские, среднеотсталые „осколки" еще недавно могучего СССР. В этой „неудобной позе" наши две страны пребывают последние 14-15 лет, – то есть всю полосу начального периода суверенизационной эпохи.

Однако следует констатировать, что эту несуразную дисфункцию в постсоветских странах далеко не все – хотя бы и про себя и для себя! – осмысливают и осознают. *„Как можно избавиться от любого нежелательного явления? Первое, что необходимо сделать, – осознать, что оно существует"*[232]. В первую голову этим „мозговым осмысливанием неудобных реалий" должны заниматься правящие и управляющие фигуры в политикумной среде соответствующих стран.

Как же тут обстоят дела? За годы политической независимости Украины успели – да на очень короткий отрезок времени – закрепиться, чтобы спешно и суматошно смениться, по *три волны „политических суверенизаторов"*: в Украине – это романтики, прагматики и оранжевые. В методологической призме нашей темы этих неоэлитных политиков и государственников объединяет одно, – горячее желание „уже на завтра" видеть наши, – увы! – обеднелые и „затурканные" постсоветские народы в лоне евроатлантической цивилизации. Желание, безусловно, пози-

---

[232] *Гумилев Л. Чтобы свеча не погасла. Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. – Москва, 2003, с.8.*

тивно, а вот при каких условиях и обстоятельствах оно объективно реализуемо, – это вряд ли им ведомо. Смысл всего ниже изложенного: мы хотим разобраться в историологии и политико-социологических „изгибах” указанной выше межфазной дисфункции.

1. Предварительные объяснительские примечания

Так уж случилось, что – „в самом центре” Европы – наименее охваченными интеграционными процессами оказалась Украина. Этот вопиющий парадокс почему-то больней тревожит практических политиков (и особенно тех, кто „только что стал у руля”), чем теоретических работников. Справедливости ради отметим, что только в последние годы стали появляться серьезные научные работы, посвященные процессам интеграции тех или иных стран в европейские структуры. Однако до сих пор отсутствуют работы, которые содержали бы сравнительный анализ проблем евроатлантической интеграции.

С недавних пор Украина объективно стала на маршруте евроатлантического вектора усилия по реализации концепций реанимации „*Великого Шелкового пути*” из Китая в Западную Европу, прокладки нефтепроводов из Центральной Азии в Западную Европу и Одесса – Гданьск – Западная Европа, а также многосмысловой концепции ГУАМ. В самое последнее время на украино-молдавский позитив вроде успешно стал работать „*План В.Ющенко*” относительно приднестровского урегулирования.

Все эти и другие проблемы принуждают современных политических элит постсоветских стран согласованно выбирать единообразный вектор развития. Но – куда? На Северо-Восток, от которого мы лишь недавно „оторвались”, оставив там солидный кусок родовой пуповины, или на Запад, из цивилизационно-ориентационных недр которого мы когда-то произошли? Известно, что политические новоэлитники Украины с десяток лет тому уже определились: *это – не просто европейский, а, точнее, – евроатлантический вектор*. Приходится, однако, признать, что это „самоопределение” – еще весьма сослагательный феномен, или, как уже констатировал один ныне уже отставной украинский политик, „*еще почти чисто политический выбор*”[233]. Неуправляемая диалектика соотношения и взаимодействия внутренних условий и внешних факторов развития может превратить эту сослагательность в нечто эфемерное

---

[233] *См.: Україна не може одночасно бути в митних союзах у межах ЄЕП і ЄС. // “Урядовий кур’єр”, 2005, 30 червня.*

из логического контекста украинской пословицы: „*Казала Настя, як удасться...*”.

2. С чего и как „зачиналась” современная объединенная Европа?

Генезис современной объединенной Европы восходит к середине 50-х годов XX столетия. В Северном полушарии крепчала классическая во всемирной политической истории „холодная война”, а мыслящие головы в западноевропейском политикуме тех дней над перспективами „Европы грядущего” уже начинали думать в антихэппининговом варианте, – словно по логике румынской поговорки: „*Nu zi „hop”, pînă n-ai sărit*”. Вот почему далеко не все западноевропейские политики и государственники к Западу от ГДР и СФРЮ спешили включиться в свое время в объявленный США „*Объединенный демократический фронт борьбы против кощунственного коммунизма*”. Вспомним, как „образцовый реваншистский буржуа” *К.Аденауэр,* рекомендуя *Л.Эрхарда* в качестве „канцлера будущей объединенной Германии”, выражал надежду на то, что тот, „*наверняка, сможет сладить как с капиталистами на Западе, так и с коммунистами на Востоке*”[234].

Нелишне напомнить и о том, что примерно в те же времена во многих капиталистических странах зачинались так называемые „демократические профсоюзы синих и белых воротничков” (состоявшие из „разложившихся” буржуазных гуманитарных ученых, „аполитичных инженеров” и технократических управленцев) и сугубо западноевропейское явление „еврокоммунизма”. Последнее „дошло” до нас с великим временным опозданием, – только к началу ‘90-х годов: в Украине первым рельефным „еврокоммунистом” оказался *Леонид Кравчук*. В призме нашей темы заметим: весьма показательна эта фигура в новейшей политической истории страны. Он первый у нас попробовал реализовывать на практике сентенцию - максиму *О.Бисмарка*: „*Лучший способ совладать с хаотическим движением в политической жизни, – это возглавить то движение*”[235].

Он так и сделал: не долго раздумывая, *Л.Кравчук*, возглавил в начале ‘90-х годов XX в. бесхарактерное и довольно хаотическое движение „политических романтиков”, исходивших словами „*про цілковиту незалежність України, а ... бандитам – тюрми*”, а также лишь зачином „*про невпинний рух України до Європи*”, заложив тем самым первые ре-

234 Цит. по: Ратиани Г. Наши на Рейне. // Международная жизнь, 1975, №4, с.62.

235 Бисмарк, О., фон. Мысли и воспоминания. В 3-х томах. Т. 3. / Пер. с нем. – Москва – Ленинград, 1932, с.109.

льефные камушки на проевропейском пути развития страны. Открыв Украине реальный путь к евроатлантическим рубежам, оказалось, что эти первые шаги были еще несмелыми, малокомпетентными и даже иллюзорными.

Возвращаясь однако к западному капиталистическому миру ‘50-х годов, отметим, что всепланетный политический миропорядок с тех пор все четче стал обозначаться математической формулой *„два на три”*: два „полюса” и три „ножки” миропорядка. Полюса прочно обозначились по линии Запад (США – Канада – Западная Европа – Япония) – Восток (СССР – социалистические страны Европы и Азии). Довольно долго в контекстах линейного соотношения сил между полюсами и „ножками” треугольников Западной Европе не находили адекватного местоположения и надлежащего „игрового поля”. Хотя уже тогда возник и всем стал „давать о себе знать” эмбрион современного Европейского Союза – „Европа-6”, и США тогда *„были очень довольны начавшейся европейской интеграцией...”*[236].

Но тогда даже в самом мудром документе эпохи – в *„Манифесте”* *А.Эйнштейна – Б.Рассела* (1955 г.) – о Западной Европе говорилось несколько невнятно. Десять лет спустя смелый и раскованный прогнозист *З.Бжезинский*, размечая на мировой политической карте свои знаменитые впоследствии *„кризисные дуги напряженности”*, впервые, насколько известно, высказался в пользу гипотетического *„отрыва от СССР”* и *„осторожного продвижения в сторону Западной Европы”* трех восточно-прибалтийских стран (Эстонии, Латвии и Литвы), Украины и Молдовы[237]. Однако, как выяснил недавно американский политический социолог *И.Валлерстайн*, именно с середины ‘60-х годов стимулирование США разноуровнево развитых европейских стран к вступлению в Евросоюз стало *„своеобразным способом снижения политической автономности Европейский Союз”*[238].

Когда же США и СССР как *„двум великанам, которые то и дело смотрят друг на друга через винтовочный прицел”*, – как когда-то отме-

---

[236] Цит. по: Власова О. Результат, обратный желаемому. Беседа с Иммануилом Валлерстайном. // Эксперт – Украина. Украинский деловой журнал, 2005, №19, 23-29 мая, с.69.

[237] Цит по: Кукулка Ю. Теория международных отношений. / Пер. с польск. – Москва, 1977, с.72.

[238] Власова О. Результат, обратный желаемому. Беседа с Иммануилом Валлерстайном. // Эксперт – Украина. Украинский деловой журнал, 2005, №19, 23-29 мая, с.70.

чал *У.Черчилль*[239], – приходилось „общаться" через Атлантический океан, – в подобных ситуациях прогрессирующим образом начинала оживляться Западная Европа, – и так постепенно возникали *„Западноевропейский Союз"*, *„Общий рынок"*, *„Европа 6-ти"*, *„Европа 12-ти"*, *„Европа 15-ти"* и – с весны 2004 года – *„Европа 25-ти"*. Последние десять стран-„евроволонтеров" – это „продукт распада" мировой социалистической системы. Но тут показательна специфика „поведенческого оживления" сугубо США: ратуя за вступление в Европейский Союз постсоциалистических стран, отмечал совсем недавно упомянутый *И.Валлерстайн*, США полагали, что с тех пор *„восточноевропейские народы будут более проамериканскими, и это опять-таки не позволит Европейскому Союзу стать слишком автономным"*[240].

И, – как сон в руку: эти ожидания США стремительно стали оправдываться после (надо полагать, пока короткой) серии новодемократических революций в Грузии, Украине и Кыргызстане. Заметно всем: США поддерживают ГУАМ и „борются с восточными диктатурами", настойчиво внедряясь в геополитические пределы Ближнего Востока и Центральной Азии. Однако тут же проявился неожиданный для многих парадокс: не на США, а на Западную Европу – сначала прижмурившись, а затем во все глаза! – стали „засматриваться" и мусульманские азиаты, европейцами являющиеся лишь в геополитическом отношении,– Азербайджан и Турция. Тут-то нас, постсоветских стран, задело за живое: *„А мы-то кто*?..". Вернемся, однако, в некоторую ретроспективу.

Западная Европа времен начала „холодной войны" и нынешних лет (начиная с '90-х годов XX века) – это *„две большие разницы"* или *кантовские „вещь в себе"* и *„вещь для нас"*. С середины '50-х годов XX века она стала консолидироваться по „принципу осевой сплоченности" рыцарских времен, а после краха СССР и мирового социализма обратилась к запределью уже на основе „принципа экстенсивно-лучевого влияния" на всех одноконтинентальников. Особо дифференциированными оказались акценты в адрес экс-социалистических „государственных жителей": из западноевропейских столиц на их эйфорически „самосуверенизировавшиеся" головы стали сыпать очень уж непривычные для них *принципы инкадрации стран и народов в подлинно цивилизованные условия жизнебытия:* (1) повсеместное уважение к священной частной

[239] *Цит. по: Кукулка Ю. Теория международных отношений. / Пер. с польск. – Москва, 1977, с.106.*

[240] *Цит. по: Власова О. Результат, обратный желаемому. Беседа с Иммануилом Валлерстайном. // Эксперт – Украина. Украинский деловой журнал, 2005, №19, 23-29 мая, с.70.*

собственности; (2) неукоснительная защита естественных и социальных прав человека, политического гражданина, народов и всевозможных этноисторических и социальных меньшинств; (3) безусловная подконтрольность гражданскому обществу государственных структур и политических институтов; (4) свободная жизнефункциональность этнических регионов и территориальных провинций многонародных стран и (5) бережное отношение к многоцветью этнокультур, языков, этических ценностей и политических ориентаций всех сущих во всех странах разноэтнических людей.

3.„Хронология заторможенного пути к Европейскому Союзу и НАТО” Украины

Уже после августовского (1991 г.) путча в Москве, когда и незрячему стали виднеться концовки реального социализма, западные европейцы предметней начали дифференциировать гипотетических членов будущей объединенной Европы. Весьма показателен факт, что среди первых списочных фаворитов (разумеется, после трех восточно-прибалтийских стран) оказалась и Украина. С ними – „предварительного характера” – меморандумы на этот счет были подписаны в декабре 1991 года и в феврале 1992 года. А „более обязующие” „*Соглашения о партнерстве и сотрудничестве*” с Украиной было заключено в апреле 1994 года, с Молдовой – в ноябре 1994 года. Оказывается, мы тогда были под самыми стенами Европейского Союза, а о НАТО тогда Украина и „не мечтала”. На протяжении 1992-1994 годов в кулуарах западноевропейских столиц последовательно апробировались три списка будущих членов Европейского Союза. И уже с начала 1995 года гипотетических неофитов стали методично „мониторить” на предмет их объективной готовности / неготовности реально войти когда-нибудь во врата рая, о котором несколько эйфорично когда-то говорил молдавский экс-премьер *М. Друк*.

После сурового мониторинга 1997 года ряд стран оказались во втором приоритетном списке, – с наметкой приема в Европейский Союз в 2000 году; после второго же, еще более сурового мониторинга (1999 года), некоторые из них... отложили „на потом”. Крайне же суровый мониторинг 2001 года (а) значительно скорректировал ранее составленные списки; (б) выявил объективную готовность вступления в Европейский Союз тринадцати стран (это событие уже имело место 1 мая 2004 года); (в) определил двухчленный список приема в Европейский Союз лишь Румынии и Болгарии (на 2007 год), а (г) Украину, Молдову и Турцию

включил в мало вдохновляющий список „*надежных перспективных соседей Европейского Союза*”.

С конца 1997 года, по мере упорного расширения геополитических пределов и Европейского Союза, и НАТО на Восток, шансы Украины и Молдовы стали зримо и угрожающе уменьшаться. На нейтрализацию самой по себе нежелательной этой гипотетики правящий в наших странах политикум начинает предпринимать, казалось бы, „очень решительные” и „несомненно эффективные” в перспективном смысле шаги: в европейских столицах – да по нашей просьбе – систематически организовывались всевозможные встречи и консультации по „уточнению” темпов и конкретных мер „усиления готовности” стран „органично влиться” в общеевропейский и сугубо евроатлантический цивилизационный процесс; в благополучные, развитые и давно „влившиеся” во всечеловечески цивилизованое лоно страны мы постоянно посылали группы „компетентных специалистов” с целью изучения тамошнего опыта и утилизации его уроков и достижений у себя дома; нашими парламентами принимались, извне судя, „эффективные правотворческие меры” по усовершенствованию внутреннего законодательства и его „подгонке” под евро- и атлантические стандарты политико-правового мышления и действия „в режиме *comme il faut*”; в оргиерархиях наших правительств в последние годы стало модно выделять или отдельное министерство (департамент) или даже специального вице-премьера правительства по вопросам европейской интеграции; не справившись с вопиющей внутренней неграмотностью – особенно нашего сельского – населения, в некоторых вузах Украины стали читать теоретические курсы по культурно-исторической евровизии и современным евроатлантическим проблемам. Да и со стороны бюрократических, финансово-кредитных и научно-консультативных структур Европейского Союза и НАТО, – тоже шли нам навстречу, и тоже „с добрыми намерениями”, о чем свидетельствует хотя бы факт проведения почти ежегодных *саммитовых* встреч и бесед „на высшем уровне”.

Одни исследователи весь комплекс причин „неинтегративности” посткоммунистических стран видят, так сказать, „на нашей части поля” (виноват, мол, наш политический класс), то другие исследователи той же проблемы всю коллизийную закавыку, вроде бы, видят в иной плоскости. В частности, украинская исследовательница *О.Брусиловская* в конце 2002 года констатировала: беда в том, что всю полосу 90-х годов XX века „*Запад смотрел на Украину как на страну, которая не близка*

ему в общецивилизационном смысле”[241]. Акцент делается, как видно, на тот же политический класс, в адрес которого метит стрелы и новый Президент Украины *В.А.Ющенко*: все годы политико-государственной суверенизации страны *„мы были независимыми, но мы не были свободными...”*[242].

Вот и выходит, что вся тайна недоцивилизованного бытия страны коренится в нездоровой, недореформированной политической сфере, – точнее: в недоцивилизованности основных политико-государственных институтов. А что же они, – эти институты? Экс-глава одного и главного из них, – правленческого, *Л.Д.Кучма*, выступая на очередном саммите „Украина – ЕС” (Варшава, сентябрь 2004 г.), в сердцах констатировал: *„...Мы готовы ждать членства в Европейском Союзе хоть 50 лет, – но дайте же нам реальный сигнал о готовности самой Европы видеть нас там...”*[243]. Но дело не в „сигналах”, – хотя и таковых в адрес Украины было вдосталь. Дело в иной плоскости, – в нашей объективной неготовности стать аутентичными компонентами объединенной Европы и евроатлантической системы обороны по-настоящему цивилизованных народов.

4.Что же с Украиной сталось в первые политически суверенные годы?

В постсоциалистической Южно-Центральной Европе все более транспарентной для интенсифицирующегося общественного сознания стала *социально-политическая новоинтеграционная триада: зависимость – независимость – взаимозависимость.* Дело в том, что постсоветские страны – волею исторических обстоятельств – долгое время были политически *зависимыми* от более сильных соседей; с начала 90-х годов ХХ в. они оказались *независимыми* в „чисто” государственно-политическом смысле, но мировая глобализирующаяся обстановка тут же стала повелительно принуждать к тому, чтобы они как можно оперативней включились во всемирный процесс *взаимозависимого развития,* – в противном случае они могут не сберечь и того, что приобрели на суверенизационных путях, и отстанут от всего мира, быть может, навсегда... Кто в новых независимых странах всего этого еще не понимает или, понимая,

---

[241] *Брусиловська О. Україна і Румунія у 90-ті роки: досвід системної трансформації та міждержавного співробітництва. // Україна – Румунія – Молдова. Історичні, політичні та культурні аспекти взаємин. – Чернівці, 2002, с.267.*

[242] *Цит. по: Ми незалежні і вільні. // “Голос України”, 2005, 5 січня.*

[243] *См.: Точного сигналу від ЄС не дочекалися. // “Урядовий кур’єр”, 2004, 23 вересня.*

действует вопреки логике триады, тот уподобляется тем английским чудакам, которые в начале XIX в., желая остановить промышленно-технический прогресс, упорно игнорируя паровозные сигналы, ехали по железнодорожному полотну на воловьих повозках да навстречу поезду... Подобное „чудачество" демонстрируют, наверняка осознанно, российские политики, навязывая аутентичным европейским странам – временами четко и адресно: именно Украине, да и Молдове, – евразийское Единое Экономическое Пространство вместо Европейского Союза, узкогрупповой Таможенный союз вместо ВОТ. На что недавно последовал однозначный ответ: *„Украина не может одновременно быть в таможенных союзах в пределах и ЕЭП, и ЕС*", потому что *она „давно уже политически для себя решила, какую систему ценностей и ориентации выбирает, – это система Евросоюза*"[244].

Видимо, не погрешим нисколько перед истиной, констатируя: в объективной плоскости вопроса, новые независимые страны и народы, – увы! – еще не „современные европейцы". В Молдове, отмечал некоторое время назад профессор *А.Морару, „общество осталось с теми же культурными и духовными ценностями, с которыми оно жило предыдущие пятьдесят лет*"[245]. Да и ценности те, добавил бы мы словами *Дж.Сороса, – „московско-суздальские, а не латино-европейские*". Ибо сегодняшняя Молдова – *„это своеобразный протекторат России*", ее же политический класс – *„вчерашние наследия (византийского) номенклатурщики, ставшие демократами за одну ночь*", а потому ныне этот класс, *„руководимый кем-то из тени*", *„скорее ориентируется в сторону Азии, чем цивилизованной Европы*"[246].

Буквально в последние полгода своеобразным „испытательным полем" апробации всего арсенала популистского прагматизма стал украинский парламент. И самое парадоксальное, наверное, в том, что чаще всего популистская прагматика „апробируется на почве" основных и „горячих" евроатлантических проблем Украины, – признания ее страной с рыночной экономикой, приема во ВОТ, членства в НАТО и „определения точной даты" ее перспективного вхождения в Евросоюз. На этой-то почве постоянно сталкиваются разновекторные устремления и разносмысловые интересы разноуровневых ветвей политической власти

---

[244] *Цит. по: Україна не може одночасно бути в митних союзах у межах ЄЕП і ЄС. //"Урядовий кур'єр", 2005, 30 червня.*

[245] *См.: Filosofie, Știintă, Politică: realizări, implementări, perspective (materialele conferinței internaționale, 28-29 noiembrie 2002. – Chișinău, 2003, p.48.*

[246] *Там же, р.46-47.*

и властно-управленческих институтов. Неопрагматические репрезентанты этих разнородных сил, отмечал недавно глава парламента *В.М.Литвин*, на почве указанных проблем ведут себя весьма нереспектабельно, *„требуя при этом, чтобы нас считали европейской страной и впустили в Европу”*[247]. Эти алогизмы неприятно ярко и броско проявились в Украине во время сентябрьского (2005 г.) политического кризиса.

„Возделывание нашего сада” – *versus* „построение объединенной Европы у себя дома”. На это, подчеркивал недавно Президент *В.А.Ющенко*, и направлены помыслы и действия новой исполнительной власти, – *„на утверждение в Украине европейских политических, социальных, экономических и гуманитарных стандартов, ... на реализацию в нашей жизни благородных идеалов человеческого достоинства, справедливости, свободы и демократии...”*[248].

5. Об основных предпосылках и условиях „достижения у себя дома” надлежащих евроатлантических стандартов

ЕС, НАТО, ВОТ и любым иным международным цивилизованным ассоциациям не нужны бесхарактерные „потребители”, слабосильные нетрудяги, инфантильные голяки или патерналистски настроенные „государственные жители”, вечно ожидающие осчастливливания извне, без приложения собственных физических усилий и личных интеллектуальных напряжений. Цивилизованные собственными рачениями люди „терпят” только себе подобных и равных себе, – да и то временно. *„Естественная свобода человека*, – писал в начале XVIII века великий просветитель *Дж.Вико, – тем более неукротима, чем ближе связаны блага с его собственным телом… Люди сначала стараются выйти из подчинения и жаждут равенства… Потом они стараются превзойти равных… Наконец, они хотят поставить себя выше законов…”*[249] (везде подч. Нами – И.В., П.В.).

Сегодня, вожделенно озираясь на благоустроенную Европу, можно поставить перед собой хотя бы такие не-зряшные вопросы: Каковой, – уже судя по действующим евроатлантическим стандартам, – должна

---

[247] *См.: Парламент уберіг країну від внутрішнього конфлікту, причому силового виміру. З виступу Голови Верховної Ради України В.М.Литвина при закритті сьомої сесії ВРУ сьомого скликання, 8 липня 2005 р. // “Голос України”, 2005, 9 липня.*

[248] *Президент України Віктор Ющенко. Привітання з нагоди Дня Конституції. // “Урядовий кур’єр”, 2005, 30 червня.*

[249] *См.: Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. / Пер. с итал. – Москва – Киев, 1994, с.99.*

быть наша предстартовая „домашняя подготовка" для постепенного и не-волюнтарного вхождения в лоно объединенной Европы? От какого „греховного наследия" прошлого мы уверенно и навсегда должны отказаться? Каких свершений мы должны немедленно начинать добиваться на евроатлантическом векторе развития? *Три группы задач* представляются тут абсолютно безальтернативными и безотлагательными.

Во-первых, компетентное, а не эмоционально-ситуативное отношение к революции и реформе как к незаменимым политическим способам общественных преобразований. Во всем мире и всегда было и есть лишь *три политических способа общественных преобразований*, – а) *революция*, б) *реформа* и в) *поссибилистика* (приспособление к создавшейся обстановке). В западноевропейских странах никто не хулит свое революционное прошлое, но в качестве наиболее эффективного инструмента преобразования настоящего и приближения будущего мало кто уже всерьез на революцию рассчитывает, – *везде бал правит основательная социальная реформа*. А у нас – не как у них. В первые суверенизационные годы украинские романтики всячески и без особого разбора хулили все известные мировые революции, особо акцентируясь на „злодеяниях" Октябрьской революции 1917 года в России. Они публично почитали лишь шесть социальных революций во всемирной политической истории, – три иностранные („счастливую революцию" *О.Кромвеля* в Англии середины XVII в. и буржуазно-демократические революции в США и Франции конца XVIII в.) и три свои (революционно-освободительную войну *Б.Хмельницкого* середины XVII в., национально-освободительную революцию в Украине 1917-1920 гг. и диссидентскую „бархатную" революцию в Украине конца ‘80-х – начала ‘90-х годов XX в.).

Известно, что внешнеполитический эффект правления украинских романтиков оказался весьма позитивным: на Украину стали обращать акцентное внимание именно революционные в прошлом страны и народы, именно антикоммунистически настроенные политико-культурнические круги ближнего и дальнего зарубежья. Как результат, формально независимая страна „стала модной" в мире, ее „валом" признавали, заключали с ней дипломатические отношения, а сугубо западные европейцы – эйфорично стали включать в свои, указанные выше „ориентационные списки" вступления в члены ВОТ, Европейский Союз, НАТО и т.д. Более того, Евросоюз заключил 9 декабря 2004 года *План действий* с Украиной, Тунисом, Израилем, Марокко, Иорданией и Палестинской Автономией, а 22 февраля 2005 года такой же *План* был подписан и с Молдовой с далеко идущими последствиями.

И все же, если говорить о внутренней политике Украины и других постсоветских стран, то в практической политике всех течений и команд наших властей почти все получается здесь „с точностью до наоборот”. Воспитанные западные европейцы подобного популизма своим политикам и государственникам не позволяют, – именно в этом пункте и состоит, по-видимому, „секрет” провала недавнего (мая 2005 г.) референдума в Нидерландах и Франции по поводу *„всенародной и всеевропейской легитимации” Конституции Европейского Союза*. Думается, не прав в своей оценке *А.Глюксман*, утверждая: провальный нидерландско-французский прецедент *„есть сигнал краха миссии Европейский Союз” и что „эпоха братства европейских народов подошла к концу”*[250].

„Крахнуть” начала не миссия Европейского Союза, а старая кратологическая *идея о „незаменимой руководящей роли государства во всяком человеческом обществе*”, – ибо ведь *„Всеевропейская конституция*” в редакции *В. Жискар Д'Эстена* объективно несет на себе отпечаток *космополитической концепции „наднационального государства*”. В давно цивилизованных странах Европы подчас трудно переносят на плече своем „тяжелую руку” родного государства, – а тут тебе навязывают еще какую-то *„наднациональную волю*”.

Политологический анализ сложившейся в Украине ситуации показывает на объективную необходимость проведения серии давно-давно назревших социальных реформ. Особо же неотложными, – буквально под титулом: *memento mori*! – являются сферные реформы: политическая, экономическая и этноисторическая. Относительно последней реформы да на фоне евроатлантических ориентаций страны очень показательна тут точка зрения упомянутого уже *И.Валлерстайна*: ставя Украину в один ряд с Турцией (мы бы добавили Болгарию, Румынию, Молдову и Хорватию), он отмечает, что *„для будущего Европейского Союза один из самых важных вопросов является урегулирование прав национальных меньшинств. Сейчас там уже есть большие проблемы с представлением этих прав мусульманам-иммигрантам, … в ближайшем будущем какие-нибудь каталонцы будут так же несчастливы…”*[251]. А тут, мол, Украина со своим „ворохом” реформациологических проблем в этноминоритетной области политики и геополитики „настоятельно” просится в Европейский Союз... Есть над чем кручиниться, если посмо-

---

[250] *Цит. по: Сканя В. Провал? Судьбы евроконституции и украинской евроинтеграции тесно связаны. // «Киевский телеграф», 2005, 3-9 июня.*

[251] *Цит. по: Власова О. Результат, обратный желаемому. Беседа с Иммануилом Валлерстайном. // Эксперт – Украина. Украинский деловой журнал, 2005, №19, 23-29 мая, с.78.*

треть на реформациологическую картину в целом: те социальные реформы, к которым „оранжевые" вроде бы „предметно приступили" (приватизационная, судебно-правовая, административно-территориальная и др.), а также те, которые они „осторожно обходят" (конституционная, муниципальная, региональная и др.), – это же тот же „дым от старого тлеющего костра".

И в других постсоветских странах ситуация такая же неутешительная, – как в Украине. Однако, есть и *специфически „местные" нюансы*, в Молдове имея в виду прежде всего „замороженный" приднестровский конфликт. Правда, в последнее время некоторый „луч надежды" появился со стороны Украины, – „заработал" так называемый *„план Ющенко"* относительно разрешения приднестровского конфликта, который серьезнейшим образом вообще тормозит все трансформационные процессы в Молдове. В этом контексте следует особо отметить, что 22 июля 2005 года по инициативе Президента страны *В.Воронина* Парламент Республики Молдова утвердил *Закон об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)*, в котором восточному региону страны предоставляется *статус особой автономной административно-территориальной единицы*[252].

Во-вторых, политический гражданин, зрелое гражданское общество и интерэтническая политическая нация – *„трехопорный мост"* на пути к объединенной Европе. В новых независимых странах необходим радикальный мировоззренческий переворот – в головах народных и – особенно! – в головах политических элитных личностей, – в вопросе о судьбоносном значении фактора построения в базисе бытия *зрелого гражданского общества*, а в надстройке – *интерэтнической политической нации*. Только тогда наши полиэтнические народы станут надежными источниками политической власти, а политические нации – адекватными носителями их воли и устремлений в будущее и – что очень важно! – компетентными полпредами наших стран на мировой арене, в том числе – в Европейский Союз, НАТО, ВОТ и др. Лишь тогда другие европейские народы признают нас равнодостойными себе и начнут с нами „диалог равных".

Коротко обозначим лишь общие „полосы" и „зоны" бытия вокруг указанных *трех „соединительных мостов"* новых независимых стран и стран-членов Европейского Союза и НАТО: политический гражданин, гражданское общество и относительно тонкий слой сознательно политически активных и сознательно платящих налоги граждане. Суммарно

---

[252] *См. более подробно: «Moldova Suverană», 2005, 11 august.*

подчеркнем свою мысль: эти *четыре микропрослойки элитных людей* – политически и конструктивно активных, широко мыслящих патриотов и сознательных налогоплательщиков, – они и составляют качественно-количественные иерархии *единострановой политической нации*. В многонародной (полиэтнической) стране она объективно должна быть (или хотя бы иметь внятно рельефный вид) интерэтнической, полиэтнической ассоциацией единомыслящих и единодействующих людей. Иерархии и структуры единострановой политической нации, как правило, „пронизывают" *две группки лидерских личностей*, которые не имеют „постоянной прописки" и „единопризнанного профиля деятельности". Это – „*лисы*" и „*львы*" в элитологической концепции *В.Парето*. Это настоящие „*бомжи*" – в позитивном звучании слова, жизненным кредо которых может быть древнелатинская максима: „*Ubi bene, ibi patria*".

В-третьих. О политической элите вообще. В процессе реализации предыдущей задачи нам следует настойчивей прежних времен „выращивать" собственные элиты людей интеллектуально продвинутых, новаторски мыслящих и конструктивно действующих, – особенно же в политической сфере. Эти элитные группы единомыслящих и единодействующих людей принято называть „*политическими партиями*". Из их среды – через электоральные, плебисцитарные и институциональные („назначенческие") процессы – мы бы могли выдвигать к рулю политического правления странами и государственного управления делами наших гражданских обществ. Этот профессионально грамотный политикум именуется на Западе еще и „*правовым государством*". Далее просто недопустима ситуация, когда, например, на законотворческую работу в парламент народ выдвигает „без разбору" и „за взятку" лирических поэтов, оперных певцов, колхозных бухгалтеров, атакующих футболистов или „чистых" нуворишей-бизнесменов. И еще более того недопустимо автоматическое, неосмысленное одобрение народом „самовыдвиженцев" на правленческий помост, – и особенно тех крайне непрофессиональных волюнтаристов, которые, как потом выясняется, просто хотят „порулить страной", а то и элементарно „подзаработать на безбедную жизнь".

Таковы издержки нашего непрофессионализма в политической, самой сложной и легко уязвимой сфере общественной жизни. По этому показателю нашей недоцивилизованности в мире будут и впредь судить о мере готовности Украины влиться в лоно объединенной Европы. В итоге эта страна от объединенной Европы и „мирного НАТО" пребывает на весьма дальних подступах. Подумать только: а нам ведь не надо

„входить” в Европу, – нам просто хочется „вернуться” туда, где мы генетически были всегда...

А как обстоят дела в Молдове? Хотелось бы узнать мнение наших молдавских коллег.

Литература

Бисмарк О., фон. Мысли и воспоминания. В 3-х томах. Т.3. / Пер. с нем. – Москва - Ленинград, 1932.

Брусиловська О. Україна і Румунія у 90-ті роки: досвід системної трансформації та міждержавного співробітництва. // Україна – Румунія – Молдова. Історичні, політичні та культурні аспекти взаємин. – Чернівці, 2002.

Варзарь И. В Молдове – революция. А в Украине аукнется? // «Украина и мир сегодня», 2001, 28 апреля, 11 мая.

Варзар І. Із контекстів минулих літ. Вибране. Книга 1: Держава і народ-етнос у політологічному дискурсі. – Київ, 2003.

Varzari P. Introducere în elitologie (Studiu). – Chişinău, 2003.

Vasilescu Gr. Unificarea europeană: principii filosofice. – Chişinău, 2005.

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. / Пер. с итал. – Москва – Киев, 1994.

Власова О. Результат, обратно желаемому. Беседа с Иммануилом Валлерстайном. // Эксперт – Украина. Украинский деловой журнал, 2005, № 19, 23-29 мая.

Wallace H., Wallace W. Procesul politic în Uniunea Europeană. / Ed. a 4-a. – Chişinău, 2004.

Гумилев Л. Чтобы свеча не погасла. Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. – Москва, 2003.

Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. / Б.Коппитерс и др.; с комментар. Н.Попеску и Г.Нодия; пер. с англ. – Москва. 2005.

Filosofie**.** Ştiinţă, Politică: realizări, implementări, perspective (materialele conferinţei internaţionale, 28-29 noiembrie 2002). / Coord. V.Ţapoc. – Chişinău, 2003.

Integrarea europeană: filosofie, politică, cultură (materialele conferinţei internaţionale, 19-20 noiembrie 2004). / Coord. V.Ţapoc şi A.Roşca. – Chişinău, 2005.

Киктенко О. Встреча премьеров удалась. // «Независимость», 1992, 16 февраля.

Кишинів готовий надати Тирасполю автономію. // «Голос України», 2005, 15 липня.

Legea cu privire la prevederile de bază ale statutului juridic special al localităților din stînga Nistrului (Transnistria). // «Moldova Suverană», 2005, 11 august.

Кукулка Ю. Теория международных отношений. / Пер. с польск. – Москва, 1977.

Ми незалежні і вільні. // «Голос України», 2005, 5 січня.

Парламент уберіг країну від внутрішнього конфлікту, причому силового виміру. З виступу Голови Верховної Ради України В.М.Литвина при закритті сьомої сесії ВРУ сьомого скликання, 8 липня 2005 р. // «Голос України», 2005, 9 липня.

Президент України Віктор Ющенко. Привітання з нагоди Дня Конституції. // «Урядовий кур'єр», 2005, 30 червня.

Ратиани Г. Наши на Рейне. // Международная жизнь, 1975, №4.

Сканя В. Провал? Судьбы евроконституции и украинской евроинтеграции тесно связаны. // «Киевский телеграф», 2005, 3-9 июня.

SUA la începutul mileniului III (materialele conferinței naționale în Studii Americane). / Coord. Gr.Vasilescu. – Chişinău, 2005.

Точного сигналу від ЄС не дочекалися. // «Урядовий кур'єр», 2004, 23 вересня.

Україна не може одночасно бути в митних союзах у межах ЄЕП і ЄС. // «Урядовий кур'єр», 2005, 30 червня.

Unificarea europeană: filosofie, politică, mentalitate (materialele conferinței internaționale). / Coord. Gr.Vasilescu. – Chişinău, 2003.

Unificarea europeană: filosofia diversității (materialele conferinței internaționale). / Coord. Gr.Vasilescu. – Chişinău, 2004.

Unificarea europeană: filosofia viitorului (materialele conferinței internaționale). / Coord. Gr.Vasilescu.   Chişinău, 2005

Поступила в редакцию
16 января 2006 года

COMPARTIMENTUL
BIBLIOGLOBUS & INFO

ФЕНОМЕН АДАПТАЦИИ НЕРУМЫНОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА К АВТОХТОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ПОДХОДЫ И РЕАЛЬНОСТИ[253]

Виктор САКА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский государственный университет
Факультет международных отношений, политических и административных наук
Кафедра политических и административных наук
профессор, доктор-хабилитат политических наук,

Алина МОРОЗАН
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский государственный университет
Факультет международных отношений, политических и административных наук
Кафедра политических и административных наук
преподаватель, доктор политических наук

The article examines N.Cojocaru scientific work regarding the problem of adaptation of the non-national speaker language of the Republic of Moldova to ethnic indigenous habitat. The state of the Republic of Moldova tends to a just and an equilibrated development of the relationship between ethnos co-existing on the territory of Moldova. To achieve this goal there were founded governmental and nongovernmental institutions which duly regulate this relationship. Moreover, the adoption of the relevant legislation on the national minorities' rights and obligations had been continuously supported, actions contributing to the qualitative and quantitative evolution of the adaptation and integration policy had been encouraged, contributing thus to the consolidation of the state and social stability.

---

[253] *Посредством данной статьи авторы высказывают мнение о работе Н.Кожокару «Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде».- Кишинэу: Tehnica-Info, 2004, 136 с.*

We proceeded from the fact that the situation in the Republic of Moldova bears essential features that can be discovered in different forms in the majority of countries of Central and Southeastern Europe. Throughout its history, the ethnic composition of the population of the Republic of Moldova has suffered essential changes. After World War II, Soviet authorities insistently promoted, although by more subtle methods, the colonization and Russification policy for this territory. A false theory was imposed about the existence of two different languages. Schools with instruction in the mother tongue existed only in the province. Almost all university education was organized in Russian; there were no schools with Ukrainian, Gagauz, and Bulgarian as instruction languages. When independence was declared, the Republic of Moldova inherited a number of problems caused by forced Russification policy and suppressed national identity of Moldovans (Romanians), Ukrainians, Gagauz, Bulgarians, etc.

Демократизация общества и осуществление её проевропейских стремлений являются ключевыми факторами, исключительной важности для полиэтнических стран, в том числе для Республики Молдова. Особую роль в данном случае имеет этническая толерантность и высокая степень национальной сплочённости, а также сближение и сотрудничество существующих этнических групп. Данный фактор становится побудительной причиной адаптации иноязычных этнических общностей к автохтонной этнической среде, освоения ими автохтонных духовных ценностей.

В настоящее время особую важность приобретает правильная, адекватная интерпретация национально-этнической парадигмы, поэтому и стала очевидной потребность в осуществлении исследований в данной области науки. Таким исследованием вполне можно считать монографию доктора философских наук Николае Кожокару «Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде», которая представляет большой интерес не только для учёных, но и для представителей этнополитической практики страны. В Республике Молдова подобные исследования не проводились до разработки данной монографии.

Отметим, что во вступительной главе автор обосновывает ряд важных положений, которые в целом могут соответствовать необходимому уровню адаптации примерно одной трети населения Республики Молдова (рассматриваемого автором как иноязычное население) к духовным ценностям, созданным восточнопрутскими молдаванами. Данный тип адаптации будет включать следующие аспекты:

а) новую эволюцию и перспектвное развитие страны;

б) достижение в молдавском обществе оптимального уровня социальной справедливости и интеграции;

г) формирование общепризнанных интересов и целей общественного характера, которые смогли бы объединить абсолютное большинство членов общества;

д) реальное сближение между иноязычным населением и представителями титульной нации.

Хотелось бы отметить отношение автора к тем серьёзным последствиям для общества, которые могут исходить при дальнейшем сдерживании процесса адаптации. Недопущение такого положения предполагает *ab initio* адекватный уровень познания, реализацию специальных исследований в данной области.

Во-первых, такие исследования не были значимыми в условиях советского тоталитарного режима, поскольку как отмечает Н.Кожокару, под маской декларации о «процветании и сближении наций», все межэтнические отношения и исследования в данной области были ориентированы главным образом на денационализацию и русификацию не только автохтонного населения, но и остальных этнических групп, которые проживали в республике.

Во-вторых, мы согласны с автором, что проведённые до сегодняшнего дня исследования процессов адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде, совершенно недостаточны. Особую роль проблема межэтнических отношений играет в период, последовавший после декларации независимости Республики Молдова. В этот период внимание исследователей было обращено на проблемы межэтнической диффузии и национальной самоидентификации в Республике Молдова, соблюдение прав и свобод национальных меньшинств на базе европейского опыта[254]. Однако эти проблемы не были соотнесены с фактором адаптации к автохтонной этнической среде.

Даже в публикациях в чьих названиях фигурирует синтагма «интеграция национальных меньшинств в общество», проблема адаптации к

---

[254] *Шорников П. Межэтническая дифузия и национальная самоидентификация в Молдове. // Moldova între Est şi Vest: identitatea naţională şi orientarea europeană. – Chişinău: CAPTES, 2001, p.226-236; Визитей Н. О перспективах модернизации модели межэтнических отношений в Молдове на базе европейского опыта. // Minorităţile naţionale şi relaţiile interetnice: tradiţia europeană şi experienţa noilor democraţii pentru Moldova. Vol.II. - Iaşi: Pan Europe, 2002, p.223-230 и др.*

автохтонным ценностям не исследуется как обязательный феномен[255]. Известен тот факт, что интеграция национальных меньшинств в автохтонную среду, то есть их включение в единое целое, возможно лишь путем приспособления к данной среде, к её этнической субстанции. И потому очень важно, чтобы специалисты в области этнополитической науки разработали, учитывая специфику Республики Молдова, оптимальные пути адаптации национальных меньшинств.

Дефицит исследования в научных кругах страны проблем адаптации прямо связан с отсутствием интереса и желания правящих кругов поддерживать процесс адаптации, и соответственно, процесс эффективной интеграции национальных меньшинств в автохтонную этническую среду. В этой связи автор отмечает, что власть (в равной мере и оппозиция - В.С., А.М.) в Республике Молдова не была в состоянии стимулировать подобные исследования, а тем более, организовать и осуществить их на практике.

Отметим, что работа отличается логичностью содержания и формы, хорошо аргументированной актуальностью и уровнем исследования темы, ясностью и строгостью определения целей и используемых методов, успешным структурированием и анализом. Автор реализовал оригинальное исследование, ему удалось с помощью теоретических и эмпирических методов, придать ей научно-аналитический характер, хорошо интегрировать главы и параграфы.

Особую ценность представляет первая глава книги, в которой автор обращаеь внимание на необходимость и сущность адаптации нерумыноязычного населения к автохтонной этнической среде. Автор исходит, главным образом, из социального фактора адаптации, определяя его как комплексную составляющую общеадаптационного процесса. Выделим для начала бифакториальный подход к анализу концепта адаптации. Последний был изучен не только как самостоятельный фактор, но и в тесной связи с объектом исследования (феномен автохтонной среды), а также с самими терминами «автохтонный» и «коренной житель». Подчеркнем, что теоретизация данного субъекта и исследуемого объекта (автохтонная этническая среда) не оторваны от социальной реальности, находят своё выражение в молдавском обществе.

---

[255] *Червенков Н. Болгары Молдовы: идентичность и интеграция. // Moldova între Est şi Vest: identitatea naţională şi orientarea europeană. – Chişinău: CAPTES, 2001, p.28-34; Procesele integraţioniste din Republica Moldova. Elaborarea strategiei naţionale. - Chişinău: Vector, 2000; Morozan A. Minorităţile naţionale în Republica Moldova: starea şi problemele de integrare (analiză politologică). Autoreferat al tezei de doctor în ştiinţe politice. - Chişinău, 2005.*

Исходя из концептуального аспекта данной проблемы, автор рассматривает адаптацию иноязычного населения к автохтонной этнической среде посредством триады «необходимость – обязательность – рентабельность». До сих пор у нас отсутствовавал такой подход ни в теоретическом плане, ни в этнополитической практике Молдовы.

Автор раскрывает аргументы для про-адаптации всех совместно проживающих жителей. Содействую общению людей, общество избежит многих проблем и конфликтов с новыми приезжими. Адаптация может иметь реальный характер, только если она сопровождается фактором обязательности, что предполагает необходимость получения гражданства для вновь прибывших. Главным элементом адаптации является изучение и обязательное использование официального языка.

Беспристрастное исследование проблем адаптации, в большей мере полезно для иноязычного населения, поскольку оно приводит к оптимизации его ситуации. Адаптироваться к автохтонной этнической среде, это значит, освоить единственный цивилизованныф путь сосуществования в данной среде.

Феномен адаптации к автохтонной этнической среде, как подчёркивалось, выше является условием интеграции населения в эту среду. Исходя из значения интеграционного фактора в динамизации межэтнических отношений, автор уделяет этому вопросу большое внимание. Мы полагаем, что интеграция на этническом уровне в Республике Молдова является ключевой проблемой не столько для настоящего времени, сколько для будущего.

Справедливо показано в работе значение национального интереса в консолидации страны, а также неоднозначное восприятие данного интереса в современных условиях Республики Молдова. При этом поддерживаем критический подход автора по поводу определения некоторыми специалистами национального интереса Молдовы как интереса, направленного на обеспечение суверенитета, независимости и территориальной целостности государства, экономического процветания, прав и свобод человека[256].

Такое определение не вполне соответствует нынешним реалиям. Сегодня в Республике Молдова, национальный интерес соотносится довольно парадоксально с адаптацией и национально-этнической интеграцией. Это связано с тем, что абсолютное большинство иноязычного населения по-настоящему еще не сознаёт национальный интерес Мол-

---

[256] *Pântea Iu. Interesele naţionale ale Republicii Moldova. Riscuri şi pericole. (http://www.ipp.md/)*

довы, не идентифицируется с самим термином «молдаванин», который воплощает название страны (как, например, в России, где все жители страны считают себя «россиянами»), имея в лучшем случае неопределённое отношение к национальному интересу страны проживания. Этнические русские Молдовы в основном ориентируется на национальные интересы России.

Без сомнения, реализация национального интереса Республики Молдова требует сближения позиций различных групп населения. Поэтому, считаем обоснованным суждение, что адаптация миноритарных этнических групп к автохтонной этнической среде, рост уровня их толерантности по отношению к титульной нации приведет к взаимному уважению, обмену ценностями. Это является очень важным для определения и сохранения идентичности данных групп.

Вторая часть работы, в основном эмпирического характера, сосредоточена на анализе нынешнего уровня процесса адаптации / неадаптации нерумыноязычного населения к автохтонной этнической среде, раскрытии перспектив улучшения ситуации. Этот процесс, по мнению автора, определён рядом внешних и внутренних обстоятельств (факторы, причины, условия) исторического характера, действие которых проявлялось достаточно противоречиво.

Автор указывает, что в неадаптации иноязычного населения к автохтонной этнической среде, большую роль сыграли и внешние обстоятельства. Аннексия к царской империи в 1812 г. территории между рекой Днестр и рекой Прут, проведение здесь активной политики денационализации, сопровождавшейся массированной колонизацией нерумыноязычным населением, продолжение такой политики и после 1940 г. и 1944 г. властями советской империи усугубили ситуацию.

Исходя из этого, автор определяет основные причины непринятия иноязычным населением адаптации. Автор сумел показать эволюцию этого процесса, подврдит нас к выводу, что новые, нынешние причины неадаптации являются своего рода продолжением старых.

Довольно показательными являются также психология неадаптации, присутствующая у большинства иноязычных жителей; игнорирование представителями иноязычной элиты, а также государственными органами, самой необходимости постоянной работы по повышению сознания иноязычного населения, его осознания преимуществ адаптации; отсутствие в государстве и в обществе соответствующего информационно -воспитательного центра, занятого проблемами адаптации; неблагоприятное влияние внешнего фактора на процесс адаптации в республике. И

наконец, по мнению автора в неадаптации нерумыноязычного населения страны виновен каждый автохтонный житель.

Только преодолев безразличие автохтонных жителей к проблеме адаптации, только рост их гражданского сознания и активизация усилий гражданского общества, приведет к действенной мониторизации деятельности власти и оппозиции в этой области, к рационализации их отношений, к выработке и внедрению реальной программы адаптации населения.

Исследование проблем адаптации нерумыноязычных жителей было бы более полным, если бы автор проводил сравнительный анализ с другими странами, раскрывал их этнополитический опыт. Также важно четче выявить роль национальной политики страны в процессе адаптации иноязычного населения. Важно также определитъ юридическую основу адаптационного механизма, что способствовало бы усовершенствованию этнополитической деятельности. И наконец, содействовать адаптации и интеграции и, соответственно, национальному единству, невозможно только на базе национального интереса, который ограничен сугубо потребностями его носителей (с.29) данной роботы.

Считаем работу Н.Кожокару, со всеми её достижениями и недостатками, довольно поучительной и полезной. С уверенностью полагаем, что она будет способствовать позитивным эпистемиологическим, аксиологическим и праксиологическим трансформациям в области межэтнических отношений в целом и этнической адаптации в частности.

Представлена в редакцию
23 января 2006 года.

INFORMAȚIA
privind susținerea tezelor de doctor şi doctor-habilitat în ştiințe politice în consiliile ştiințifice specializate din Republica Moldova în anul 2005[257]

nr.	*Autorul*	*Denumirea tezei*	*Conducător / consultant ştiințific*
		Teze de doctor	
1.	Anghel Elvira	Reflectarea tranziției în comportamentul politic al maselor (cazul Republicii Moldova).	Cujbă V.
2.	Bucătaru Igor	Instituționalizarea partidelor politice din Republica Moldova: studiu interdisciplinar.	Moşneaga V.
3.	Bulova Margarita	Spațiul şi timpul electoral în condițiile Republicii Moldova: analiza şi modelarea parametrilor dinamicii.	Saca V.
4.	Gorincioi Radu	Democratizarea Republicii Moldova în contextul proceselor de globalizare.	Saca V.
5.	Margarint Ana	Elita politică din Republica Moldova: aspecte ale formării şi dezvoltării.	Cujbă V.
6.	Morozan Alina	Minoritățile naționale în Republica Moldova: starea şi problemele de integrare (analiză politologică)	Moşneaga V.
7.	Tăbîrță Silviu	Impactul politicului asupra stratificării sociale în condițiile tranziției democratice.	Varzari P.
8.	Țurcan Dumitru	Interesele politice şi mass media. (cazul Republicii Moldova)	Moraru V.
		Teze de doctor-habilitat	
1.	Sacovici Vasilii (Belarusi)	Antiglobalism: esențe, cauze şi forme de bază.	Rusnac Gh.

Informația a fost prezentată
de către prof. V.Saca

[257] *Informația vizează doar susținerile din cadrul Consiliului Ştiințific Specializat al Universității de Stat din Moldova, întrucît în anul 2005 în Consiliul Ştiințific Specializat al Academiei de Ştiințe a Moldovei susțineri în domeniul respectiv n-au avut loc.*

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

№2 (XXXIII), 2006.

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 2.04.2005. formatul 60x84 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 10,6. Coli editoriale 10,0.
Comanda 59. Tirajul 50 ex.

Centrul Editorial al USM.
Str. A.Mateeevici, 60, Chişinău, MD, 2009